Литературное объединение
«Северный огонёк»

Сквозь время

Издательские решения
По лицензии Ridero
2022

УДК 82-1
ББК 84
Л64

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Литературное объединение «Северный огонёк»
Л64 Сквозь время / Литературное объединение «Северный огонёк». — [б. м.] : Издательские решения, 2022. — 280 с.
ISBN 978-5-0056-8759-3

Сборник «Сквозь время» — это не просто сборник произведений (поэзии и прозы) авторов Сургутского литературного объединения «Северный огонёк», это своеобразный отчёт о 55-ти летней деятельности старейшего на Югорской земле литературного объединения, существующего с 1967 года. С юбилеем, «Северный огонёк»!

УДК 82-1
ББК 84

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0056-8759-3
© Литературное объединение «Северный огонёк», 2022
© Вячеслав Сазанович, дизайн обложки, 2022

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Новый альманах сургутского городского литературного объединения «Сквозь время» собрал под единой обложкой писателей, зарекомендовавших себя как самобытные авторы на протяжение более чем полувековой истории «Северного огонька». Югорских поэтов традиционно было больше, чем прозаиков, сердечно-доверительная лирическая линия сохранилась и на сей раз. Факт преобладания звуковых и ритмических средств поэтики, подчёркнут сказовостью и яркой эмоциональной выразительностью прозаических миниатюр А. Козловского, С. Мельникова, Н. Усовой.

«...старая верба. А на ней гнездо воронье. Поначалу-то думал Игнаша, что заброшенное то гнездо. А так получилось, что надо ему эту вербу свалить. Глядь — а у гнезда ворона сидит; а в гнезде — воронятки малые. Жаль их Игнату, да работу-то надо справлять. Взмахнул топором. Только тут ворона из гнезда порх ему под ноги». — А. Козловский, «Накаркали»

В эпоху «рэповатых словоизлияний» по выражению Л. Елистратовой, сургутская словесность находится на молодой стадии развития и, на мой взгляд, обещает впереди расцвет, хотя имеет довольно солидный стаж.

Речь не только о Петре Суханове и Николае Шамсутдинове, которые стали членами Союза писателей ещё в СССР, но и о большинстве представленных тут знаковых личностях литературного Нефтяного Приобья. Широта их стилевых предпочтений, радости и печали бытия не в силах скрыть неистребимой тяги к гармонии и красоте русского слова, пронизывающей сургутские тексты.

«Совесть», «мудрость», «смелость», «счастье», «справедливость», «любовь» — вот темы, обращение к которым даёт вдохновение нашим творцам и, подпитывает их, как модно сейчас говорить, креативность.

Югру давно славит созвездье имён Михаила Антохина, Нины Галочкиной-Асикянц, Анжелики Бивол, Леонида Гайкевича, Егора и Любови Елистратовых, Георгия Ешимова, Любови Коробкиной, Александры Лазаревой, Олега Никулина, Людмилы Премудрых, Олега Рихтера, Вячеслава Сазановича, Наиры Симонян, Никона Сочихина, Юриса Хисматуллина. Другие звёздочки загораются рядом не для того, чтобы затмить их, а для того, чтобы достойно расположиться рядом.

Рождение сборника происходит в условиях господства новейших информационных технологий, он очень хорош тем, что отражает полнокровную жизнь сообщества, участники которого прошли многолетний путь от самодеятельных авторов, до поэтов, которые, пожалуй, нашли бы что сказать на уровне литературного направления. Время покажет, каким курсом пойдёт корабль сборника, влекомый очередной волной современной поэзии.

Сергей Сметанин,
Член Союза писателей России,
Руководитель сургутского литературного объединения «Северный огонёк» с 1995 по 2007 годы.

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Задумка издать юбилейный сборник «Северного огонька» появилась внутри литературного объединения давно, года за полтора до юбилея. Опыт издания общих сборников у нас есть. Это давало некую уверенность, что всё в наших силах. Но тогда авторы вряд ли оценивали весь масштаб работы, который был необходим для того, чтобы довести начатое дело до конца. Было всякое: созвучия в каких-то вопросах, и недопонимание в других; порой ревностное отношение к соавторам «слева» и «справа»; и, нередко, довольно длительная подборка произведений каждого из авторов.

Но был и есть «костяк» коллектива, сплотившийся ещё при прежних руководителях. Моё личное мнение, что это явление сыграло немаловажную роль в подготовке сборника. Далее наибольшее значение сыграла напористость руководителя Вячеслава Сазановича. Его требовательность, порой чрезмерно резкая, тоже сделала своё дело. Знание компьютерных технологий только способствовало этому.

Допускаю мысль, что «ляпсусы» ещё могут встретиться на страницах «нашего времени». Но хочется верить, что они будут не настолько серьёзными, что за них можно жестко критиковать. Даю себе отчёт в том, что участие руководителя в подготовке сборника таково, что понимаю: я, как прежний руководитель, так бы не смогла.

Александра Лазарева,

Член Союза писателей России,

Руководитель сургутского литературного объединения «Северный огонёк» с 2012 по 2020 годы.

И В БУДУЩЕЕ!..

Старейшему на Югорской земле Сургутскому литературному объединению «Северный огонёк» в этом, 2022 году, исполнилось 55 лет. У нашего объединения юбилей! 55 лет — солидный ли это возраст? С человеческой точки зрения, вроде-бы да, но для вечности, это так, просто всего один чих. В литературном объединении я состою с 2013 года. За девять лет, что участвую в деятельности «Северного огонька», думал, что узнал об «Огоньке» много, оказалось нет. При составлении данного сборника, лично для меня открылась плеяда талантливейших авторов из прошлого «Огонька», о которых знал лишь посредственно. За годы существования литературного объединения через «Северный огонёк» прошло огромное количество поэтов, прозаиков и тех, кто считает, что умеет писать. Часть появлялась, участвовала в работе объединения и исчезала, но были, есть и ещё будут те, кто остаётся с «Северным огоньком» навсегда. Юбилейный сборник «Сквозь время» включает в себя произведения именно таких авторов, представляя, тем самым, собой своеобразный отчет о 55-ти летней деятельности объединения.

Меняется время, меняются поколения, прежняя молодежь понимает, что достигает такого возраста, когда надо уступать дорогу молодёжи новой, так было всегда и во всём. Но жизнь не останавливается. В «Северном огоньке», как и раньше появляются новые авторы. Пройдет двадцать, тридцать, сорок лет и состав действующих представителей литературного объединения «Северный огонёк» обновится почти полностью (с «почти» я, наверное, приукрасил). И «Огонёк» продолжит существовать — ему просто деваться некуда. И там, в будущем, начнут появляться новые юбилейные сборники, которые, также, как и сборник «Сквозь время», будут являться своеобразными отчетами о 75-ти летней, 100 летней, 110-ти летней

(и так далее) деятельности Сургутского литературного объединения «Северный огонёк».

Но это всё потом, а сейчас вниманию читателей представляется сборник «Сквозь время», выпущенный в честь 55-ти летнего юбилея литературного объединения «Северный огонёк».

Вячеслав Сазанович,

Член Тюменского областного отделения «Союза российских писателей»,

Действующий руководитель сургутского литературного объединения «Северный огонёк» с 2020 года.

МИХАИЛ АНТОХИН

***

Ах, поспела, совсем поспела
Золотая на поле рожь.
Может, там тебе нет и дела —
Всё равно ты туда идёшь.

Хмуришь брови и чуб свой хмуришь.
И того не заметил совсем,
Как глаза ты усталые жмуришь
От звенящего солнца в овсе.

Как подносишь ладонь ко лбу ты,
Когда близок закатный час.
И жалеешь, что ты обутый,
Босиком бы тебе сейчас!

О, святое желание детства!
И ботинки слетают с ног!
И как будто волшебное действо,
Застревает меж пальцев комок.

Он щекочет и чуточку колет,
Разжигая в ступнях тепло.
Ах, ты поле, родимое поле,
Твой я, твой перезрелый плод.

***

Нет,
Весной ещё не пахнет,
Хоть в преддверии — апрель.
Как мороз под утро жахнет,
И кукожится капель!
И сосульки бахромою
Над карнизами висят,
И под огненной зарёю
То мерцают, то звенят.
Воробьи не кажут носа,
И ворона — редкий гость.
Таянье не началося:
Зимний наст ещё — что кость!
Солнца северного око
Из-под лба на всё глядит;
Почки спят ещё глубоко,
Как младенцы на груди.

***

Не утихает дождь на улице;
Прорвётся луч едва-едва, —
И снова небо кисло хмурится,
И хмурые ползут слова.

Начало августа печальное;
Тепла мы ждали — ан! — возьми.
Так нелюбимо обручальное
Кольцо меж разными людьми.

Но что-то ж подтолкнуло к этому
Позолочённому кольцу?..
Так и теплу, наверно, летнему
Идти, хоть нехотя, к концу.

***

Разгулялась вьюга,
Режет, как огнём.
Первого июня,
Первым летним днём.

Белые метели
Хлеще, чем зимой
Лезут во все щели,
Бьются головой.

Ничего не видно,
Жёсткие струи,
Как там ни обидно, —
Позвончей струны.

Дух и глаз — счастливы,
Всплеск душевных сил…
Здорово, красиво
На святой Руси!

***

Куплю пальто из дерматина
И шляпу новую куплю,
Сошью рубаху из сатина,
Войду и выложу:
Люблю!

А ты давно меня забыла,
Давным-давно живёшь с другим…
Но что-то грудь твоя забилась,
И по лицу пошли круги,

Как будто камень кем-то брошен
На спящую поверхность вод.
А я стою, не ждан, не прошен,
И не боюсь, что муж придёт.

И ты нисколько не торопишь,
Мол, поживей, застанет муж…
Ничья ты, как лесные тропы
Или Луна в развалах луж.

***

Ещё я с вами не прощаюсь,
Ещё средь вас мне жить и жить…
Но к вам сейчас я обращаюсь
Уже от имени души.

Я обращаюсь к вам: О, други!
Когда не будет здесь меня,
Пусть песнями звенят округи
С рассвета до заката дня.

Я обращаюсь к вам с мольбою:
Как круто не вертелся б век —
Любовью, лишь одной любовью
Живёт на свете человек;

Я обращаюсь к вам, и сам я,
Пока живу и буду жить,
Сей мир с обычными красами
Любил, люблю, буду любить!

***

Всё труднее даётся шаг,
Всё длиннее очередь-годы,
Притомилась моя душа,
Словно птица от непогоды.

Ветер северный гонит муть,
Ночь идёт без вечерней зари,
Еле-еле разводят тьму
Нимбоносные фонари.

То ли явь, то ли кажется мне:
В непролазных этих потёмках
Созревают в небесном огне
То, что скажется на потомках.

***

Отчего скворец поёт,
Только небо засветилось?
Оттого он и поёт,
Что родился здесь и вырос.

Отчего ручей звенит,
Полон детского веселья?
Оттого он и звенит,
Что бежит в родном ущелье.

Отчего душа светла,
Хоть накрыта чёрной болью?
Оттого она светла,
Что наполнилась любовью.

К этим нивам и полям,
К очагу, родному крову,
Ко всему-всему живому
Что несёт в себе земля.

***

А ветер с визгом вырвался,
Сорвался, как с вожжей.
За огороды ринулся,
За хатами уже.

Дрожит вода озёрная,
Столбом проходит пыль,
Прорвалась туча чёрная,
И прилегла ковыль.

Леса надбровья подняли,
Испуг в больших глазах;
Они пока не поняли:
Откуда к ним гроза?

Дубы надели латы,
Мечи наперевес…
А ветер пал на хату
И под стреху залез.

НИНА АСИКЯНЦ-ГАЛОЧКИНА

УРАЛ-ГОСПОДИН

Урал — «Господин» его имя,
Урал — это горы, тайга,
Зеркальных озер переливы,
Разливистых рек берега.

Богатствами недра набиты,
Земля их священно хранит,
Шкатулкою из малахита
Бажовское слово пленит.

«Рябинушку» — песню Урала,
Проникшую в души людей,
Не только страна распевала
Пел каждый уральский ручей.

Уральцы культурою славны,
Будь Коми, Татарин, Башкир,
И каждый своими путями
Идет, раскрывая свой мир.

Тот мир, что сближает народы,
В едино сливает сердца.
Пусть даже нагрянут невзгоды,
Единству не будет конца.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, СУРГУТ!

О мой Сургут! Сегодня ты под солнцем
Сияешь цветом радужных лучей.
Я в День рожденья твой хочу всем сердцем
Найти слова любви погорячей.

Ты дорог мне до камешка земного,
Я растворилась в красоте твоей,
И на тебя молюсь, как на святого,
Ты покровитель старости моей.

По улицам без устали брожу я,
Мне мило улыбаются дома,
Твои березки, кронами чаруя,
Сопровождают трепетно меня.

Пусть солнце над тобой сияет вечно,
Чтоб, как сегодня, цвел ты, не старел
И, чтобы житель твой, твой каждый встречный,
С улыбкой светлой на тебя смотрел.

О, ПАМЯТЬ!

О память — годы юные!
Прекрасней нет поры.
С гитарой семиструнною
Дружили до зари

Часов не наблюдали мы.
И сон нас не морил,
О, Боже, если б знали вы,
Какой в нас дух царил!

Свободные, беспечные,
Жилось привольно нам

Признания сердечные —
Что на душу бальзам.

Звучала в душах музыка,
Любовь из них лилась,
В глазах скрывалась грустинка,
В душе таилась страсть.

Частушки — развлекушечки
Вполголоса лились,
Девчонки — хохотушечки
Раскрашивали жизнь.

БЫЛОЕ ЖИТЬЁ

Как давно постарела калитка,
У которой тебя я ждала.
И старушкою стала ракитка,
Что у нашей скамейки росла.

Покосилась скамья от унынья,
Знать судьба моя гложет её
И тоскует подруга рябина,
Вспоминая былое житьё.

Да, когда-то ждала я свиданий,
Но теперь заросла и тропа
К той скамейке, куда нес желанный
Верность мне. Но видать не судьба.

А теперь трепет листьев ракитки
И рябиновых бусинок цвет,
Скрипы преданной старой калитки,
Заменяют мне жизненный свет.

МРАЧНАЯ ЖИЗНЬ

Грусть в душу закралась надолго,
Я жить с ней ей-ей не смогу.
«Ну, где ж ты моя путь-дорога?!
Дай знать! От тоски убегу.»

Я, будто рябина без кроны,
С ободранной напрочь корой
От боли и ноет, и стонет
Душа моя с горькой судьбой.

Теснит одиночества сила,
Ненужности чувства гнетут,
Всю жизнь напрочь ветром скосило
И дни, тучей мрачной идут.

НАСТРОЕНИЕ

Новый год! А душа охладела.
Равнодушье испортило жизнь.
Мною цепко тоска овладела,
И бессмысленно дни понеслись.

Не случаен визит равнодушия,
Счастье смыто житейской волной.
И теперь будто приступ удушья
Хладнокровие рядом со мной.

Что же делать, куда тут деваться?!
Мне вперед уже сил нет идти.
С прошлым я бы не прочь повстречаться,
Но к нему не доступны пути.

У КОЛЫБЕЛЬКИ

Тихонько к милой подошла я колыбельке.
Раскинув смугленькие ручки, ты спала.
Едва коснулась белой с рюшами постельки —
Волною радость мою душу обвила.

Тобою долго у кроватки любовалась,
Как неумело ты сжимала в кулачке
Пустышку желтую и нежно улыбалась.
Кудряшки черные дышали на виске.

Судьбы подарком восторгалась я и млела,
Благодарила сердцем Бога за него.
Невольно крошечные пальчики задела
И от души моей волненье отлегло.

НЕ ТУЖИ!

На диван упала я без сил.
Плед старинный ноги мне обвил.
Ты присел и голову склонил,
На плечо мне руку положил.

Прошептал мне: «Ты устала, мать?
Стал теперь я это понимать.
Давят годы, барахлит плечо,
Сердце ноет, лезвием сечет!

Но не унывай, ведь мы вдвоем,
Осень мы свою переживем!
Жизненные горечи души
Вместе одолеем, не тужи!»

ЕСЛИ БЫ НЕ СТАРОСТЬ!

Грустно, одиноко
На скамье у тына.
Вспомнила я наши
Встречи, мой любимый.

Если бы не старость,
Ветром бы примчалась,
Обняла бы крепко
И к груди прижалась.

Теплыми губами
Прикоснулась нежно,
Тихо бы шепнула:
«Я люблю, как прежде».

Если бы я знала,
Что с тобою встречусь,
Я бы не страдала,
Не сгибала плечи.

ДЕРЕВЕНСКИЙ РОМАНС

Подойди к моему ты окошку,
Подари свой таинственный взгляд,
Растяни распевунью гармошку,
Пусть немного меха пошалят.

А я платье цветное надену
И на плечи наброшу платок,
Растяни же гармонь посильнее,
Пусть она даст любви мне глоток.

Заждалась у калитки скамейка
Под раскидистой липою нас,

Скучно смотрит луна-чародейка
Добрый взгляд мне не дарит сейчас.

Ну приди поскорей! Мне так грустно!
Обними, посмотри, мне в глаза.
Ну не прячь, отпусти свои чувства,
Их моя обливает слеза.

Протяни же ко мне свои руки,
Я в объятья их брошусь тотча́с,
Мне не вынести больше разлуки.
Пусть судьба поскорей сведет нас.

ТОЛЬКО ТЫ ПОЗОВИ

Романс

Я с гитарой — подругою верною,
На свиданье, любимый, приду.
Встретим вместе мы зорьку вечернюю,
Чем согреть твоё сердце найду.

И к скамейке под старой чинарою
Поспешу, только ты позови.
Мы вдвоем эту встречу желанную
Занавесим вуалью любви.

Пой гитара моя семиструнная,
Заливая мелодией сад.
И тогда ночь — волшебница лунная
Нам подарит любви аромат.

АНЖЕЛИКА БИВОЛ

ПАДАЮТ СКАЗКИ

Звёздами с неба падают сказки,
Прячутся в гривах полночных коней.
Яркими перьями — всполохов краски,
Где-то вдали — ярость гроз и дождей.

Лягу в траву и, на звёзды любуясь,
Как в молоко, в летний сон окунусь.
Утром, с рассветом чудесным целуясь,
К новому дню невзначай прикоснусь.

А ТЫ УМЕЕШЬ СЛУШАТЬ ТИШИНУ?

А ты умеешь слушать тишину?
Ты слышишь птиц, спешащих в поднебесье?
В ночи грустящую огромную луну,
Кота в саду, поющего ей песни?

Ты слышишь шелест крыльев стрекозы,
Шуршанье листьев молодой березы,
Среди травы вздох утренней росы?
Не зря росинки выглядят, как слезы.

А ты умеешь слушать тишину?
Нежнейшую мелодию рассвета,
Когда легонько тронула струну
Скрипачка с псевдонимом странным — Лето…

А ты умеешь слушать тишину?

И БУДЕТ ТИХО

И будет тихо снег ложиться,
И будет долгий снегопад
Над нашим городом кружиться,
И белым-белым станет сад.

И яблони уснут, и ели,
И куст сирени под окном.
И только пение метели
Тревожить станет старый дом.

Дом робко скрипнет половицей,
Трубою, нехотя, вздохнёт,
Старинной прошуршит страницей,
И тоже до весны уснёт.

ВРЕМЯ ЛИСТАЕТ

Белыми вьюгами, снежными ве́трами
Время листает зимы календарь.
Над городишками, в саван одетыми,
Служит морозец — зимы пономарь.

Время привычно бежит между пальцами:
Чуть зазевался — поди догони!
За облаками судьба-вышивальщица
Белою ниткою правит нам дни.

Время, беспечно балуя границами
Светлых ночей, серых пасмурных дней,
Нетерпеливо играет страницами
Тихо ветшающих календарей.

СОННАЯ АЛЛЕЯ

Листья облетели. Мир поблек.
В старом парке зябкий ветер кружит.
На тропинки сыплет мокрый снег,
Размывает отраженья в лужах.

По увядшим листьям, не спеша,
Поброжу, тихонько грусть лелея.
Посмотрю, как длинный белый шарф
Примеряет сонная аллея.

ИЗ КУБИКОВ ЛЬДА

Здесь тысячи комнат, и в каждой — по каю!
Но слово собрать не умеют они.
О доме не помнят, в ледышки играют,
В забавах проводят столетья, не дни!

Какая здесь тайна? О милом мечтала,
И каев везла во дворец вновь и вновь.
И в спальне огромной давно начертала
Не «вечность», но вечное слово" любовь»!

Но, эти мужчины! Им дело дороже —
Из кубиков льда сочиняют стихи.
А я становлюсь холоднее и строже,
И мёрзнут в чертогах моих женихи.

ЗА ОКОННЫМ СТЕКЛОМ

А у нас за оконным стеклом — кружева,
Дерева в белоснежном наряде венчальном,
Солнца блеск и морозных небес синева.
Для изящной картины ищу я слова —
Описать этот радостный день изначальный.

За окном — кружева! Постаралась зима,
Напряла белых нитей, платков навязала,
Наткала гобеленов прекрасных сама,
Человеку на это не хватит ума —
Каждый кустик ажурным укрыть одеялом.

Ах, зима! я то встречи с тобою боюсь —
Слишком долго гостишь, белизной утомляя,
То, ажурной твоей красотой вдохновлюсь,
Прогоню из души надоевшую грусть,
И смирюсь: будь хозяйкою нашему краю.

ВЕСТНИКИ ВЕСНЫ

Где-то море, пальмы, пляжи,
Наш удел — дожди, увы.
Неприметные пейзажи,
Серость вместо синевы.

Где-то солнышком искрится
Каждый божий будний день,
Счастье льётся сквозь ресницы,
Пахнет на весь мир сирень.

Здесь неласковые дали
Тайны древние хранят,
Светлой полные печали,
В небо хмурое глядят.

Сосны шепчутся о вечном,
Не скрываясь, не таясь,
Искренне и чуть беспечно
Обнимаясь с ветром всласть.

В хрупкой тишине хрустальной
Ночи белой над тайгой
Вестники весны венчальной —
Журавли летят домой!

ВНОВЬ РУКА ТОНКОЙ РУЧКОЙ ВЫВОДИТ

Я не знаю, как это приходит,
Как рождаются в сердце стихи.
Вновь рука тонкой ручкой выводит
На бумаге начало строки.

И душе так легко и тревожно
Чувства снова в слова облекать,
Ты же знаешь, порой невозможно
Вслух о том, что волнует сказать.

А бумага всё примет, поверь мне,
На проблемы прольёт новый свет.
В мир счастливый откроются двери,
И отыщется нужный ответ.

ВРЕМЯ БЕЛЫХ НОЧЕЙ

Не темнеет в июне в Сургуте,
Правит бал время белых ночей.
Птичий гомон под окнами будит,
И светло, как от сотен свечей.

Расцвели одуванчики дружно,
Ярко-жёлтым газоны пестрят.
Ждём тепла, нам так всем это нужно,
Лета ждём, лишь бы только не зря.

Пахнет сладко черёмуха снова,
На проспекте — тюльпаны в цвету.
Вечер хладный дождливо-лиловый
День уставший сменил на посту.

АХ, ВЕСНА!

Ах, весна! ты опять нарядила
В одуванчика цвет город наш!
Долгожданный сегодня открыла
Тёплых радостных дней вернисаж.

Распускаются первые листья
На берёзе под нашим окном,
И рябины душистые кисти
Расцветают с весенним теплом.

Дождик город старательно моет,
Тучи небо с утра бороздят,
Но за грустью природа не скроет
Свой лукаво-таинственный взгляд.

Не сердись, что она так беспечна,
Улыбайся и плачь вместе с ней.
И люби, и пиши бесконечный
С тёплой грустью романс вешних дней...

ПРОСНУЛСЯ ЛЕС

А где-то далеко проснулся лес,
И потянулся к небу каждой кроной!
И меж стволов луч солнечный исчез,
Вдруг в мураве запутавшись зелёной.

И там, вдали, звенит рассветный хор —
На все лады в ветвях запели птицы!

И паутин затейливый узор,
Как кру́жево волшебное искрится!

И там белёсый утренний туман
Играет в прятки с солнцем над рекою.
И ветер прячет бабочек в карман.
День новый полон света и покоя...

СТРАНИЦЫ

Ещё одна страница прожита.
Чем исписать её мне удалось?
Обиды, страхи, страсти, суета,
Нелепости случайные и злость?

Иль радостью, душевной теплотой,
Заботою о близких и друзьях,
Чудесной книгой, песенкой простой
Свой день наполнила сегодня я?

Страницу за страницей, продолжай —
Пиши легко, как добрые стихи.
Любя, надеясь, веруя, и знай —
В ней не дано исправить ни строки.

ОТКУДА-ТО СВЫШЕ

Откуда-то свыше явилось всё это:
Птиц гомон и утренний звон в тишине.
И день, в голубое сиянье одетый,
И радость беспечная новой весне.

И это желание жить, не рисуясь,
И счастье — в стихи облекать Божий мир,
Жить тихо и просто, любя и любуясь
На щедрость земли, на небесный сапфир.

Откуда-то свыше — души тихий трепет,
Волшебная пена седых облаков,
Листвы новорожденной благостный лепет,
И солнце — сквозь вечную мудрость веков…

ВАЛЕНТИН ВОРОБЬЁВ

ГРУСТЬ

Я лечу свою тоску
Золотом берёзы,
По зелёному листку
Позабылись грёзы.
По июльскому теплу
Лишь воспоминания,
Дождь струится по стеклу —
Слёзы расставания.
Благодатные деньки
Подарила осень,
Спрячу я свои грехи
Меж берёз и сосен,
Закопаю под листву,
Затопчу ногами,
Только зиму проживу
С новыми грехами.
Мне сугробы принесут
Долгие метели,
Спрячу грусть свою в лесу
Под густые ели.
Лишь оставлю при себе
Слабые надежды,
Что не буду я теперь
Горевать, как прежде,
Что не буду я грустить
И скучать о лете,
Грусть придётся отпустить,
Чтобы радость встретить.

О СЕБЕ

Я писателем не был
И поэтом не стану,
Не сложилось на небе,
Чтоб понравился статью.
Не связать свои мысли,
Словно звенья в цепочку,
Что в пространстве повисли
Непоставленной точкой.
Но как хочется думать,
Чтобы было красиво,
Изложить свои мысли
На бумаге курсивом,
Чтоб до всех донести,
Как умеют поэты,
Свой восторженный стих,
Без насмешек при этом.
Чтоб до всех достучаться
Своей болью душевной
И увидеть взаимность,
Как подарок волшебный.
Навсегда сохранить,
Как года не бежали б,
Чувства нежной любви
И сердечной печали
По ушедшим годам,
По волнующим встречам,
И друзьям всё раздать,
Что в душе смог сберечь я.
Всех собрать за столом,
Никого не обидеть,
Угостивши вином,
Их улыбки увидеть,
Попросить никогда —
Никогда не теряться,
Даже, если когда-то

Придётся расстаться.
Но довольно грустить,
Поддаваясь печали,
Я попробую жить,
Чтоб фанфары звучали,
О годах не жалеть,
Сколько б их не осталось,
А иначе — удел,
Называемый старость.

ОСЕНЬ

Осень постучалась
Дождиком в окно,
С летом попрощаться
Видно суждено.
Утопает город
В золоте берёз,
Сковывает холод
Струйки мокрых слёз.
С лёгкой грустью плачет
Дождик среди дня...
Всё же много значит
Лето для меня.

ОДА СУРГУТУ

Я живу — там, где долго не тают снега,
И в сугробах метровых тихо дремлет тайга,
Где зимой, вместо птиц, только ветры поют,
Город есть на Земле под названием — Сургут.

Здесь под лёд на полгода уходит река,
А в морозы за тридцать «прохладно слегка»,
Здесь движение времени — только вперёд
И борьба двух стихий — нефти пламя и лёд.

Со времён Ермака и до нынешних дней,
Как магнит, он притягивал разных людей.
Кто за длинным рублём — тот на всё был готов,
Кто — на запах тайги и романтики зов.

И в борьбе двух идей, на сибирской земле,
Вырос город, который других мне милей.
За четыреста лет, на могучей Оби,
Наши прадеды нам завещали любить.

Этот город, что по́дняли наши отцы,
Где сегодня стоят нашим детям дворцы.
И на месте болот, средь дремучих лесов,
Вырос город — красавец из дедовых снов.

Если было б возможно повернуть время вспять,
Нет… не стану свой город на другие менять.

А ВРЕМЯ НЕ ЛЕЧИТ…

А время не лечит… время меняет,
Яркие краски с годами линяют.
А на лице остаются морщины,
Шрамы в «боях» — украшенье мужчины.

А время не лечит… вдруг заболеем,
Да и не хворь это — просто стареем.
Быстро уходят года молодые,
На голове — только пряди седые.

А время не лечит… просто уходит,
Кто-то теряет, а кто-то находит.
С возрастом многие будут мудрее,
Однако не все, право, кто-то глупеет.

А время не лечит… оно не лекарство,
Нету любви в бессердечном пространстве.
Хочешь любить? — Так люби себе с Богом.
Хочешь любимым? — На Голгофу дорога.

А время не лечит… мало осталось.
А если закончится?..
Что?..
Доигрались?

***

По мотивам стихотворения
Л. Лерокс

В костер обид кладём дрова,
Порой того не понимая,
Свои используем слова,
Как бритву, сердце разрезая.

Словами… больно… по лицу,
Наотмашь бьём, не зная меры,
Надеясь доказать «слепцу»
Лишь правоту своей химеры.

И в «безусловной» той любви
Нет виноватых, нет и правых.
Как жаль, но оба визави,
Пред ней, готовы на расправу.

Когда закончатся слова,
Друг друга, не коснувшись взглядом,
Он станет глух, она — черства
И больше быть не смогут рядом.

Но если всё ж любовь жива,
А сами чувства безусловны,
Пусть запоздалы, пусть греховны —
Надежд не лопнет тетива.

***

Склеить разбитую чашку?
В принципе — это возможно.
Пить из неё потом тяжко —
Надо совсем осторожно.

Да и налить горячее
Будешь всё время бояться.
Чай из неё не согреет
Старую душу паяца.

Всё, что за маской он прятал,
Кто бы хотел — не увидит.
Кнопочка «Delete» нажата,
Больше никто не обидит.

Стёрты из памяти лица,
Смыты Души его чувства.
Чашка на полке пылится —
Воспоминанье безумства.

Лишь иногда, вспоминая,
Взглядом за чашку цепляясь,
Трещинки забывает,
Тихо пришедшая старость.

***

Когда закончится война
И мы вернёмся с поля боя,
Вдвоём испив бокал вина,
Отравленный враждой обоих.

Когда закончится война,
Друг друга мы любить не сможем,
Опустошённые до дна,
Сердца устанут, враг низложен.

Но победителей в ней нет
И жертва — лишь ЛЮБОВЬ нагая,
На поле боя столько лет
Лежала, кровью истекая.

Война забыта, смыта кровь,
Исчезли старые обиды,
На поле брани лишь ЛЮБОВЬ
Осталась чувством позабытым.

И узел Гордиев, вдвоём,
Мы затянули, что есть мочи,
И ни в твоём, и ни в моём,
В сердцах, ЛЮБОВЬ ожить не хочет.

ЛЕОНИД ГАЙКЕВИЧ

ПОКОРИТЕЛИ НЕФТИ

Зимняя ночь. Буровая. Балок.
Спит после вахты нефтяник уставший.
Светит луна, взгромоздясь на кранблок,
Снег освещая, на землю упавший.

В скважине гулко дрожит турбобур,
Свечи звенят, ударяясь о свечи.
Лезет на мачту в спецовке помбур,
Пояс, надев для страховки на плечи.

Ночью и днём здесь работа кипит,
Спрятался пласт глубоко под землю...
Крепко бурильщик сменившийся спит.
Время проносится быстрой стрелою.

Спит человек, улыбаясь во сне.
Видит он дом свой, жену и ребёнка,
Видит он сад, утонувший в весне,
Слышит он пенье малиновки звонкой.

А за окном свежевыпавший снег
Землю укрыл от морозов грядущих.
С новыми силами встал человек —
Нефть покоряется лучшим из лучших.

ЗВОНОК

Тихо в доме пустом. Все разъехались — дети
и внуки,
Одинокий старик у окна неподвижно сидит.
На колени сложил он больные дрожащие руки,
А в печальных глазах от обиды слезинка блестит.

Сердце бьётся в груди, вспоминая ушедшие годы,
Был он молод и смел, он учился, работал, любил.
Гордо шёл по земле, как хозяин, в любую погоду
И на сильных руках он детей малолетних носил.

Тихо стонет душа, вспоминая друзей-ветеранов,
Закрывал им глаза, не стыдясь человеческих слёз.
В старом теле давно ноют старые сердце и раны,
Лишь кукушка в часах отвечает ему на вопрос.

Хлеб сухой, да вода, вот и вся его в жизни отрада,
Тяжело одному, просит Господа он — Отпусти.
Зазвонил телефон, в трубку молвил старик:
«Что вам надо?»,
И услышал в ответ:
«Папа... дедушка милый, прости».

ПАМЯТЬ

Память — источник и горя, и радости,
Мы без неё. Словно лики без святости.
В памяти правда людская и силища,
Память — истории нашей хранилище.

Пылью становятся горы высокие,
Илом заносятся реки глубокие.
Память хранит имена и события,
В каждой крупице таится открытие.

В каждом мгновении жизнь человечества,
Помню и верую свято в Отечество.
Верю в Россию из пепла восставшую,
Памятью скорби на миг замолчавшую.

Вечная память погибшим и умершим,
Праздник Победы останется в будущем.
Память Победы бессмертен для вечности,
Память — источник души бесконечности.

ЖИВЫМ И ПАВШИМ

Сургут, как все другие города,
Послал своих сынов спасать Россию.
Сплотила Русь всеобщая беда
И перед силой духа зло бессильно.

Сургут, как все другие города,
Работал на войну с мечтой о мире.
И день и ночь для фронта шли суда,
Гружённые богатствами Сибири.

Сургут, как все другие города,
Победу ждал, надеялся и верил,
Что мир спасёт солдатская звезда,
Сломавшая хребет стальному зверю.

Шагает День Победы сквозь года,
Торжественен и чист Отчизны голос.
Сургут, как все другие города,
Живым и павшим кланяется в пояс.

ЧЕЛОВЕК

Человек! Это гордо звучит лишь тогда,
Когда в мире нет слёз, нищеты и насилья.
Человек не позволит себе никогда
Издеваться над слабым с улыбкой умильной.

Человек не позволит себе растоптать
Ни чужую мечту,
Ни цветок на дороге.
Сколько нужно надеяться, верить и ждать,
Чтобы помнили люди с рожденья о Боге?

Жизнь бесценна для нас, как в пустыне вода,
С каждым годом всё меньше загадок на свете.
Человек будет гордо звучать лишь тогда,
Когда сам за дела свои будет в ответе.

НАШ ДОМ - ЮГРА

Югра — какой волшебный звук,
В нём слышен бубна громкий стук,
Оби весёлое журчанье
И тихий шум лесов вокруг.

Югра — какой прекрасный мир,
Здесь кедр — загадочный кумир,
Медведь — могучий предок ханты,
Муксун нагуливает жир.

Югра — какая благодать,
Она для нас отец и мать,
Она и дом наш, и Отчизна,
Чего же нам ещё желать?

С ДОБРЫМ УТРОМ

Расстелила весна на поляне ковёр,
На деревьях висят гобелены цветные.
Взор ласкает живой ароматный узор.
С добрым утром, леса и просторы родные!

С добрым утром, родная Югория-мать!
От нахлынувших чувств сердце радостно бьётся.
Я иду вдоль реки и боюсь опоздать
На свиданье с восходом весеннего солнца.

Улыбаясь, мы смотрим друг другу в глаза,
Ничего нет милее сибирских рассветов.
Улетела душа высоко в небеса,
Чтоб вернуться ко мне с лучезарным приветом.

Будоражит меня запах русской земли,
Я кричу о любви к ней святой и всесильной.
Мне в ответ прокричали с небес журавли.
С добрым утром, мой дом, с добрым утром, Россия!

ЧЁРНОЕ ЗОЛОТО

Я всегда уважал честный труд.
Ничего в нём зазорного.
Я приехал работать в Сургут
Ради золота чёрного.

Нас «Сургутнефтегаз» отбирал
Из-за нрава задорного.
Каждый душу свою отдавал
Ради золота чёрного.

Буровик, геофизик, шофёр —
Люди духа отборного.

Жизнь порой их брала на измор
Ради золота чёрного.

Много бед и сюрпризов во мгле
У пласта непокорного.
Рвал и жилы себе и земле
Ради золота чёрного.

Сколько памятных дат! А труда
Сколько было упорного.
Шли на штурм мы рекордов всегда
Ради золота чёрного.

Молчаливый проносится всхлип
Коллектива огромного.
Память вечная тем, кто погиб
Ради золота чёрного.

Нам на лаврах нельзя почивать.
Мы характера скромного.
Мы в десант — рубежи покорять
Ради золота чёрного.

ОДА БУРЕНИЮ

Должна работа радость приносить,
Помбур или бурильщик ты — не важно.
В делах гореть, профессию любить
И славой покрываться должен каждый.

Ответственность — вот главная черта,
Чтоб нефть лилась по трубам неустанно.
Когда в душе к работе пустота,
Тогда ревут открытые фонтаны.

Тогда летит железо на забой,
Насосы клинят, рвутся в недрах «свечи».
Всё это совершаем мы с тобой,
Формальный, равнодушный человечек.

Потом разводим руки и молчим,
Со страхом ожидая наказанья...
Опять не зашплинтованы ключи,
Опять слова мы ищем в оправданье.

В таком труде нет пользы никакой,
Ни премий, ни наград — одни убытки.
Храня в душе беспечность и покой,
Мы обираем жизнь свою до нитки.

Нам в первом УБээРе суждено
Постичь любовь к труду и мудрость мысли:
Работа — это главное звено
В цепи всей нашей быстротечной жизни.

СПАСИ ОТ ОДИНОЧЕСТВА МЕНЯ

В огромном городе среди толпы людей
Тебя молю, к тебе взываю я:
Любовью светлою и чистою своей
Спаси от одиночества меня.

Живу я в мире равнодушном много дней,
Лишь на тебя надежда вся моя:
Душою нежною, ранимою своей
Спаси от одиночества меня.

Над мрачной пропастью остановив коней,
Увидел, что на дне том смерть моя.
Я буду жить, пока живу в душе твоей:
Спаси от одиночества меня.

С крылом подрезанным я жить уже устал.
Всю фальшь и зло неистово кляня,
Я, как последнюю молитву, прошептал:
Спаси от одиночества меня.

ТЕПЛО ТВОИХ РУК

Край непуганых птиц и зверей,
Край нетронутой дикой природы.
Здесь владыка — суровый Борей,
Заморозивший землю на годы.

Здесь хозяйка — полярная ночь,
Разбросавшая звёзды по небу.
И сияние — севера дочь —
Поражает того, кто здесь не был.

Здесь грустит подо льдом океан,
Вспоминая о шуме прибоя.
Так грустил об Изольде Тристан,
Так грущу я, расставшись с тобою.

Лютый холод сковал всё вокруг,
Я застыл мёртвой льдиной в надежде,
Что тепло твоих ласковых рук
Отогреет меня, как и прежде.

АЛЕКСЕЙ ГОРСКИЙ

УХОДЯТ В НЕБО ВЕТЕРАНЫ

Уходят в небо ветераны.
Редеют славные полки.
Незаживающая рана.
Родные наши старики.

О, сколько горя причинила,
Фашистов злобная орда.
Но вы смогли, вы победили.
Вы защитили мир тогда.

Поклон вам наши ветераны.
И слава тем, кто пал в боях.
Незаживающая рана.
И память светлая в веках!

ФИЛОСОФСКОЕ

Что наша смерть? — игра на выбыванье,
Когда почти все козыри сошлись.
Каким бы страстным не было желанье
Смерть победит в итоге жизнь.

Что наша жизнь? — баланс на грани риска,
Где время набирает свой разбег —
Бегут года, а мы теряем близких.
Редеет в списках жизни человек.

НЕ ТРОГАЙТЕ

Не трогайте молчащего поэта
Вам в суете житейской не понять,
Что сей певец добра, любви и света
Свой новый стих берётся сочинять.

Быть может, не напишет в жизни лучше,
Чем в голову приходит в этот миг.
Врачует человеческие души
Эвтерпы* терпеливый ученик.

** Эвтерпа — муза лирики др. Греции*

Я УДАЛЯЮСЬ

Я удаляюсь, чтоб уйти,
И возвращаюсь, чтоб вернуться.
Ещё не раз пересекутся
Благословенные пути.

Поговорю с травой лесной.
Беспечным ветром на распутье.
И, докопавшийся до сути,
Я вновь нарушу твой покой.

ПОКА ЖИВЁМ

Пока живём несчётные минуты,
Покуда держит матушка земля,
Дай Бог, во всём дойти до абсолюта.
И не скатиться после до нуля!

ДВЕ ПОЛОВИНКИ

Есть тысячи в России городов.
Ещё десятки тысяч поселений.
И, где-то там, живёт твоя любовь,
Которой грезил с первых размышлений.

Но, встретиться, вам, с ней не суждено.
Ведь, в каждой сотне — город миллионный.
У ней уже два брака за спиной,
И плачет на руках новорождённый.

И ты уже давно — не при жене.
Ушёл в порыве гнева от Маринки.
Вот так, по необъятнейшей стране,
Блуждают две несчастных половинки.

Я НЕ ПРОЩАЮСЬ, Я ВЕРНУСЬ

Я не прощаюсь, я вернусь.
Слова, несущие надежду.
Мы будем вместе, как и прежде.
Я не прощаюсь, я вернусь.

Я не прощаюсь, я вернусь.
Тайгой, дремучими лесами,
Святой луной под небесами.
Я не прощаюсь, я вернусь.

Я не прощаюсь, я вернусь.
Простыми, светлыми делами,
Той песней, что всегда и с нами.
Я не прощаюсь, я вернусь.

Я не прощаюсь, я вернусь.
Мне южная звезда вещала,
Что ты меня ждала, скучала.
И, не прощаясь, — я вернусь.

НОВОГОДНЕЕ

Всё ближе праздник Новый год,
Богаче города убранство.
Огней цветущее пространство
И в душах праздник создаёт.

А ель, вошедши в каждый дом,
Там так нарядами сверкает,
Что с ней и сказка оживает,
С предновогодним волшебством.

Одновременный стрелок взлёт,
Нам в ночь заветную вещает.
Год уходящий исчезает,
На страже — следующий год!

ЦВЕТЫ ИЗ ОКОН ДОМА

Пока цветы из разных окон дома,
На проходящих зеленью глядят.
Быть может, заживём мы по-другому,
Изжив, духовной бедности уклад.

Цветы, что подоконник украшают,
От чутких рук, взлелеявших побег,
В душе моей надежду оставляют: —
Не сгинет в человеке человек.

ТАК ДАЙ НАМ БОГ

Хотя в «убогости» как будто слово «Бог»,
Хорошего, однако, здесь немного.
Так дай нам Бог, чтоб мир не стал так плох,
Когда душа и тело — всё убого.

СКАЖИ ДЕД

Настойчиво внуки просили
— Скажи дед, как ты воевал.
Как землю снаряды месили,
И дым небеса застилал.

Как люто с фашистом сражался,
И жизни своей не жалел.
Как орденом вновь награждался,
И в танке под Курском горел.

Ты всё расскажи, не скрывая,
О чём не давали сказать.
Чтоб мир откровенья узная,
Не вздумал войну затевать.

В отчаяньи внуки просили,
И слёзы текли по щекам.
Текли, ниспадая к могиле,
Его ветеранским венкам.

ХИМИКАТ

Повсюду химикат невероятный.
В еде, воде, лекарстве суррогат.
И мне уже не очень-то приятно,
Не сахар сыпать в чай, а цикламат.

Но тут вопрос явился актуальный:
Ну, если мы — лишь то, что все едим,
То может сами и не натуральны,
А наша кожа, это дерматин?

МИХАИЛ ДОЛГОПОЛОВ

ТРИ НА ЧЕТЫРЕ

Как хорошо было в старой квартире!
Вот бы вернуться, начать всё с начала
В маленькой комнате, три на четыре,
Где до утра шестиструнка звучала.
Как мы любили, как счастливы были
В маленькой комнате — три на четыре!

Птицы с утра на окошко слетались,
Всё пополам, перемножено на два,
Мы просыпались и целовались.
Мы есть друг у друга — другого не надо...
Что говорить, как мы счастливы были
В маленькой комнате — три на четыре.

Но что же случилось, что же сломалось?
Ордер в кармане, ключи от квартиры.
В стареньком домике что-то осталось,
В маленькой комнате три на четыре.
Вещи забрали, но что-то забыли
В маленькой комнате — три на четыре.

ЕЩЁ НЕ ВЕЧЕР

Я ворвался в тебя словно ветер,
Ты явилась во мне воскресеньем.
Смотрят звёзды с небес с удивленьем,
Ты — спасенье, а я — отраженье.

И звучит в ночи Страдивари
Под умелой рукой маэстро,
Замолкают в округе оркестры,
Я — маэстро, а ты — невеста.

Что с того, избита дорога,
И последний приют неизбежен?
Ты — волна, я — твоё побережье.
Я — художник, а ты — надежда.

Ревность в скалы ударит глухо
И растает в горах эхом звонким.
Постою, покурю в сторонке.
Я — мальчишка, а ты — девчонка.

Тучи я разведу руками,
Снова выйду к тебе навстречу.
На руке твоей стану колечком.
Мы — мгновение, мы — это вечность.

ДЕРЕВЕНЬКА

От паров бензина к трелям соловья
В старую деревню убегаю я.
Домик над рекою и по крыше дождь.
— Что ж ты, деревянная, меня не узнаешь?

На крыльце убогом уж который год
Детство босоногое на побывку ждёт,
Чтобы за околицу увести с собой,
Где стоит берёзонька, посаженная мной.

Где звенят гитары чуточку не в лад,
Где о клёне старом напевает брат,
Где Танюшка — кнопочка, школьная любовь,
Звон цепи колодезной, запах пирогов.

— Отчего ж ты, милая, плачешь над рекой?
Это ж я приехал, сын, пропавший твой,
Или не признала взрослого меня,
Нянька деревянная, бабушка моя?

ЗВЁЗДНАЯ ПОВЕСТЬ

В гиперкосмической дали сгорая,
По трассе звёздной млечного Пути,
Созвездье Гончих Псов, щенков спасая,
Пыталось от охотников уйти.
Земная девушка желанье загадала,
Когда в весенний вечер сладких грёз,
Звезда с небес сорвалась и упала —
Уставший от погони гончий пёс.
Сбылось желанье девушки в тот вечер,
Когда последний луч угас вдали,
Явился к ней в обличье человечьем
Сын неба, долетевший до земли.
На шесть веков земля от звёзд отстала
И сына звёзд землянам не понять,
Толпа напрасно ползать заставляла
Того, кто в небесах рождён летать.
Он шёл один сквозь лес непониманья,
Людей лечил стихами и душой,
Кричал в толпе всеобщего молчанья,
И в сказки верил, как щенок слепой.
Вот свадебный кортеж за поворотом
Увозит ту, что не смогла принять,
Любви со всесжигающим полётом,
Увы, не каждому дано летать...
Без крова, без друзей, слагая песни,
Стучится к вам, чтоб справиться с бедой,
Непонятый, гонимый пёс небесный,
Потерянный погибшею звездой.

МАМА

Ты присядь, отдохни у колодца с ведром,
Я ковшом зачерпну родниковую правду.
У дороги притих старый маленький дом,
Я, конечно, вернусь, не печалься, не надо.

Мама, мамочка, я от лишений устал,
И суставы болят, но твердишь ты упрямо,
Невозможно прожить невпопад, просто так,
Нужно лес перейти, чтобы встать на поляну.

Снег забелит виски, дождь умоет в пути,
Солнце травы сожжёт, слёзы высушит ветер,
Но от этого нам никуда не уйти,
Не забыть свой причал, самый добрый на свете.

Осень жёлтым листком упадет на погост,
Отразится печаль в чёрном круге колодца.
У родного крыльца, как непрошенный гость,
Ты услышишь с небес — что ушло, не вернётся.

ДВАДЦАТЬ ДВА

— Привет, Петрович, старый друг.
— Здорово, старшина.
— Сегодня праздник, мы с тобой
Наденем ордена.
— Да, обещали пацаны
Заехать через час.
Те пацаны, что в дни войны,
Одним огнём опалены,
Сопровождали нас.

— А у Семёныча, слыхал, сынок попал в Афган,
Недавно топал в детский сад, а нынче — ветеран.

Он в двадцать два пришёл, поверь,
и весь как лунь седой.
— Себя-то вспомни, старый пень,
каким ты был в тот майский день,
Когда пришёл домой.

Вся грудь в медалях, в орденах,
и тоже в двадцать два,
Виски седые, что отец тебя узнал едва,
Ты до Берлина дошагал, а я не дотянул,
Валялся по госпиталям, хлопот добавил докторам
И рвался на войну.

— Мои внучата-близнецы, Володька и Юрок,
Вчера вернулись из Чечни, окончен службы срок.
С металлом сверху и внутри, седая голова.
Со смертью рядышком прошли,
Отчизны знамя пронесли
И тоже в двадцать два.

Дым коромыслом, стол накрыт,
в ночи курантов бой.
Сидят плечом к плечу бойцы —
ровесники трёх войн.
И вспоминают дни войны, Берлин, Чечню, Афган.
В плену военной седины сидят защитники страны
И каждый ветеран.

И вспоминают дни войны, у всех своя война.
В плену военной седины сидят защитники страны
И всем по двадцать два.

ЕГОР ЕЛИСТРАТОВ

ЗИМА В ЮГРЕ

Зима пришла. Югра в её объятьях
Уснула тихо, мирно до поры.
Не щегольнут деревья в модных платьях,
На них наряд из снежной мишуры.

Медведь затих в затерянной берлоге,
И мох укрыло белым полотном.
Снег заметает вольные дороги,
И звон ручьёв сковало крепким льдом.

Природа спит, устав от летней пляски.
Жизнь замерла, застыло всё кругом.
Но города сверкают без опаски
И разрезают тьму своим огнём.

Югра живёт, пока кипит работа,
Преображают люди города.
Проносятся по небу самолёты,
Как вестники упорного труда.

Огнём сердец горит цветок Сибири,
Мать-Зиму согревая до весны.
А люди, что ослушаться решили
Хозяйку снега, будут прощены.

ВОСТОРГАТЬСЯ ИЛИ ПЛАКАТЬ?

Восторгаться тобой или плакать?
Кто родился — уже обречён.
Восковая свеча будет капать,
Уменьшая огонь день за днём.

Отцветёт и цветок неизбежно,
Разлетится с тычинок пыльца,
И сотрёт первозданную нежность
Ряд морщин с дорогого лица.

Реки силы покроются тиной,
Достижения в пыль перетрёт...
Время рушит любые плотины,
Обрывает пьянящий полёт.

Восторгаться тобой или плакать?
Разве может ответить легко
Тот, кто взращивал сочную мякоть
Апельсина своею рукой.

Кто почувствовал терпкую хвою,
Солнцем ярким обласкан в лесу.
Кто вернулся домой после боя,
Заглянув сердцем в самую суть.

Кто услышал прекрасную песню
И гармонию в душу пустил.
Кто с детьми забывается вместе,
Не жалеет ни нервов, ни сил.

Кто сражён был хмельным поцелуем
И любил, и делился теплом.
Кто картины с улыбкой рисует
И танцует под летним дождём.

Кто в надёжном порту бросил якорь,
Каждый день проживает, любя.
Восторгаться тобой или плакать?
Это каждый решит для себя!

ДРЕВО

Как первый луч рождает новый день,
Так и тебя взлелеет капля влаги,
Наполнит семя силой и отвагой,
Чтоб выжить, развернуться, прорасти
И перейти заветную ступень.

Как много птиц слетается на пир,
Но почва сбережёт тебя до срока.
Росток пробьётся к светлому истоку
Тепла, любви, бескрайности и жизни…
Тянись к нему, он — твой ориентир.

Уж множество колец древесной плоти
Скрывает ветром опалённая кора.
И жизнь — то ли борьба, то ли игра
За право стать одним из тех, кто наблюдал
Беспомощных птенцов в лихом полёте.

ТАНЕЦ

За окном просыпается день,
Танцовщица выходит на сцену.
Сердце зрителя словно мишень,
Каждый взгляд, шаг и жест совершенен.
На подмостках красуется тень…

Танец в самом разгаре… Кружи!
Платье грёз всё блестит перламутром.
Мне не нравится жар ворожбы,

Лишь в спокойной гримёрке уютно…
Там развеются чар миражи.

Танец кончен, ты снова проста.
Ты снимаешь бравады наряды,
Туфли лжи… И искрит красота,
Что приносит на сердце отраду!
Я притихну, развязку застав…

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Я всё думал, ты — ветер попутный,
Что наполнит мои паруса,
И настанет такая минута,
Что корабль взлетит в небеса,
Что наполнятся трюмы богатством,
Стоит только увидеть тебя,
Что откроются двери от царства,
Где не будет ни бурь, ни дождя.

Только ветер горчит… Серый пепел
Отпылавших боёв и штормов
Опадает, летает и слепит,
Да на мачте клочки парусов…
И на палубе мысли-матросы
Ошалели от песен сирен…
Лишь тугие, надёжные тросы
Остановят немыслимый крен…

Пусть потерян знакомый фарватер,
Отыщу в полнолунье следы.
Я меняю летучий корабль
На «Летучий голландец» судьбы.

СТАРЫЙ ДОМ

Лихолетье времён иссушало…
Дом забытый стоит, обветшалый.
Тишина… Пустота… С поволокой
Грустный взгляд обесцвеченных окон…

Раньше в доме шумели соседи,
Пили чай, затевали беседы,
И шаги раздавались родные,
И вели к нему все объездные.

Он встречал всех теплом и заботой,
Раскрывал для объятий ворота,
Защищал от дождя или града,
Был для каждого гостя отрадой.

Помнит крыша влюблённых признанья,
Миражи, звездопады, желанья,
Лунный свет, как таинственный зодчий,
Блеск теней создающий из ночи.

Неказистым стал дом. Не ухожен:
Потемнела бетонная кожа,
И не держат уж стены… И доски
Разметало, как старые космы.

Только ночь неприметной подругой
Тихий скрип разнесёт по округе,
Да блеснёт ускользающим клином
Свет промчавшейся мимо машины…

* * *

Стирает время мир один-другой.
Где колосилась рожь — воздвигли здания.
Лишь только огляделись мы с тобой,
Вздымается волна сквозь мироздание.

Накроет наших предков с головой:
Их быт, их нравы, их воспоминания.
Исчезнет мир, пока ещё живой,
И боль на сердце камнем расставания…

Опять волна ползёт, уже твоя.
Смывает мир родимый и знакомый:
Друг перешёл границу бытия,
Снесён подъезд родительского дома.

Затем твоих потомков завернёт…
Шанс человеку дан всего однажды.
В круговороте времени — полёт,
Зовущий отыскать, что сердцу важно.

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Звёзды влекут за собой,
Времени праздного нет.
Долго бродил за толпой
В сумерках прожитых лет.

Но постепенно прозрел,
Лестницу в небо открыл,
Манит далёкий предел,
Я по ступеням всходил.

Первые брались легко,
Всё мне казалось игрой.

Небом прозрачным влеком,
Был опьянён красотой.

Позже замедлился шаг,
Но за ступенью ступень —
Сердца тревожного такт,
Воли мятежной кремень.

Многих в пути обогнал,
Много людей — впереди,
Многие тайны познал
В этом нелегком пути.

Вот и вершина, ура!
Только смотрю, впереди
Новая к небу гора.
Лестница в небо, веди!

Как бы ни била нас жизнь,
Ночь на дворе или день,
К небу упрямо тянись,
Вновь за ступенью ступень...

ЛИЦЕМЕР

Маски в ряд разложил, как по нотам,
Он готовится к выходу в свет.
Удивление, грусть и заботу
Освещает луны силуэт.

В мастерство своё искренне верил,
Но в отчаяньи смотрит на стол.
Маски все лицемер перемерил,
Только в них он себя не нашёл.

ТВОРЧЕСТВО

Творчество — попытка сохранить
Чудеса, что жизнь нам подарила,
Чтобы в беге будней не забыть
Все подарки благостного мира:

Радугу в небесной синеве
И реки изогнутую змейку,
Переливы капель на траве
Летний парк, любимую аллейку.

Ведь однажды выключится свет,
Отыграв, я удалюсь со сцены.
Верю твердо: через много лет
В творчестве воскресну непременно.

ЛЮДМИЛА ЕЛИСТРАТОВА

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОЭТА

Ответственность за сказанное слово
Должна быть у поэта высока,
И как бы ни была судьба сурова —
Не поразит депрессией строка.

Легко посеять в неокрепших душах
Безверие, жестокость и цинизм,
Мечты и клятвы светлые разрушить,
Бравадой риска обесценить жизнь.

В руках природы — сотни ярких красок,
И с нами щедро делится она.
Палитра слов сверкает не напрасно —
Хранителя ей роль отведена.

Для юных стань наставником и другом,
От заблуждений горьких удержи,
Не наделяй стихи клеймом испуга:
Любви достойна непростая жизнь.

СТАНСЫ ПАМЯТИ

Она для нас — учитель строгий
И нерадивый ученик;
Слепец, не знающий дороги, —
Богатый опытом старик.

Так многолика, многогранна:
То вся дырява, то крепка,
Была трезва — вдруг бредит пьяно,
Была сладка — опять горька.

Мелькнёт развязна и вульгарна,
Но в основном скромна, умна.
Порою трудится изрядно,
Порой — ленива и вредна.

Служанкой в топку размышлений
Всегда подбросит новых дров.
Отвергнет царственно сомненья,
Коль выбор сложен и суров.

Дни спрячет, словно в створках мидий,
А на любовь наложит грим...
Подчас её мы ненавидим,
Но иногда — боготворим.

ЛАНДЫШИ

Моё диковатое детство резвилось в лесах.
Вот где был простор разново́зрастной
шумной ватаге:
То с гвалтом гнездились на крепких
дубовых ветвях,
То гибкие прутья шутя превращали мы в шпаги.

Волнует детей новизной окружающий мир —
Не счесть, сколько сделано было
«великих» открытий.
Весною нас сладостный запах в низину манил
Разведать: так что же в тенистой дубраве сокрыто?

А там — жемчуга на канве травянистых ковров
Рассыпаны маем — лесное желанное чудо.
Сердечки восторг заполнял той счастливой порой,
И — «Ландыши! Ландыши!», —
крики неслись отовсюду.

Он был нам подобен — наивный, невинный цветок,
Детсадовский выводок в шёлке
панам белоснежных!
Под мощной защитой широких упругих листов —
Как мы под опекой родительской —
цвёл безмятежно.

Он нас привлекал, завораживал, радовал взгляд,
И не сознавая, что наша губительна встреча,
Мы рвали, вдыхая конфетный его аромат,
Букетики, чтобы порадовать маму под вечер…

Безжалостно время срывает покров новизны.
Увы, не осталось вокруг ни чудес, ни загадок.
Но если я ландыш увижу на склоне весны,
То мир, словно в детстве,
на миг восхитительно сладок.

НА СТАРОМ ПРИЧАЛЕ

На старом, разбитом, забытом причале
Рябина цветёт, сохранившись случайно…

И как-то невольно всплывают картины
Из давнего прошлого юной рябины.

Не помнит, какими ветрами примчало
На скудную землю обского причала.

Но в тихих владениях простых дикоросов
Вдруг мощно раздался гул многоголосый:

То грузом до самого верха набита,
Пристанет к причалу баржа деловито,

То лодки охотников высадят сходу,
То катер для стройки подбросит народу.

И вдруг в суете кто-то ахал небрежно,
Заметив рябины наряд белоснежный.

А юное деревце явно гордилось,
Что новому миру оно пригодилось…

Увы, словно ласточки годы промчались,
Людей привлекли к себе новые дали.

Рябина невестится скромно, печально
На старом, забытом, разбитом причале…

СВОЙ ПУТЬ

Корят меня: от века, мол, отстала,
Пора о жизни — рифмой без прикрас.
Мне горько, захватили маргиналы
Высоты, на которых жил Пегас.

Ведут толпой заблудших на закланье
Вожди под полукриминальный ритм.
В их рэповатых словоизлияньях
«Казнить нельзя помиловать» царит.

Они — под маской творческих полотен
Перебирая струны новизны —

Влекут парящих в липкое болото
Бездумной новомодной крутизны.

Язык — внушают — русский слишком сложен,
Из комиксов слепили идеал.
Увы, в угоду упрощеньям ложным
В стране культурный уровень упал.

Боюсь сползаний в примитивность, ибо
Мир-визуал околдовал юнцов,
И тех, кто пишет ручкой без ошибок,
Признают скоро кастой мудрецов.

Прессует век морального дефолта,
Искусство обесценилось на треть,
Всё чаще пресса предстаёт нам жёлтой,
И музы светлый лик готов чернеть.

А потому не побоюсь упрёков,
Пророчащих мне грустный эпилог.
Да, мне чужда поэзия порока,
Я с теми, кто хранит высокий слог.

ПЛОХИЕ НОВОСТИ

Сердце сжалось в комок
От плохих новостей.
Бессердечный урок:
Мир распят на кресте.
Взорвалась тишина
Оголтелой струной,
Волдырями война
По планете больной.

Кто привык богатеть,
Жадно выказал прыть,

Знает, в мутной воде
Проще рыбу ловить.
Подстрекает толпу,
Интриган и злодей,
Погружая во тьму
Вредоносных идей.

Разногендерный бред,
Разнокожий скандал…
И соседа сосед
Понимать перестал.
Всяк другого винит,
Будто цель нечиста.
Кто же мир сохранит?
Кто же снимет с креста?

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Наш город — сгусток современных строек —
Уверенно стремится в небеса,
Расправив, словно крылья, над рекою
Высоток величавых корпуса.

Подросший в монолите и бетоне,
Обретший новомодные черты,
Великолепен — будто на ладони —
Наш город с исполинской высоты.

Захватит дух: мы отняли пространство
У глухомани, гнуса и болот
Трудом и несгибаемым упрямством…
Здесь столько судеб век перемолол!

Вагончики, балки́ и даже бочки —
Убогий быт во временном жилье…

А новый мир комфортом озабочен,
И самострой ушёл в небытие.

Представьте поликлиники строенье —
Дом двухэтажный — гордость первых лет! —
И рядом — экскаватор современный
С эмблемою «Нью Хо́ллэнд» на стреле.

Долбит ковшом по крепким перекрытиям,
Сметая стены, старый мир круша…
Став невзначай свидетелем события,
Заныла ностальгически душа.

Пыталась осознать под лязг и грохот:
Так плохо это или хорошо,
Что рушится советская эпоха
Под импортным безжалостным ковшом.

Мне б радоваться лучшим устремлениям,
Но как утрату светлых юных лет,
Встречаю новых строек наступление,
И гибель исторических примет.

МИРАЖИ

Как восхитителен рассвет
Любой судьбы в лучах желаний.
Надежд неотразимый свет
Влечёт сердца… порой за грани.

И то, что в юности легко
Достигнуть в дерзких размышленьях,
На самом деле — далеко —
Через пустыни и каменья.

И даже если день за днём
Упорствуешь, не унывая,
Цель непременно ускользнёт,
А добежишь — совсем иная

(Не та, что грезилась в мечтах,
Лаская мехом соболиным)
И тут же рассыпаясь в прах,
Другое называет имя.

Всегда в дороге, в суете,
Не тратя время на раздумья,
Вновь устремляешься к мечте,
Достичь желая до безумья.

А жизнь… На то она и жизнь:
Отбросит фарс очарованья
И ластиком усталой лжи
Сотрёт привычно обещанья.

ГЕОРГИЙ ЕШИМОВ

ОТКРЫТИЕ

Воспользуйтесь позой надменной:
Закладку рукой теребя.
По листику в день, постепенно,
Откройте меня для себя.

За каждым листком этой книги,
Написанной только для вас,
Разомкнуты знаний вериги
Отмычкой «Московский Парнас».

И пусть от ошибки хранит вас
Мелодий прочитанный дух…
Откройте мой пыл и ранимость,
И к вам я — влюблённый — приду.

По ветхозаветной дороге,
Потёртою лирой звеня,
И стану на вашем пороге —
Откройте себя для меня.

ДЕВУШКА И ТРУБКА

Я в школе вечерней учился,
В монтажной работал бригаде,
Впервые серьёзно влюбился
И трубку завёл шутки ради.

И был я тогда не рассеян,
Держал своё верное слово,
Я с трубкою был, как Есенин,
А с девушкой, как Казанова.

А девушка песни любила
И блеск мишуры обожала,
Меня на концерты водила
И к трубке моей ревновала.

Я бросил курить. В самом деле:
Зачем задымлять свои поры?
А девушке враз надоели
Обычных манер ухажёры.

А нынче: где нежные губки?
Томится один Казанова.
И молвит над пеплом из трубки
Сергей своё горькое слово…

***

Мы зависим от ласковых слов,
От тепла милых ветреных писем,
От весёлых и пасмурных снов
Мы зависим, родная, зависим.

И от запаха нежных цветов,
От погожести раннего утра.
От пылающей розы ветров,
Уносящих грозу из Сургута.

И от солнечных майских лучей,
От подарков капризной погоды…
Всё зависимо. В жизни моей
Ты одна независимо ходишь…

РУССКАЯ ИЗБА

(Александре Лазаревой)

Вхожу сюда легко и детство вспоминаю,
И маму вижу там на фото и с отцом,
Улыбка в пол-лица — такая молодая,
И толстая коса над головой венцом.

Вот этим-то прекрасна моя изба — углами,
Где фото чешуя, иконный полумрак.
Где пахнет молоком и тёплыми блинами,
Где солнца грянет блик: «Вставай, сынок, пора!»

А серый бромпортрет хранит лица живинки
В изгибе мягких губ, в сияньи милых глаз,
И свеж румянец щёк, и ни одной морщинки,
И нет причин для них — ведь нету ещё нас...

Здесь нега и любовь от бабушки и деда,
И шашка на стене, за печкой — домовой.
Здесь празднична всегда удача и победа,
Невзгоды и печаль, как саблей, — с плеч долой.

В окошко, — надоел!, таращится подсолнух, —
Штурвалом желтизна лучистых лепестков...
И русская изба, превозмогая волны,
К любимым берегам меня уносит вновь...

ГЕОЛОГИ

Ах, экспедиции —
Горе-традиции...
Кончился наш камеральный сезон...
Партии стонами
Укомплектованы,
Слышишь, природа, ликующий звон?

— Кто на «пиропы»? —
Хожены тропы…
Кто на «вольфрам», на «титан», «молибден»?
Твой «поминальник»,
Звёздный начальник,
Пусть нам зачтёт предстоящий момент…

Ельничек редкий,
Дремлет разведка,
Ноги измучены, эх, ё-моё!..
Зла и бессовестна
Стадия поиска:
Деньги — «добыче», а нам — комарьё!

Молча потужим,
Делу послужим…
Гордо последний обманемся раз…
Все дивиденды
С карты-легенды —
Вспомнят потомки романтиков — нас!

РОДИНА

Темные доски крыльца —
Добрые руки отца.
На занавеске двери
Матери взгляд — посмотри.

Теплый домашний уют
Мыши кротам раздают.
Лавки, покрытые льдом…
Где ты, родительский дом?

Некому печь растопить,
Двери гостям отворить.
Ночь над погостом свежа —
Осиротела душа.

ЗОВ

Объятья детских рук,
молочный чистый запах:
— Любимый мой, родной,
не покидай меня!
Рассветы вновь зовут
На Север и на Запад,
И снова кони ржут,
и удила звенят.

Повозки и костры,
находки и потери,
А дети подросли,
как вдоль дорог трава,
Но в сердце сохранить
мы все-таки сумели
Тепло их нежных рук
и жаркие слова.

Законной чередой
сменяет лето осень,
Набатный слышу звон
я на закате дня, —
Меня издалека
знакомый голос просит:
— Любимый мой, родной,
Не покидай меня!

КРЕЩЕНИЕ В СУРГУТЕ

Трещал мороз, притихли воробьи,
И леденели нижние рубашки —
Бежали к шубам, брошенным своим,
Босые православные «монашки».

Темнела прорубь посреди Оби
Крестом воды, открытой для купели,
Всевышний, ты мой город возлюби,
Чтоб снова песни в мире прозвенели!

Тепла, благословенна Божья длань,
Я чувствую её на самом деле,
И вижу: там, где стыла «Иордань»,
Кресты на куполах помолодели.

Динь-дон, динь-дон — звенят колокола,
В купель я окунаюсь с головою,
Чтоб смыть грехи Пречистая смогла...

И воссияло Солнце над Землёю.

ПОЛЕ

Там Сорочинские ярмарки,
Там и Миргород с Диканькою,
И большой войною трачены
Малорусские гаи.
Гляньте, Николай Васильевич,
Не сюда ли прибегали вы
С бурсаками полупьяными
На кулачные бои?

Помнит поле затаённое
Запорожцев, шведов, гетмана...

И английские «Ланкастеры»
Приземлялись тут не раз,
Да с детьми из семинарии,
Из Софии — эх, пресветлая! —
Проезжал дымящий трубкою
Гетман куренной — Тарас.

Разленивая протащится
Кляча, слепнями помечена,
И уткнётся, глухо фыркая,
В разнотравное жнивьё:
Огорожено «колючкою»,
Рвом по краю изувечено,
Со скирдой соломы тёмною
Поле чистое моё.

ПОЕЗД

Бесконечная аллея,
Высверк фонарей,
И захочется быстрее —
Некуда быстрей...

Над аллеей месяц льется
Желтым фонарем,
Проводница засмеется —
Ссыплет хрусталем.

Вырывается из сини
Темных навьих вежд
На простор моя Россия —
На восход надежд.

ГАЛИНА ИЛЬИНА

МОЯ БЕЛАЯ СТРАНА

(В пути Сургут — Русскинская — Когалым)

Чудеса зима творит,
Белым — бе́ло стелется,
Где недавно танцевала
Русская метелица.
Моя Белая Страна,
С белым обаянием!
В глубину белы́ леса,
Белые окраины.
Тишиною мир укрыт.
В спрятанном дыхании
«Моховая» речка спит,
Ждёт весны касания.
Новогоднею пургой
Щедро припорошена
Моя Белая Страна —
Родина пригожая!

ПРИЛЁТ СНЕГИРЕЙ

А что за шум в кормушке за окошком?
Что там за праздник яркости и снега?
Да это в гости очень осторожно
Птах красногрудых занесло с рассвета.
Они — как будто стайкой из восхода!
Румяной грудкой в солнышке купаясь,
На корм спустились к моему застолью,

Величественно-гордо, не стесняясь.
Мои синички разом приумолкли —
Ранжи́р Природы, верно, соблюдая.
В морозных ветках разместились ловко,
Нежданным гостьям место уступая.
...В блистаньи снега я купалась взглядом,
В малинном переливе перьев птичьих
(Дивясь красо́там, затаив дыханье)
И... в вежливости мудрой — от синичек.

ЗАКАТ ЛИЛОВО-ЗОЛОТОЙ

Трещит мороз, и ясен зимний вечер,
Иду сто раз исхоженной тропой.
Вдруг из-за кедра прямо мне навстречу
Слепи́т закат лилово-золотой!
Прищурила глаза на солнечную яркость
(Прочь мыслей грустных надоевший рой):
Через прикрытые ресницы мне на радость
Горит закат лилово-золотой...
Прости-прощай две тысячи двадцатый,
Покрепче дверь захлопни за собой.
Ты был тяжёл, на испытания богатый,
Но полон размышлений над судьбой
Семьи, друзей, моей родной России.
За тридцать перестроечных годов
Она едва не потеряла силы,
Но, слава Богу, встала на крыло.
Пока плутаем вкривь да вкось, забыли —
Нам предки завещали путь прямой.
Только на нём для нас всегда спасительный
Рассвет, закат лилово-золотой!
Я знаю, мир будет добр и светел,
И обойдут нас беды стороной,
Покуда над моей Россией светит
Такой закат — лилово-золотой.

Пусть канут в Лету распри и все войны,
Год Новый вспыхнет обновления звездой.
Назло завистникам России непокорной
Сияй закат лилово-золотой!

ПОД ПАРУСА́МИ

Не пишется, что-то не пишется
И мысли вразлёт, словно тучи с ветрами…
Сменю окружение на гармоничное
Чтоб снова душа наполнялась стихами.
Уеду я к морю, к простору безлюдному,
Волне набежавшей, синеющей да́ли,
Ко счастью взаимному и обоюдному
И ощущениям — ПОД ПАРУСАМИ!
От склок человечьих, интриг бесконечных,
От ныне так модной работы локтями…
Сменю их грошо́вость на ценности вечные
И состояние — ПОД ПАРУСАМИ!
Брожу в Судаке. Коктебель. Феодосия,
Где кошки встречают улыбкой с усами…
Я, с Грином встречаясь и Айвазовским,
Нашла своё место — ПОД ПАРУСАМИ!

КАК РЕДКО МЫ БЫВАЕМ ДИПЛОМАТАМИ

Как редко мы бываем дипломатами,
Как часто обижаем сгоряча:
Круши́м, не думая, словесными раскатами
И резко рубим с са́мого плеча.
Сдаём легко кому-то правду — истину,
Есть поудобнее: «у каждого — своя»,
Подкрасил эгоизмом личной выгоды
И — почивай на лаврах бытия́.
Как часто за пределы понимания
Глухое самолюбие несёт.

Услышать оппонента нежелание
Нам шаг навстречу сделать не даёт.
Гордынею безудержно накручены
И званьями подчас ослеплены.
Уходим мы с путей благоразумия,
Теряем свет и праведность пути.
Как часто мы, горя от нетерпения,
В высокомерье топим здравый смысл.
И вот уже потеряно доверие,
И вместо добрых отношений — чистый лист.

ПАХНЕТ ОСЕНЬЮ!

Пахнет осенью!
Ах, как пахнет осенью!
Ароматные ветры носятся
Трав поле́гших, плодов созревших,
Бабьим летом,
            под солнцем пригревшимся.
Листья падая, в руки просятся,
Листопадные ветры носятся.
Не спешат по домам прохожие:
Осень дарит вечер погожий.
По дороге мне — сквер Романтиков.
Загляну в него я мечтательно,
Посижу тихонько на лавочке
По соседству с влюбленной парочкой.
Пахнет осенью!
Ах, как пахнет осенью!
И с небесной прозрачной просини
К нам вернулось вдруг Бабье лето,
Позабыв попрощаться, наверное.

...У меня вновь свиданье с Тюменью,
И встречает она потеплением.

Задержавшимся Бабьем летом
И осенним любимым букетом.
Среди всех городов окрестных
Ты родное душе моей место.

НАМ ПУТИ РАСПИСАНЫ

Нам пути расписаны, нам пути подарены
Небесами, Господом, Силою Святой,
Но по жизни выбор делаем мы сами,
То ли с Богом жить в душе, то ли с сатаной.
Притащили с запада дикие мы нравы —
Кто сорвёт побольше долларовый куш,
И забыли, что Россия век не продавалась,
И здесь точно не деньга — измеритель душ!
Всем известны с малых лет заповеди Божьи,
(Их бы ежедневно нужно вспоминать),
Но свободой пользуемся так неосторожно,
Что о главном в человеке стали забывать:
Доброта и скромность, уваженье к старшим…
Всё это, конечно, русский человек,
Да к тому же души наши нараспашку,
И не обижали слабого вовек.
Если радость в доме, искренне смеялись,
Не пускали зависть даже на порог,
И лепить пельмени вместе собирались
Или приглашали в гости на пирог.
А девчонки наши — умницы-красавицы:
Красота природы, статность — на гламур.
Простотой, душевностью всем мальчишкам
нравились,
И высокомерных мало было дур.
Хамы не в почёте были у народа,
Что кричат истошно вовсе без причин.
И девчонки наши были недотрогами,
А в семье растили сто́ящих мужчин,

Что в словах, поступках всему цену знали
И в «свои» не брали трусов, трепачей,
Дорогих девчонок, любя, защищали
И стеснялись матом крашеных речей!
И детей любили, и друзей ценили,
А не продавали за ломаный грош,
Любовью дышали, а не занимались,
Не меняли честность на обман и ложь!
Я, конечно, верю, что страна воспрянет,
Чистою душою будет в мир светить,
Ведь в моей России, Господом хранимой,
Просто по-другому и не может быть!

АХ, ЧТО ЗА ЛЕТО!

Ах, что за лето! Клевера́ — коврами
И донников пьянящий аромат...
Что лентой бело — солнечною в дали
Уносятся — догнать не может взгляд
Ромашки — хороводами по травам,
Подмигивая желтеньким глазком,
И даже колокольчик спозаранок
Подставил венчик солнышку бочком.
Да нет; всё это не в Башкортостане
Где разноцветье видеть не впервой.
На Севере, приравненном ко Крайнему,
Сургут — красавец нынче таковой!
Всё одновре́менно: и аромат сирени,
Что бьётся с шести соток местных дач,
И ландыши, жемчужною капелью
Рассыпанны, а их сосед — кедрач.
И не хватает слов, чтоб рассказать про лето,
Что закружило, завертело, понесло,
Смешав тепло, дожди и тишину рассветов,
В великолепное Природы торжество!

ЛЕЧЕНИЕ ОГОНЬКОВСКОЙ СТРОКОЙ

Я прочла стихи Ирины Крупиной
(Литературная газета N11 от 17.03.2021)

Доктор, поскорее мне лекарство
От таких поэтов пропиши:
Несварение мышления опасно
Вместе с отравлением души!
К доктору, вот, очередь большая…
Чем же я немедля полечусь?
Да Суханова, пожалуй, почитаю,
Лирики Коробкиной «напьюсь»!
«Жизнь» Гайкевича не торопясь открою,
Юмор Сазановича затем…
Огоньковской полечусь строкою
И от поэтических проблем.
(Жизнь — одна, чтоб тратить на ворчанье
И вселять неверие в людей).
…С Лазаревой ди́вно погуляю
По лугам забытых деревень.
Полюбуюсь с Ильиной в Кедровом
На лилово-золотой закат,
Побываю вместе со Сладковой
В трепетно — загадочных мирах.
А у Елистратовой билетик
Я на счастье — память попрошу:
Он фонариком из прошлого посветит,
Тронув в сердце тёплую струну.
Подивлюсь влюблённости Любякина,
С То́мшиным к «Соседу» загляну…
Есть у «Огонька» от хвори всякой,
Слог, ведущий к свету — не во тьму.
«Лечит и калечит сила слова» —
Афоризм давно известен нам!
Слава Богу, я уже здорова,
И бежать не надо к доктора́м!

НИНА КАЛЕНДАРЁВА

***

Лети исписанный листок.
Как знать!? Тебе ли будут рады!?
И к шелковой траве прильни
У незатейливой ограды.

Прости отчаянный побег.
Себе я развязала руки.
Ушла подальше от греха,
Дрожа в осиновом испуге.

Тропинка вьётся, вдаль бежит
В малиновой уснувшей рани.
И сердце слышно, как стучит
И словно жизнь моя на грани.

Прочти исписанный листок
И знай, счастливо не живётся.
Ты будешь снова ревновать,
Безрадостно сердечко бьётся.

Читай подброшенный листок
Из старой голубой тетради.
Забудь любовь, забудь меня.
Прошу о том я бога ради.

ЛЕТО С ДОЖДИКОМ

С этой дачей дел немало — не достроено крыльцо.
Капли редкие упали — огорченное лицо.

Подожди немного, дождик. Снова я забыла зонтик.
Просто поспешила. Некогда мне было.

Под окном моим цветут яркие цветочки.
Прилетели и снуют стайкой «мотылёчки».

Ой, какая благодать! Зелень, испарение!
И ко мне пришло опять в дождик настроение.

БУКЕТ И ХРУСТАЛЬ

Хлеба созрели. Солнечное лето.
Я наслаждаюсь свежестью букета.
Поставлен он в сверкающий хрусталь.
Коснулась сердца легкая печаль.
Красой недолгой наделён букет.
Хрусталь останется на сотни лет.

Цену свою он может сохранить.
В хрусталь вино так хочется налить.
И вспомнить годы юности, беспечность.
Тогда-то и казалась жизнь мне вечность.
Увы! Вас в помыслах давно уж нет —
Мечты несбывшиеся прошлых лет.

Уходит снова солнечное лето,
Я наслаждаюсь свежестью букета.
Когда завянут яркие цветы,
Сверкать по граням мне лишь будешь ты,
Затейливый в орнаменте хрусталь.
В груди теснятся радость и печаль.

Хлеба созрели. Солнечное лето.
Вишнёвое вино под цвет букета.
И можно вспомнить юность и беспечность.
В те годы жизнь и мне казалась — вечность.

СТАРЫЕ ГАЗЕТЫ

Мне что-то взгрустнулось,
Рука потянулась туда,
Где подшивка
Старых газет.
Когда это было?
И сколько «уплыло»
С той первой заметки
Несчитанных лет.

Стареют с годами газеты.
Их тонкие рвутся края.
В них первая строчка —
Бессонная ночка —
И первая песня моя.

Пришло вдохновенье в газету
О людях хороших писать.
Меня ты растила.
Меня ты учила.
Страна ты, Россия, и
Моя беспокойная мать.

ЗИМУШКА-МЕТЕЛЬ

Эх, раздолье русское
Снежной пылью вьётся.
Навестить родителей
Ехать мне придётся.

Разорилось там село.
Стало жить невесело.
Грустные обители.
Здесь живут родители.

Замело надолго путь.
Так должно случиться.
Это зимушка-метель
К нам в окно стучится.

Эх, раздолье русское,
Снежной пылью вьётся.
Навестил отца и мать.
Радость в душу льётся.

Есть обратный дальний путь,
Надо поспешить.
Эх, в селе «молоденьким»
Было любо жить.

РУССКИЙ СНЕГ

Божественный снег
Падал вокруг.
Он таял
В тёплых
Ладонях рук.

Снег с небесами
Всегда дружил.
Порадовать
Нас решил.

Эх, эх!
Упала на снег.
Полежать на снегу

Не грешно.
А, просто,
Очень смешно!

Эх, эх!
Упала на снег.
И сколько хочу
Похохочу —
Красиво жить я хочу!

Без хамства,
Умно и речисто.
И чтобы было вокруг
Торжественно
Чисто!

Эх, эх!
Упала на снег.
Себе приказала:
«Воздух здоровый.
Им с наслажденьем
Дыши.
И сколько хочешь
Лежи —
Вокруг ни души!»

Эх, эх! Упала на снег.
Он, ослепительно свежий.
Обворожительный леший.
Меня подхватил,
Закружил.

Мы с ним
Неразлучная пара.
Засыпано снегом,
Земного полшара.

Так по широтам
С нами время бежало.
И, как же долго
На снегу я лежала?!

Был запрокинут
Надо мной небосвод.
И тихо снежинки
Вели хоровод.
«Пусть обо мне,
Что хотят, говорят.
Я млею от тебя,
Снегопад!

Эх, эх!
Ласкательный
Падает снег.
И сколько в нём
Утешительной нежности!
И сколько в нём
Бескорыстной
Божественной
Щедрости!

Что есть силы
Кричу:
«Снег, ей, ей…
Ты что-то
Значишь
В судьбе моей!»

В ответ «Ей, ей…»
Приглушённое эхо…
Мне не прожить
Без русского снега!

ТАК ВЫРАСТАЮТ ГОРОДА

Из кирпичиков, «ступенечек»
Вырастают города.
Деревеньку свою старую
Вспоминаем иногда.

Проложили вместе тропочку
Друг за другом по траве.
По болотистой высокой
Шли к работе налегке.

От автобуса до дома
Мы так и шли по пустырю.
Подружились и влюбились,
Здесь встречали мы зарю.

Время шло: дома высокие
И широкий тротуар.
За руки берём детишек.
Вместе ходим мы в театр.

Из кирпичиков, «ступенечек»
Вырастают города.
Деревеньку свою старую
Вспоминаем иногда.

АЛЕКСАНДР КОЗЛОВСКИЙ

НАКАРКАЛИ

(то ли сказка, то ли быль)

Вот все говорят, что ворона к несчастью каркает. Потому и не любят вороньего племени. Удачу, значит, отпугивает, беду накликает. А вот я утверждаю со всей ответственностью своей, что иногда и от вороньего карканья людям польза быват.

Вон, к примеру, мельник Иконников. Кто его до 15-го году знал? А как мельницей обзовёлся, так не то что в сёлах окрестных, а и в самой Тюмени люди с ним за руку здоровались. А всё ведь из-за того, что вороны ему накаркали.

Вот я и говорю, что где-то до 15-го году был этот Игнашка Иконников самый, что ни на есть лядащий мужичонко в Каменке, в селе, стало быть, нашем. И не то, чтобы руки у него не из того места росли (и в наше время такие есть, и в то время также рождалися), или ленив был. А вот просто не везёт человеку — и всё тут! К примеру, начнется в селе падёж, так у кого первого — у Иконникова. Другие под это дело ещё и распихать свою скотину успеют по дальним ярмаркам, а Иконников — горемыка — на полном нуле. А если не дай Бог пожар, так у кого первым дом схватиться — к ворожее не ходи — у Иконникова. Волки зимой в чьей овин залезут? — точно в Игнатовский. Словом, жил так он себе годов до тридцати. И хотя от отца с матерью ему и хозяйство неплохое досталось и земля, к годам тридцати ничего не осталось у него. Пришлось ему подрядиться лес валить. Там как раз мужик один из зажиточных участок себе под постройки готовил. Вот Иконников да ещё пара мужичков и подрядился весь лес на том участке вырубить да пни выкорчёвать.

Прибыли на место, по началу, как водиться, обошли весь участочек, обмерили, осмотрелися. Потом балаган себе соорудили, где, значит, ночевать чтобы было. А поутру — за работу. Спорно работа идет. Недели две три ли прошло — половину участка вырубили. Тута всё и получилось. Среди деревьев, что для порубки предназначены были на самом берегу ручья лесного старая верба. А на ней гнездо воронье. Поначалу — то думал Игнаша, что заброшенное то гнездо. А так получилось, что надо ему эту вербу свалить. Глядь — а у гнезда ворона сидит; а в гнезде — воронятки малые. Жаль их Игнату, да работу-то надо справлять. Взмахнул топором. Тольку тут ворона из гнезда порх ему под ноги. Каркает, за штанину хватает, в сторону тянет. Отпорхнет в сторону и опять под ноги бросится. Понял Игнат, что просит она его пощадить деток своих вороньих. Добрый он был. Не стал ту вербу рубить. Тут мужики его напарники подходят, ты, мол, что это?

— Да вот говорит, — воронят жалко. Вишь, как мамаша ихня убивается.

— Так что ж нам теперь работу бросить?!

— А вы погодите пока тута рубить — с другого конца участка зайдём, а там глядишь воронята и оперяться, улетят.

— Ну, коль ты чудак такой, так погодим пока. Только всё равно не успеют оне опериться.

На том и порешили. А Игнашка теперь каждое утро к той вербе подходил, проверял, не выросли ли воронята — чудак, словом, полный. Да еще соберёт остатки кой-какие после ужина, что осталися и под вербой той и положит, сам отойдет чуть в сторону. Ворона с гнезда слетит. Кусочек схватит — и к дитят своих кормить. А потом подлетит к Игнату и каркнет:

— «Кра-кра», — спасибо, мол, за угощение.

Словом, подружилися.

День за днем идёт. Выбрали лесорубы весь участок. Одна только та самая верба с вороньим гнездом и осталась.

Ну, Игнат, — мужики говорят, — ты, конечно, извини, но не можем мы больше в лесу сидеть. Пора заканчивать и рас-

чёт получать. Жаль нам твоих воронят. Да что поделаешь… Тут Игнат давай их просить:

— Вы за расчетом ступайте. Я тут и один управлюсь. День — на день оперятся воронята, улетят. Я тогда и подчищу всё тут. А коль заказчик пенять будет, так пусть из моей доли удержки произведет, не против я.

— Вот чудак ты совсем, Игнашка, — дивятся мужики, — но коли ущербу нам не будет, — так Бог с тобой, — оставайся, пестуй воронят своих.

Остался Игнат в балагане один. День проходит, другой, неделя, а воронята всё в гнезде сидят, никак не улетают. А ворона-то до того к Игнату привыкла, что кажное утро и вечер сама к балагану подлетит, усядется на землю, и давай перед Игнатом выхаживать.

— Кар — кар, Кар — кар, — мол, как поживаете?

Сколько уж там времени прошло, а только как-то по утру прилетает ворона к балагану и давай над ним кружить. Да каркает во всю. Игнату аж не по себе стало, вышел из балагана, а ворона над самой головой его круг сделала:

— Кар-кар, — кричит, подлетела почти к самому Игнатову лицу, а потом резко в сторону — по-орх. Игнат понял, что за собой она его зовёт. Пошёл. Привод ворона Иконникова к той самой вербе, где гнездо ее. Глянул Игнат — а воронята-то уж большие. А рядом с гнездом огромная ворона сидит. Седая вся. Тут Игнатова ворона-подружка и давай с той седой переговариваться. Качнет головой в сторону Игната:

— Кар-р — р? — просительно так.

Седая в ответ:

— Кар, кар — ворчливо так будто старуха.

Игнатова ворона головой из стороны в сторону покачала и давай свое просить:

— Кар-р-р, кар-р-р

Слушает их Иконников и диву дается, никогда не видел прежде он, чтоб вороны эдак между собой переговоры вели.

Долго вороны меж собой перекаркивались. Наконец седая

вспорхнула с гнезда сделала круг над Игнатовой головой отпорхнула в сторону и кричит призывно:

— Ка-р-р.

Понял Игнат, что зовёт она его куда-то. Пошёл за ней. Седая отлетит маленько, сядет куда-нибудь, каркнет — подзовет Игната, подождёт, когда он подойдёт, и опять в сторону.

Вот приводит седая Игната на одну поляну. А там старая-старая осина, наклонилася к земле, половина корней наружу торчит, ствол трухлявый. Садится седая ворона на эту осину. И ну каркать. Игнат сперва понять ничего не может. Тогда седая подлетает к нему и ну за топор клевать (у него за поясом топор был заткнут). Тут уж Игнат смекнул, что она от него хочет. Взял топор да как по осине стукнет. Развалился трухлявый ствол, и посыпались на траву золотые червонцы. Седая ворона:

— Карр- карр. Забирай, мол.

Собрал Игнат деньги да и назад на участок отправился. Приходит к вороней вербе а на ней ни гнезда, ни вороны той, ни воронят.

Возвратился Игнат в деревню, мужики к нему с шуткою:

— Ну что, пастух вороний, всех воронят высидел?

— Высидел.

С той поры у Игната дела на поправку пошли. Со всеми долгами рассчитался, мельницу поставил. И хотя по-честному с людьми обходился, стали как-то люди его сторониться, уж больно замкнут он стал. Хотя с другой стороны, люди-то, на деньги его глядя перестали его по-простому Игнатом звать. Все больше Игнатом Егоровичем, а только самому ему это вовсе и не по вкусу пришлось. И хотя теперь многие богатеи за честь с Иконниковым породниться считали, так он и не женился. Хотя мельницу его стороной и не обходили, наоборот, с дальних деревень приезжали, — цену-то за помол он не гнул, всё ж, шепталися про меж себя: «Ой, наверно, связался наш Игнаша с нечистой, покуда один в лесе-то сидел». А еще заприметили, что уж больно много ворон вокруг мельницы его летает. Да и сам Игнат видом изменился. Волосы, прежде того кучерявые были, а тут рапрями-

лися, нос удлинился — словом что-то воронье в его обличье появилось.

Торговлю собирался открыть. Так глядишь, может, и в купцы бы вышел, кабы революция не грянула. Не сразу конечно, но и до Иконникова у новой власти руки дошли. Кто-то из своих деревенских видать нашептал, куда надо, что не все деньги, что в лесу нашел Иконником в оборот пустил, что мол у него ещё золотишко осталося и если потрясти... В то время к советской власти много всяких проходимцев прицепилося, были и те, кого хоть прямо в тюрьму самих сажай. Ан нет: понацепляли кожаных курток, наган на пояс — вот те и новый полномоченный! Вот к такому полномоченному и попала анонимка на Иконникова.

А только напрасно всё.

Ночью приезжают к Игнату. А того и след простыл. Весь дом перерыли, так ничего не нашли. Может успел Иконников золото перепрятать. А может у него и не было ничего более. Кого — кого и нашли товарищи, так это сидящую на плетне седую ворону. Посмотрела она на полномоченного да каркнет ехидно:

— Кар-р-р. Дурак ты, мол.

Полномоченный аж со злости в неё из нагана пульнул. Только не попал. Каркнула ворона ещё раз, вспорхнула, сделала над головой полномоченного со товарищами круг и с глаз пропала.

Игната с той поры так больше никто и не видел.

А полномоченного этого вскоре большевики свои же и расстреляли — видать разобрались, что он за птица.

Возраженья ваши предвижу. Мол, како же это счастье, коли в конце-концов Игнат Колокольников сам сгинул куда-то. А ответьте мне тогда, что вороны революцию сотворили, откуда ж птицы знать могут, что люди этакую глупость сотворят. А на мельницу, что когда-то Колокольникову Игнату принадлежала, говорят, до сих пор ворона прилетает. Большая такая и седая вся, как зола.

ВАСИЛИЙ КОНЕНКОВ

22 ИЮНЯ

Сегодня — печальная дата,
И живы ещё среди нас,
Кто ждёт, не дождется солдата,
Не пряча заплаканных глаз.

Глядим на солдатские снимки,
Где все молодые они.
По ним не справляли поминки,
И нет в этом нашей вины.

Так жаждали выжить ребята,
Вернуться, любимых обнять.
Кто не был на месте солдата —
Тем трудно такое понять.

И жизни своей не жалели,
За честь земли дрались родной.
В глаза они смерти смотрели,
А письма летели домой...

ПЕСНЬ О СУРГУТЕ

На Сибирских холодных ветрах
Закалился ты, город наш славный,
Всем морозам и вьюгам на страх,
И в судьбе моей стал самым главным!

Я себя никогда не щадил,
Не чурался тяжёлой работы,
И навечно тебя полюбил,
И знакомы твои мне заботы.

Наш родной и любимый Сургут,
Можешь дальше ты нами гордиться,
Тебя батькой, кормильцем зовут,
А ещё нефтяною столицей.

Сколько рыбы здесь, ягод, грибов,
Чаек, уток и редкостной птицы.
У высоких Оби берегов
Расцветают, как в сказке, зарницы!

А морозы? Да как же без них?
Север любит народ закалённый.
В твою честь сложен был этот стих,
Потому что в тебя я влюблённый!

***

Осень плачет холодным дождём,
И не видно ни звёзд, ни луны.
Только мы с нетерпением ждём,
И не можем дождаться весны.

Той весны, что проходит надолго,
Той весны, коей нету конца,
Полноводной и бурной, как Волга,
Что навеки сближает сердца.

А так хочется к милой прижаться,
Ощутить сердца гулкого стук,
Навсегда в этом крае остаться,
Чтобы не было больше разлук!

И пусть ветер неистово свищет
В эту мрачную тёмную ночь,
Знаю точно: нас счастье отыщет,
И Всевышний нам сможет помочь…

МОНОЛОГ БРОШЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

Ах, зачем твои нежные руки
Обнимали мой гибкий стан?
Может, ради забавы, от скуки,
Ты пошёл на красивый обман?

От стыда я сгорала вся в краске,
Сердце верило льстивым речам,
Осыпали меня твои ласки
По губам, по груди и плечам.

Не забыть мне ночей этих лунных,
Соловьиных трелей рулады,
Шёпот быстрый речей безумных,
Мне дороже любой награды.

Ну, и что теперь мне остаётся?
Ведь так хочется жить и любить!
Сердце бьётся, стучится и рвётся,
Словно хочет себя погубить!

Я уже не мечтаю о встрече.
И судьбу ни о чём не молю.
За окном — изумительный вечер,
Вспоминаю тебя и лю…

МОЕЙ ПЕРВОЙ ЖЕНЕ…

На встречу поезду намокшие кусты
С берёзами внезапно набегают,
И, кажется, что ждёшь, как прежде ты,
И чувства в моём сердце оживают.

Цыганка нагадала, будто вместе,
Хоть и под старость лет, но будем мы…
Ты, в памяти моей, в платье невесты
Ладьёю появляешься из тьмы!

Давно мои ладони не касались
Податливых твоих и мягких плеч,
И страстно наши губы не смыкались,
Осталось в прошлом радость наших встреч.

Но теплится надежда: всё былое
Всплывёт и вспенится, как бурная волна,
И снова сердце, словно молодое,
В груди забьётся и застонет, как струна.

В день свадьбы личной сын к нам подойдёт,
При всех торжественно обнимет, улыбнётся,
И на мгновенье счастье нас найдёт,
Сквозь тучи тонким лучиком пробьётся.

***

Над плывущими вдаль облаками
Я витаю на грани их «крыш».
Что случилось, любимая, с нами?
Я не знаю, а ты всё молчишь?

И звучат в моём сердце напевы,
Стонут жалостно струны души,

Мне любовь эти строки напела,
И звенят они грустно в тиши.

Листья первые осень роняет,
Словно клочья, мной рваных стихов.
Сердце только печаль одну знает,
Знать, погряз я в лавине грехов,

И теперь мне всё в жизни немило,
Ну, а это пред Господом — грех.
Неприязненно всё и постыло,
И вину готов скинуть на всех.

А так хочется вдруг встрепенуться,
Ведь недолог отпущенный век.
И к своей ненаглядной вернуться,
Я ещё — молодой человек.

Обнимать тебя снова и снова,
Целовать, словно в тот первый раз,
Ты и вера моя, и основа,
И любовь во спасение нас!

ПОБЕДИТЕЛЯМ...

Нацистская Германия давно мечтала,
Чтобы Россия для неё рабыней стала.
От моря Баренца до гор Кавказа
«Коричневая» хлынула зараза!

Враги Европу быстро растоптали,
А здесь узнали: «Не на тех напали!»
Страна ввязалась в смертоносный бой,
От гибели, закрыв весь мир собой.

Мосты рвались, пылали эшелоны,
Вошли в легенду штрафные батальоны,
В тылу врага громили партизаны,
Стояли насмерть в ополченье ветераны.

Окопы рыли женщины и дети,
Ведь Родина — одна для всех на свете!
И вот пришла желанная Победа —
Седая, в порохе, одно лишь только жаль:
В семье не стало ни отца, ни деда.
На лицах многих — безысходность и печаль.

Не опустили наши люди руки.
Народ железный, героический народ,
Прошёл и смерть, и боль потерь, и муки,
И всё равно победной поступью идёт!

Пришли на смену сыновья и внуки,
А жизнь идет и нету ей конца.
Дерзают в творчестве, в работе, и в науке,
И в унисон стучат у них сердца!

О ЛЮБВИ

Эти карие глазки
Любви жаждут и ласки,
Обжигающе — нежно
Изучают прилежно.

Смотрят прямо мне в душу.
Я немножечко трушу,
И мелькает догадка,
Что судьба их несладка.

Щуришь ты их в улыбке,
И в восторге сверкаешь.

Я хочу сказать милой:
«Как люблю — ты не знаешь!»

Наступает то время,
Когда нет нам преград.
А любовь — это бремя,
Что несут без наград.

«РАНДЕВУ» С ВЕТРОМ

Ну так как, вы со мною пойдёте
Поздороваться с ветром в лесу?
Вы и глазом еще не моргнёте,
На руках Вас туда унесу!

Меж деревьев свободно гуляет
Ветер тёплый, тревожно в груди,
На свиданье он нас приглашает,
Шелестит: «Всё у вас впереди!»

По верхушкам пройдётся и стихнет,
Иль любовно пригладит траву,
А бывает в порыве так «свистнет»,
Будто хочет сказать: «Всех порву!»

Но деревья в лесу, как солдаты,
Нелегко будет их запугать,
Им лесные до́роги пенаты,
С ними трудно тебе совладать!

Так утихни же, буян губастый,
Ты же часть природы, как и мы,
И не очень силой своей хвастай,
Лучше нас по-доброму прими!

МАРИНА КОНДАКОВА

НЕБЕСНАЯ ПРИНЦЕССА

Дождю уже не плачется —
Растаяла завеса,
И на прогулку катится
Небесная принцесса.

В голубенькой колясочке,
Как в собственной машине,
С короною на шапочке
И взгляд небесно-синий.

Во взгляде отражаются
И звёзды, и планеты,
И на вопросы важные
Готовые ответы…

Вдруг — улыбнулась солнечно,
И совершилось чудо:
Как будто сотни звёздочек
Рассыпались повсюду!..

«Обед! — решает мамочка.
— Важнее нет процесса!»
И мчит домой колясочка
С небесною принцессой…

***

Ветер, словно бы жёсткой метёлкой
Облака разметает свирепо:
Проступают средь серых волокон
Голубые тропиночки неба.

Солнце мягкой косматою лапой
Обнимает пушистые ели;
И, прощаясь, уходит на запад
Отдыхать на таёжной постели…

Беззастенчиво холод нахальный
Под мою проникает дублёнку;
И, от колких обьятий спасаясь,
Я проворно бегу по посёлку…

ЗАБОТЛИВАЯ БЕЛКА

В окрестностях канавы живописной,
Где комары настойчиво гудят,
И где по водной глади шелковистой
Задумчивые уточки скользят,

Мне повстречалась белка-поскакушка,
Тащила что-то странное в зубах…
Дорогу уступила я подружке:
С утра она — в делах, и я — в делах…

Но целый день я думаю об этом:
Что белка так хозяйственно несла?
Кусочек войлока украла где-то?
Или дорнит — для личного гнезда?

Заботливая, яркая рыжуля,
Пока ещё не наступил мороз,
Заблаговременно, в разгар июля
Решила с утеплением вопрос!

ОШИБКА ДЯТЛА

Отмахнув занавесок накидку,
Я на кухне окно открываю:
Небо синее, как на открытке!
Запах утренний летний вдыхаю…

Электрический столбик напротив
От ветров покосился устало.
Он и был не особо устойчив,
Хоть и был целиком из металла…

Вдруг я вижу чудесную птицу:
Ярко-красный наряд так и манит!
И на столб она сразу садится,
И давай по нему барабанить!

Это чудо сидит очень низко,
О железо свой клюв разбивая…
В первый раз вижу дятла так близко:
«Перестань, дурачок! Умоляю!»

Стихло всё. Обнаружив ошибку,
Он в раздумьях сидел, озираясь,
На лице моём вызвав улыбку…
А потом — улетел. Не прощаясь.

ПРИВЕТ ИЗ ДЕТСТВА

Решение больших проблем
Вдруг неожиданно нашлось,
И лето, будто насовсем,
С везением переплелось.

В такси, довольная, сажусь,
С водителем приветлива,
Поездкой лёгкой наслажусь
Я весело, кокетливо.

Навстречу улицы летят —
Нет пробок. И зелёный свет.
Взлохматил волосы сквозняк,
Из детства передав привет.

И повернулось время вспять,
И снова будто мне лет семь —
Поёт по радио опять
Великолепный Джо Дассен…

МОЙ САНШАЙН

Проблемы замучили в мире реальном:
Кредиты, лимиты, добыча еды…
Хочу раствориться во сне виртуальном,
Под пальмой лежать у заморской воды.

Цветочки цветут и шумят водопады
И нету проблем, можно весело жить:
Кокосы выращивать и авокадо,
И в смокинге белом сигару курить.

Здесь суперкрутой и богатой я буду:
Свой собственный остров, у дома бассейн…

В реальности этого я не добуду:
Богатство и счастье доступны не всем…

Реальность застыла, как слепок унылый…
На кнопку нажму — и я снова онлайн.
И снова несёт самолёт быстрокрылый
Меня на далёкий прекрасный Саншайн!

ТЫ УЕХАЛ…

Ты уехал — погасло веселье,
Снова я в старом доме одна;
И глумится сквозняк над постелью,
Забирая остатки тепла…

Я сижу, в одну точку уставясь,
Цепенею, не помню, как жить:
Как на плитку кастрюльку поставить
Или чаю себе заварить…

Приезжай поскорее, любимый!
Без тебя похудею совсем,
Без тебя мои кончились силы:
Без тебя я не пью и не ем…

Полетели печальные строчки:
Всё общенье в онлайн перешло,
Только греет ноябрьской ночью
Электронных сердечек тепло…

***

Пусто во дворе соседском,
Снег не чищен и глубок —
Выкатился на крылечко
Рыжий пышный колобок.

Осмотрелся взглядом сонным,
Миловиден и курнос;
Вдруг залился лаем звонким,
Озабоченный всерьёз.

И ответил густо, важно
Наш немецкий и цепной:
«Как дела? Тебе там страшно?
Обнаружился чужой?

Ты скажи! И я на помощь
Моментально прибегу!
И обидчик по-любому
Изваляется в снегу…

Ну, а нет? Так просто в гости,
Просто в гости приходи!»
И вспорхнули серой горстью
Над тропинкой воробьи…

***

Обогатился интерьер —
Не помня про кредиты,
Купили музыкальный центр
С тобою на Авито.

Блестит передняя панель,
Как корпус звездолёта;
Оранжевым горит дисплей,
И прыгают часто́ты.

Все диски старые свои,
Забытые кассеты
Мы можем воспроизводить
На аппарате этом.

Колонок тёплые бока
Весьма экологичны,
Динамики дрожат слегка
И тембры фантастичны!

Как будто двадцать лет долой —
Мелькнула фотоплёнка —
Ты снова парень молодой,
А я — твоя девчонка...

***

Всё так же тихо по утрам,
И спит моя деревня;
Кота уютный мерный храп
Отсчитывает время.

Покину плюшевый комфорт:
Не пропущу момента
Увидеть небо надо мной
Лавандового цвета.

И нежный птичий пересвист
Добавит ощущений,
Переключив зимы плейлист
На радостный, весенний!

ЛЮБОВЬ КОРОБКИНА

***

Мой град Сургут,
Тобой горжусь! —
Души приют.
Я здесь тружусь,
Друзей нашла,
Стихи пишу.
Здесь ночь бела —
Я ей дышу…

РАЗНОЦВЕТЬЕ ОСЕНИ

Рыжекудрая грустная Муза,
Золотая ты осень моя,
Мы с тобою в родстве и союзе:
В твоё время рождённая я.
Потому-то твоим разноцветьем
Наслаждаюсь всегда всей душой.
С ностальгической ноткой о лете
Лишь на миг вспомнив,
                как хорошо
Было в тёплое время. В ушедшем.
Но на смену ему ты пришла,
Буйством красок своих сумасшедшим
Всё вокруг вдохновенно зажгла.

ЗВУЧАЛА МУЗЫКА ОРГА́НА

Звучанье поднималось ввысь,
Душа куда-то уносилась,
А в мыслях пролетала жизнь,
Которая вот так сложилась.

Печалью музыка лилась,
Церковным воском растекаясь
И вопрошая: «Как жила?
Наверное, грешила, каясь?»

В костёле так орга́н звучал
«Святого Бруно» в воскресенье
И Бахом душу врачевал,
И вызвал слёзы потрясенья.

ДЕТСТВА НАШЕГО НОВЫЙ ГОД

Собирались мы по соседству,
Как обычно: семей больше двух.
Разносился знакомый с детства
Мандаринов волшебный дух.
Наряжали ёлки живые —
Пластик не́ был ещё в чести́.
Пели песни все хоровые,
И в душе не могли вместить
Все эмоции, впечатленья,
Озорство рвало́сь через край,
Ожидая чудес свершенье —
Так во всём ловили свой драйв.
Угощенье было на ёлке —
Всяк, кто хочет, его возьмёт.
Опьяняющий запах смолки
Делал сказкою Новый год!

НОВОГОДНИЙ АНГЕЛ

Босоногий ангел над крышей
Новогодней ночью летал,
Поднимаясь выше и выше,
Он молитву тихо шептал.
Словно был для всех оберегом,
Защищая, брал под крыло.
Долго-долго смотрела в небо,
Ощущая его тепло.

ЛЮБИМЫЙ «КАПРИС»

Рыжей долькой апельсина
Месяц над рекой повис.
За стеной на пианино
Мой сосед играл «Каприс».
Пьеса очень знаменита
И давно любима мной.
В ней раскатисто-сердито,
Словно бы морской волной,
Льются звуки перекатом,
Говорливо в дружный хор.
От легато до стаккато
Музыкант вёл разговор —
Всё без фальши, искаженья —
Местный Моцарт, мой кумир.
И до головокруженья
Уводил в волшебный мир.

РАЗЛИЛСЯ ЗОЛОТОМ ЗАКАТ

Разлился золотом закат,
Раскрасил небо над рекою:
В палитре охра и агат,
И многоцветие левкоя.

Со временем бледнел окрас,
Менялась на глазах картина.
Ночной покинув Монпарнас,
Мольберты в ниши отодвинув,
Художник-ночь в свои права
Вступала медленно, но смело,
Окрасив небосвод едва
В оттенки скромной краски белой.

НОЧНАЯ СПУТНИЦА

Она бывает тёпло-рыжей,
Холодной, бледно-ледяной,
То очень высоко, то ниже
Загадкой светит надо мной.
Ночной красавицей зовётся,
Хотя и днём порой видна,
Веками музой остаётся,
Бессонниц — частая вина.
Ориентиром для влюблённых:
Им освещает путь она.
И даже в виде усечённом,
Как месяц, — всё равно луна.

ВЕТРЕНЫЙ ПОВЕСА

Границ не зная в увлеченьях,
Февраль — изменник, ловелас —
Свои меняет предпочтенья
Без сожаленья и не раз.

То — верный паж зимы, не смея
Перечить ей, морозит нас,
То солнечным теплом пригреет,
Весне на встречу торопясь.

Метели песней заунывной
Лишит покоя всех в ночи,
С лучами солнца вдруг зазывно
Сосулькой с крыши застучит.

Так и живёт двойною жизнью
Повеса, ветреный февраль,
И что ему до укоризны
В том, что кутила он и враль?..

ГОРОД В ТУМАНЕ

Накрылся город шалью из тумана.
Была умело со́ткана она
Из миража, неясности, обмана —
И в плен взяла весь город пелена.
Как женщина Востока, чуть смущаясь,
Туманный город приоткрыл свой лик.
Шаль-пелена исчезла, растворяясь,
Разведчиком луч солнца вдруг проник —
И улыбнулся город силуэтом
Доро́г, строений, парков и мостов.
Луч завершил свой танец пируэтом,
Ликуя и гордясь: вот я каков!

МЕЛОДИИ ПРИРОДЫ

У природы своя привилегия
Всё окрашивать чудом мелодии:
И рождается в осень — элегия,
А зима созвучна рапсодии.

У весны — ноктюрна журчание,
С перекатом, слегка бравурное,
Краски лета — романса звучание,
Чуть с загадкою нотки амурные.

Композиторы очень известные
В настоящее время и встарь
Воспевали музыкой, песнями
Весь природный в году календарь.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Как плод, вынашиваю мысли
Не о любви и не о нём,
А те, что тучами нависли
И беспокоят день за днём.

Как жить в гармонии с собою?
Так высока её цена.
И трудно в дружбе быть с судьбою,
Когда безжалостна она.

Но надо отыскать хоть тропку,
Чтобы к заветному прийти.
Пусть будет лишь попыткой робкой —
Уменье вовремя уйти

От нелюбимого занятья,
Из плена недругов и ссор,
Не знать неискренних объятий,
Улыбок льстивых приговор.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Я выбрала тебя давно,
Хоть климат здесь с тяжёлым нравом.
Вторым стать домом суждено
Тебе, Сургут, дано по праву.
Здесь становление моё,
Как личности, происходило,
Преображение твоё —

День ото дня.
Я полюбила
Твоих ночей белёсых свет,
Зимою долгой грусть о лете.
Дороже и роднее нет
Мне города на белом свете.

О ТВОРЧЕСКИХ МУКАХ

Многолика, многообразна
Наша жизнь. Жаль, короткА.
Книг написано много и разных,
Есть — на время, а есть — на века.
Мало избранных — это понятно,
Но не счесть тех, кто пробой пера
Изводился неоднократно
По ночам напролёт до утра.
Не одна так сгорела надежда:
Что написано — будут читать,
Что примерит обложку-одежду
Труд, который увидит печать.

ПРОВОЖАЯ БАБЬЕ ЛЕТО

Шары кивали золотыми шапками.
Сгребала я листву охапками,
Птиц улетающие стаи провожала.
Бледнеющую неба просинь и
Прощальные все краски осени
В лукошко памяти сегодня собирала.
Окутан день теплом был так заманчиво,
Увы, лишь кратко и обманчиво —
Ведь, песня летнего тепла была уж спета.
Рдел бусами наряд рябиновый,
День поглотил закат малиновый...
Таким запомнилось прощанье с бабьим летом.

ХОРОШО, ЧТО МАМА ЕСТЬ

Как хорошо, что мама есть!
И хоть не рядышком, не здесь,
Но неразрывна с мамой нить:
К ней можно съездить, позвонить.
Вот только, жаль, далековато,
И ощущаю виноватой,
Что раз в году лишь навещаю.
Хлопочет мама, угощает
Любимым пирогом с капустой.
А уезжать, бывает, грустно.
Потом из трубки телефонной
Вновь слышать голос так знакомый:
«Сижу, вот, стряпаю пельмени,
Пусть не такие, как в Тюмени,
Но приезжай, дочь, накормлю».
А я Всевышнего молю:
«Храни, Господь, её на свете!»
Пока есть мама, все мы — дети.

АЛЕКСАНДРА ЛАЗАРЕВА

ТВОЯ ЛАДОНЬ

В моей руке твоя ладонь —
Ладонь Отца.
Мужчины.
Друга.
Прохлада в ней, и в ней огонь,
В ней страсть любимого супруга.

Твоё надёжное плечо,
Что рядом в каждую минуту.
Когда мне в жизни горячо,
С тобой легко поверить чуду.

Твои любимые глаза,
А в них — тепло души.
Безбрежность.
Солгать таким глазам нельзя,
А подарить,
так только Нежность.

В моей руке твоя ладонь,
Она верна мне, как и прежде.
Ты — пламень мой.
Ты — мой огонь.
Моя опора и надежда.

СТАРШИЙ БРАТ

Жизнь, бывает, обидами ранит,
И тогда я спешу назад
В память чистую.
Там, где Ваня,
Мой любимый, мой старший брат.

Взгляд родной, испытующе-строгий,
От родителей мудрых дан.
И такое даётся немногим —
Гордо-русское имя — ИВАН.

Ты с годами становишься ближе.
Твой задумчивый добрый взгляд.
Я за тысячу вёрст тебя вижу,
Мой любимый, мой старший брат.

ЕСТЬ В НАШИХ СЁЛАХ...

Есть в наших сёлах нивы хлебные,
Совсем немного. Но ведь есть!
В застольях песнь поют хвалебную,
России защищая честь.

Гуляют в выпасах откормлены
Гусей, коров, овец стада.
И слово чистое, достойное,
Как в родниках живых вода.

Всё в наших сёлах — милованье
Прозрачностью озёр и рек.
Лишь укрепилось бы в сознаньи:
Я — сын Руси! Я — человек!

БАБУШКИН СВЕТ

В пустых деревенских оконцах
Не видно руки со крестом.
В пути нам желающих солнца,
И возвращения в дом.

Не глянет из-под ладони
Старушка на белый свет.
Гусей за оградку не сгонит,
Да и оградок-то нет.

Добротные джунгли из камня
Затмили нам бабушкин свет.
А те, кто их строил, сами,
Какой нам оставят след?

Мы едем среди деревушек
И всё ж, у пустого двора
Надеемся встретить старушек —
Источник добра и тепла!

МЕЖДУ «ПОСЛЕ» И «ДО»

Прописалась черта между «после» и «до»,
Не бесцветная. Чёрной масти.
Жаль, но в «после» твоих я не вижу следов,
И черту не стереть. Неподвластна.

Без тебя не звенит счастья прошлого звон,
Не поются в душе моей песни.
Только крик из души, да сердечный мой стон:
Почему не со мной? Почему мы не вместе?

В МЫСЛИ МОИ ВХОДИ...

В мои мысли входи,
Чаще снами тревожь.
Пусть приветы твои
Передаст тёплый дождь.

Память, птица-печаль,
Подними меня ввысь.
Жизни строгой печаль
Разгони, разомнись!

Мне б ладонью легко
Прикоснуться к тебе.
Но в реальности жизнь
Так покорна судьбе.

Я, КАК БУДТО ЗАБЫЛА...

Я, как будто забыла все песни,
И частушек любимых не знаю.
Нету к жизни моей интереса,
И уже ни о чём не мечтаю.

Словно я колдуном сердитым
Заколдована. И навечно.
Все мечты и желанья сокрыты,
И от этой болезни не лечат...

ЧЁРНОЕ ПЛАТЬЕ

В гардеробе, как лето, цветастом
Блузки, брюки, как сёстры и братья.
Но затмило все яркие краски
Моё новое чёрное платье.

К презентациям, раутам, встречам
Нужный цвет могла подобрать я.
Но полгода за вечером вечер
Я ношу только чёрное платье.

Если б мог ты с небес спуститься
И меня заключить в объятья,
Разрешила б себе веселиться
И порвать своё чёрное платье.

МОЛИТВА МАМЫ

Воспоминанья даль светла
Лучом явилась,
Где мама рядышком была,
Она молилась…

Вся жизнь — горенье и зола —
И горько-мило,
Но мама рядышком была,
Она молила.

Для первой трепетной любви
Молитва мамы
Защитой верною была,
Надёжной самой.

Молитвы мамы путь домой
Не сокращали,
Но легче было перейти
Через печали.

Ещё держусь я на плаву
Мажорней гаммы.
И на земле ещё живу
Молитвой мамы.

ЛЕТО БЕЗ ТЕБЯ...

Вот и не было в этом лете
Ни тебя, ни твоих следов.
Не представился в ярком свете
Ни один из тревожных снов.

Среди лета душа застыла,
В ярком солнце являлась хмарь.
Сорок лет с нами счастье было,
И ушло в «смертоносный январь*»...

**смертоносный январь — выражение Евгения Ставровского.*

ПОКЛОНЕНИЕ

Вихри дней неуёмных кружат,
И никто их не в силах сузить.
Красной лентой вяжется туже
Размышлений памятный узел.

Кто он, предок, мой благодетель,
Что энергии мощную силу
Только мне передать наметил,
Чтобы словом стиха говорила!

Чтоб от мыслей испа́риться в стужу —
Им в груди ни к чему томиться.
Не держу — пусть в слова и — наружу!
Но за это кому поклониться?

Дед Иван? Или прадед Тихон?
Кровь родная в бушующих венах.
Стоп, энергия! Мысли, тихо! —
Перед предком стою на коленях...

ТЕЛЕГРАММА

От мамы пришла телеграмма —
На чудо зовёт посмотреть:
Выходит черёмуха замуж,
И надо бы это воспеть.

А тополь-жених шелестяще
Избраннице милой своей
Поёт о нахлынувшем счастье
И тянется, тянется к ней.

Шумит её белое платье,
Свежо для него одного.
Она открывает объятья,
Она обнимает его.

Льёт звон колокольный из Храма —
Является миру любовь.
Выходит черёмуха замуж,
А в людях волнуется кровь.

НАДЕЖДА ЛИШМАНОВА

***

Пропал поэт, вдруг стало пусто,
Без объяснения исчез.
Страничка вырвана, всё чисто,
Мир воспалился до небес.

Его простые мысли-чувства
Звучали песней между строк.
Без торжества и без занудства,
Как первый в мае лепесток.

Нам не дано остановиться
И не дано бежать вперёд.
Мы не снежинки, чтоб кружиться,
Но тоже чувствуем полёт.

ПРОВАЛ

Ну вот, казалось бы, жила,
Не отставала, не бежала.
Друзей на помощь не звала
Но, за поступки отвечала.

Сегодня встала и провал,
Нет никого, кто был бы рядом.
И ты б наверно не позвал,
Тревоги чувствуются взглядом.

Слова, как утренний туман,
Порой не вяжутся с делами.
Уж комом катится обман,
Текут тревожно дни за днями.

Но, есть мне кажется предел,
Предел мечтаниям и звукам.
Там исчезает много тел,
Взамен рождающимся мукам.

НЕ МОЯ ВОЛНА

Вновь гудит волна, водяной поток,
Бьёт наотмашь он и сшибает с ног.
Может это сон? Может кажется?
Но безумный он, не уляжется.
Доказать грозит с пеною у рта,
Не твои слова, не твоя мечта.
Нет здесь тишины, на покой, запрет,
Вой из глубины натворивший бед.
Ну, не страус я, головой в песок,
Так хотелось мне, чтобы ты помог.
Даже быть собой несгибаемой,
Через много лет, узнаваемой.
Ледяной стеной уплываешь вдаль,
Не моя волна, не моя, а жаль.

ПАМЯТЬ-ДУРА

Мне нечем, нечем вдохновиться,
Одно и тоже каждый день.
Снег за окном опять кружится,
Зевает сладостная лень.
Пойти, куда? Найти, кого?
Нет не малейшего желанья.
Да и сейчас не до того,

К чему нелепые мечтанья?
Ночные шорохи в тиши,
Уносят сон от изголовья.
И, кажется, вставай, пиши,
Но издевается злословье.
От убеждений не свернуть,
Какая ж мерзкая натура.
Не получается заснуть,
А виновата память-дура.

ГЛОТОК

Осенний дождик и прохлада,
Мне очень нужен ваш глоток,
Пьянящий запах листопада
И от костра седой дымок.

В минуты отдыха блаженством
Вновь наполняется душа.
И рада этому соседству,
Дышу всей грудью, не спеша.

Уже уходят прочь сомненья,
Негодованья улеглись,
Не душит мелочь угрызенья
И нужные слова нашлись.

За горизонтом солнце скрылось,
Луна на небо взобралась,
Сердечко радостней забилось,
И вера в лучшее зажглась.

ПРОСТИ БЕРЁЗКА

Я сегодня спилила берёзку,
Не судите и мне тяжело.
Но вот видеть невинные слёзки,
Не смогла и сомненье ушло.

Перепутались мысли невольно,
За пилой потянулась рука.
Я вела себя в меру достойно,
Но дрожало сердечко слегка.

Жалко мне и берёзу-подругу,
И кота, что сидел там три дня.
Наверху, он залез с перепугу,
От собак видно, как от огня.

Я ругалась все дни и жалела,
И кота, и собак заодно.
Говорила, что нет до них дела
И своих накопилось полно.

Новый день и качает берёза,
Исхудавшее тельце кота.
Потекли по щеке моей слёзы,
Отразилась в душе пустота.

Пусть ругают меня, пусть осудят,
Ты берёзка родная, прости.
У кота второй жизни не будет,
Я другого не вижу пути.

ВРЕМЯ ПОГОВОРИТЬ

Ах, как хочется, родная,
Мне с тобой поговорить.
Ты не думай, я-то знаю:
Тяжело в разлуке жить.

Раньше я не замечала
Тонкой ниточки с тобой,
Оттолкнувшись от причала,
Не заметила прибой.

Подхватила жизнь шальная,
Затянув в водоворот.
Годы весело листая,
Закружился хоровод.

Помоталась по баракам,
Всё познала: радость, боль.
То по чувствам, то по знакам,
Реже сахар, чаще соль.

Есть теперь родные метры,
И стены четыре есть.
До тебя лишь километры,
Ой, как трудно всё учесть.

ЛУЧШЕ ОДНОЙ

Мой Боженька, как я устала,
Не хочется видеть рассвет.
Ты знаешь, порою кричала,
Но вновь зажигается свет.

Мне силу даёшь, не жалеешь,
Но в чём же твоя благодать?

Ты многое верю умеешь,
Не только любить, мило ждать.

Но сколько бы я не старалась,
В отшельниках нынче живу.
Казалось терпеть ещё малость
И круг этот я разорву.

Плевали не раз в мою душу
И я всё терпела, могла.
Но, то, что от друга услышу,
Уснуть не дают мне слова.

Опять униженье, подножка
И нерв натянуло струной.
Пусть я твоя малая сошка
Но лучше мне будет одной.

ПЕЧАЛЬ МОЯ

Давно не встречала кукушку,
А может в лесу её нет?
Опять выхожу на опушку,
С тревогой встречаю рассвет.

Ждала всё короткое лето,
И это причудилось раз.
Я слышала, плакала где-то,
Вдали от назойливых глаз.

Уж осень накрыла дождями,
Срывая с деревьев наряд.
Но, что же случилось меж нами?
Кукушечка, кто виноват?

ЗВУКИ МЕЛОДИЙ

Мне непонятны эти звуки,
Что есть мажор, а что минор.
Не проходила той науки,
И леность это, и позор.

Но, удивительных мелодий,
Чарует ласковый полёт.
Из необузданных рапсодий,
Волнует что-то и зовёт.

То заставляет улыбаться,
То слёзы лить и горевать.
Чего ещё мне опасаться?
И как всё это называть?

ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

Закрытыми глазами,
Лишь ручка и тетрадь,
Пытаюсь снова мысли
Простые записать.

Пишу их, как молитву,
Тетрадь в руке дрожит,
И ручка по листочку
За мыслями бежит.

Бежит, роняя фразы,
Их тоненькая нить.
Перечеркну и сразу
Другая мысль летит.

А я хочу вернуться
К потерянной мечте,
Ищу родные звуки,
Но, чувствую, не те.

АЛЕКСАНДР ЛЮБЯКИН

ЛЕС

Мне стало скучно жить в пустой квартире,
И преднамеренно я выбрал путь бомжа.
Ничто не вечно в сумасшедшем мире,
Бреду, свободой мысли дорожа.

От шума муравейника людского
Я ухожу под сень густых лесов,
Где речка тихая бежит нескоро,
Журчит, поёт мелодию без слов.

Мне надо, чтоб гитара за спиною,
И в рюкзаке продуктов скромный груз.
Передо мною — лес сплошной стеною,
В чертоги хвои сладко окунусь.

О Боже, как прекрасен леса мир!
Здесь времечко течёт без лишней спешки,
Барсук в норе нагуливает жир,
И белочка из рук берёт орешки.

Лиса махнула огненным хвостом,
Ловить в деревню кур бежит, плутовка,
И радуга сияющим мостом,
И ёж грибы накалывает ловко.

Стучится дятел в старую сосну,
Выискивая вредных короедов,
А я готовлю яркую блесну,
Чтоб рыбки наловить себе к обеду.

И стройных кедров, горделивых стать,
Вонзаясь кроной в голубое небо,
И в сердце — греет Божья благодать,
Как в сказке колобродит быль и небыль.

Здесь ягод и грибов, как звёзд на небе,
Их заготавливай на зиму, впрок,
И рвётся вдаль душа, где раньше не был.
Я предков мудрых выучу урок.

Они когда-то жили лишь природой,
Питались тем, что лес, река даёт,
Не знали вредных выхлопов заводов,
И пили воздух сладкий, словно мёд.

Не знали всех химических таблеток,
Мудра природа — все лекарства есть,
И, если, доняла хвороба, этак,
Запарь ты благородных травок смесь.

А чтобы силушки тебе набраться,
Для этого здесь тоже способ есть:
Спеши с молитвою к сосне прижаться,
И спу́стится с небес благая весть,

Что — тоже ты — отросточек природы,
И создан по подобию Христа.
Омоют тебя рек святые воды,
Согреет тебя леса красота!

Приходит осень в сполохах рассвета.
Раздолье красок вижу там и тут,
Любимая пора, мечта поэта,
И это бабьим летом назовут.

О, сколько радости приносит осень людям!
Грибы, словно солдатики, стоят,
Зимой за дар благодарить природу будем,
А нынче ягоды, как яхонты горят!

А женщины в цветастых сарафанах —
Кровь с молоком, невиданная стать!
С природой красками они сейчас на равных,
Смотреть на них такая благодать…

«Но, время ни на миг не остановишь» —
Зима приходит в белых одеяньях,
Ты по теплу тоску из сердца гонишь,
И снег кружится в радужных селеньях.

Настала свадеб гулкая пора,
Лихая тройка мчит через леса.
Жених от счастья без хмельного пьян,
Невеста — рядом — редкая краса…

Деревья шубки белые надели,
Одежда их пушиста и легка,
А вдоль дорог рябины, сосны, ели
И тоже заневестились слегка.

А ребятня готовит санки, лыжи,
Пришла для них счастливая пора.
Для удальцов всё ближе, ближе, ближе
Вон та, непокорённая, гора!

С горы промчаться, с резвым ветром споря,
Лыжня петляет меж седых берёз,
Как молоды — они не знают горя,
Душа поёт, так хорошо — до слёз!

Проходит время, близится весна,
На вербах распустились уже почки,
И солнце зиму гонит со двора,
Длиннее дни, короче стали ночки.

Приходит Пасха сдобным куличом,
Уже заметно оживился лес.
И нам сейчас морозы нипочём!
Христос Воскрес — Воистину воскрес!

ДОЖДЬ СТУЧИТСЯ В ОКНО

Мелькают дни, обрывки разных фраз,
Из них стихов своих слагаю строчки.
Умчалось лето милое для нас,
И, кажется, что жизнь дошла до точки.

Сентябрь. Поёт, стучится дождь в окно.
Светает, а мне всё ещё не спится.
Я журавля с небес ловлю давно,
И каждый раз гляжу — в руках синица.

Но верю, что ещё придёт Весна,
И журавли опять вернутся с юга.
И, может, станет снова не до сна,
Найду, быть может, верного я друга!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Зима ещё ворчит сердито,
Не хочет уходить, хоть плачь.
Ручей назло ей, деловито,
Под горку резво мчится вскачь.

И луч живительный пробился,
Из-за косматых, тёмных туч.

Скользнул по кронам, удивился,
Спит лес, он и во сне могуч.

И по стволам берёз и елей,
Луч резвой белкой проскакал,
Пора вставать, ушли метели,
Покров зимы с ветвей упал.

Пора встряхнуться ото сна,
Дождями первыми умыться,
Весна идёт, спешит весна,
Ей гимны распевают птицы.

ЗИМА

Я зиму не люблю — любуюсь ею.
Она приходит в скромном платье белом.
В лесах, садах и на холстах полей
Картины дивные рисует мелом.

Бежит, поёт, позёмкою крутя,
По первому нетронутому снегу.
О! Как свежа, ты, Севера дитя,
Я пьян Зимой, душа впадает в негу…

***

Шальная осень, рыжая девчонка,
Как я люблю твои цветные платья.
Ты, в жизнь мою ворвалась очень тонко,
Сомкнулись наши нежные объятья.

Давай же насладимся бабьим летом.
Так мало нам отмерила природа.
Зимой мы будем вспоминать об этом,
Прекрасное, цветное время года.

Ты, не грусти, что осень у ворот,
Дай Бог не раз нам встретить эту осень.
Я не забуду нашей встречи год,
И вновь брожу, где след каблук твой бросил.

КАК ХОЧЕТСЯ ВЕРНУТЬСЯ В ДЕТСТВО

Город своими огнями у нас,
Тихо крадёт звёзды с неба.
Мне бы вернуться хотя бы на час,
В детство, где так давно не был,

Где протекает родная Тура,
Что на волнах нас качала.
Речки любимой шальная волна
Жизнь повторит мне сначала.

Вновь растворюсь в переулках глухих,
В яблонях цвета, в сирени,
В юности нашей, проделок лихих,
В роще берёзовой тени.

Как же мне дорог твой жизни уклад,
Пчёлок летающий рой,
Детства беспечного истинный клад —
Город над милой Турой.

***

Весна заблудилась в Сибирской тайге.
В Сургуте мороз колобродит.
И ветер-разбойник, спускаясь с небес,
Как хищник, по улицам бродит.

До чёртиков нам надоела зима.
Мы молим тепла у природы.

Приди поскорее, родная весна,
Пусть Обь распахнёт свои воды!

Люблю наблюдать ледохода парад,
Где льдины, столкнувшись друг с другом,
Покажут ледовый блестящий наряд,
Как в танце расходятся кругом.

И верится, что отступает зима.
Мы смотрим с восторгом на это.
В природе всегда побеждает весна,
Даря нам надежду на лето.

***

Снова осень, и дождик в окно,
Как усталая птица, стучится.
Жизнь проходит, и не суждено
Мне опять безрассудно влюбиться.

И так хочется мне разорвать
Этой жизни бесплотную сеть.
Все преграды былые взорвать,
В юность милую вновь полететь.

В тот берёзовый ласковый край,
Всё забыв, мне легко устремиться.
Где бушует неистово май,
Там с берёзоньки сока напиться.

Ветер северный рвётся и стонет,
И уносит златые мечты.
В церкви близко всё колокол звонит,
Дом, квартира, окно, я и ты.

СЕРГЕЙ МЕЛЬНИКОВ

ВСТРЕЧА

Артём вышел из трамвая, и усмехнулся. Город никак не изменился за эти три года, что его здесь не было. Такой же пыльный, суетный, жаркий. Он подошёл к пешеходному переходу, внимательно осмотрелся, прежде чем перейти на другую сторону, водители не часто пропускали пешеходов, предпочитая пронестись мимо испуганного человека.

Там, на севере, где он уже жил три года жизнь, более размеренная, нет такой спешки. Оно и понятно, что там полгода лежит снег, спешить по гололёду не получится, потому люди менее суетливы и более основательны. Климат сказывается и на характере северян, не каждый способен выдержать суровые условия. Из тех сорока двух человек, приехавшим с ним по комсомольской путёвке, осталось только шестеро, остальных отпугнули морозы, неустроенность, трудности. Остались только самые трудолюбивые, не боящиеся испытаний. К тому же, тут люди более заботливы друг к другу, не пройдут мимо лежащего на земле человека, знают, что холод может его быстро погубить.

Он шёл мимо парка, там те же скамейки, деревья, гуляющие по дорожкам люди, бегающие с задорным смехом шаловливые дети.

Три года назад возле магазина стояли автоматы с газированной водой, сейчас их не было, Артёму захотелось пить. Он зашёл в магазин купил бутылку лимонада. В карманах не было ножа, которым он мог бы открыть бутылку. Он повертел лимонад в руках заметил впереди в метрах ста ажурную решётку. «Вот с её помощью и открою бутылку и попью», — подумал он.

Приложил железную крышечку к витой пластине дёрнул бутылку вниз. Она слегка ударилась о решётку и горлышко откололось.

«Да что же такая невезуха?», — возвращаться обратно за новой бутылкой не хотелось, он аккуратно приложился к отбитому горлышку губами и стал осторожно пить. Напившись, бросил бутылку в рядом стоящую урну.

Проходная завода представляло собой приземистое строение, украшенное белыми колонами, где в стеклянной будочке сидела толстая охранница, подозрительно косившаяся на всех мимо проходящих.

Артём опёрся о стену, ему было хорошо видно дорожку по которой шли рабочие.

Анжелу он заметил сразу, всё такая же лёгкая, невесомая, милое личико, тёплый нежный взгляд карих глаз. Он спрятался за колонну, видел, как она прошла мимо охранницы, развернув удостоверение. Анжела прошла мимо него, он уловил запах её любимых духов, сделал шаг, и сказал:

— Здравствуй, Анжела.

Она вздрогнула, повернулась и удивилась:

— Ты?

— Представь, я. А, ты думала чудище морское? Не ждала?

— Нет.

— Я специально приехал на завод, тебя увидеть.

— Зачем?

— Может пройдёмся или так и будем говорить у проходной?

— Пройдёмся, — растерянно согласилась она.

Они дошли до той самой скамейки, где так любили встречаться и сели. Артём на мгновение перенёсся в прошлое и до полной ясности вспомнил, как они целовались сидя здесь, бархатное прикосновение её губ, её невесомое тело в его руках. Потом они пошли к нему в общежитие, ребят, что жили с ним в тот вечер не было в комнате. Он ясно ощутил, когда они поднимались по лестнице, похотливый взгляд в спину вахтёрши, женщины лет сорока.

Они целовались, нежно гладили друг друга, доводя до экстаза, потом она его слегка оттолкнула его и сказала: «Подожди, я платье сниму, что бы не помялось».

Сколько они любили друг друга в этой влажной ночной духоте, казалось вечность, и Артём хотел, чтобы это длилось бесконечно долго, но его остановил её шёпот: «Хватит, я больше, не могу».

Провожая Анжелу, уже подходя к двери, он услышал, как вахтёрша произнесла им вслед: «Шалава».

Анжела с какой — то жалкой беспомощностью взглянула на Артёма, но тот лишь усмехнулся и взял её за руку.

Он махнул головой, отгоняя наваждение:

— Как поживаешь, замуж вышла?

Анжела опустила голову:

— Вышла, но прожили всего полгода, он мне изменил.

— Во, как — Артём цинично хохотнул, — что так быстро.

Анжела надула губы, попыталась подняться, и уйти, он взял её за руку:

— Ты что лучше? Взял и уехал на север, оставил меня одну.

— Какие у нас были перспективы тут? Нам даже комнату в общежитии не дали бы. Вот я и хотел, там начать новую жизни, там было больше возможностей, точно бы комнату выделили, а там дело и до квартиры дошло. Ладно, не обижайся, не хотел тебя задеть. Просто мне досадно за тебя, ты же красивая, хорошая, ну, я так считал, и через полгода изменить? Он тебя просто не любил, а ты за ним побежала, видать приманил он тебя чем то, показался особенным. Ну почему вы женщины предпочитаете всяких мерзавцев нормальным парням? Что вас тянет к этим павлинам? Не могу понять женской логики, честно. Чем он занимался?

— Машины перегонял.

— Ну, понятно, крутой, типа, парень.

Анжела молча смотрела перед собой, потом повернула голову:

— А ты как?

— Я? — Артём тяжело вздохнул, — знаешь, Анжела, так бывает у человека, вот он родился, растёт, потом включается какой–то рубильник, и он воспринимает мир по-другому. Вышел из детского возраста опять включился рубильник, и опять смотришь на мир по-другому, стал взрослым и опять рубильник включился. После того как я уехал на север, потом через полгода приехал, хотел, чтобы ты за меня замуж вышла. Но ты отказалась, и я стал по-другому смотреть на мир, на любовь, вот как бы отмерла часть меня, смотрел на женщин, и никто мне был не люб.

Да, я женился, но тех ощущений, того отношения к женщине у меня уже не было, холодность какая-то появилась. Ребёнок родился, только от больным оказался. Видно мало мне наказания, что ты не стала моей, так ещё и сын не здоров. Он, мой сын, какой не есть и бросить я его не могу.

— Ты помнишь, тот день, когда мы уходили из общежития? Помнишь, что сказала вахтёрша? Мне тогда было очень обидно, я хотела, чтобы ты защитил меня, что-то ответил той женщине. Ты смолчал и лишь усмехнулся. Тогда я поняла, что ты меня тоже такой считаешь. И это я тебе простить не смогла и потому не захотела быть с тобой.

— Вот так люди и расстаются из-за не понимания друг друга, — Артём хлопнул себя по коленке, — да плевать я хотел, что сказала та дура. Никогда для меня мнение других людей не было важным в том, что касается моей жизни. Я просто любил тебя и всё, мне какое дело до пересудов.

— Зачем ты приехал? Или ты думаешь я из жалости к тебе лягу с тобой в постель? — её голосе появились жёсткие нотки, — я сама стала жертвой измены, и чужую семью рушить не хочу.

Он долгим взглядом посмотрел на Анжелу:

— Ты видать не поняла. У меня сын больной, я бросать его не собираюсь. Да снишься ты мне постоянно, — со злостью ответил Артём, — всё время снишься, будто ищу я тебя, по общежитию бегаю ни как твою комнату найти не могу. Вот, думал, увижу тебя может и сниться ты перестанешь.

— Я в этом не виновата.

— А, кто виноват? Ты же не захотела за меня замуж. Да ладно, чего уж сейчас об этом, — он махнул рукой, — Извини мне уже пора ехать. Я провожу тебя до общаги, ты не против?

Они шли молча, так же молча вошли фойе.

— Ну, пока, — нарушил молчание Артём. Анжела, не отвечая начала подниматься по лестнице. Глядя ей во след, захотелось кинуться за ней, оказаться наедине, снова вспомнить те сладостные мгновения любви.

Понимая, что этого не будет, он осмотрел фойе, пытаясь запомнить его, место их последней встречи, развернулся, вышел на улицу, побрёл к остановке.

Сниться она ему так и не перестала, хотя и являлась во сне гораздо реже.

ОЛЕГ НИКУЛИН

РОССИЯ

Россия, с выращенным хлебом,
Стонала, жёлтая, в полях.
Когда смешались в сорок первом
Закат багровый и земля.

Сыны, невинные, как зёрна,
На землю падали в бою
И становились краснозвёздно
В полки пожизненно в строю.

И поднимались Ленинградом,
Новороссийском и Москвой,
И вырастали Сталинградом,
Железной — Курскою дугой.

Как гнев народный над рейхстагом,
Взметнулся раскалённый флаг.
Россия праздничным парадом
Шагала, гордая, в слезах.

ПРИЗНАНИЕ

Я любовь к тебе горячую,
Сквозь немыслимый заслон,
Совершенно беспрепятственно,
В самолётный взял салон.

Пассажиров в эту тайну я
Никого не посвящу,
Как люблю тебя отчаянно,
Никому не расскажу.

Я сижу, гляжу в окошечко
С высоты небесной вниз.
Стюардесса на подносе мне
Принесла хрустящих чипс.

Предлагает вина с фруктами,
Ананасы, вкусный плов.
Всё равно не рассекретился
Ей про первую любовь.

Своё первое признание
И букет из алых роз
Через «терни», расстояния,
Из Мин-Вод тебе привёз.

ИВАН-ЧАЙ

Залита душистым иван-чаем
Вся опушка леса до краёв.
Видимо, с тобою не случайно
Оказались мы среди цветов.

Впереди ждёт много испытаний
На нелёгком жизненном пути.
А пока счастливее созданий
Кроме нас с тобою не найти.

Словно пчёлы,
Мы под солнцем кружим,
Окунаясь в розовый туман.
И в медовый месяц нам не нужно
Улетать к заморским берегам.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь над лужами склонился,
Нудно в бороду бубнил.
Долго гром терпел, крепился,
Да как молнией хватил!
Испугавшись, ветер дунул,
Пригибая в поле рожь, —
Убегал за ним трусливо
Раздосадованный дождь.
Жатва снова оживала,
И на весь огромный свет
Разрумянившись, лежало
Солнце свежее, как хлеб.

ВОТ ТАК

(басня)

Женился язь безродный
На нельме благородной.
Всё спорили, ругались,
Да к рыбакам попались.

И те их рассудили:
По бочкам разместили.
Язя в пивбаре съели,
А нельму — в «Гранд-отеле».

СКАЗОЧНЫЙ СЮЖЕТ

(басня)

Петух — любовник хваткий,
Женился на хохлатке.
Хохлатка надоела,
Ушёл к минорке белой.
Затем была индюшка —
Серьёзная толстушка.
Потом затеял жуткий
Роман
С болотной уткой.
К лисичке привязался
И тут же расписался.
Та полюбила петушка,
Но — как цыплёнка табака.

ЁЖИК

Повстречался ёжик мне
На лесной поляне.
Два грибочка в туеске,
Ягодки в кармане.

В лапках бережно держал
Ке́дровую шишку.
Весь на солнышке сиял,
Круглый и пушистый.

Прикоснулся я к нему,
И отдёрнул ручки.
Потому что у него
На спине — колючки.

ДОЖДИК

Молодая тучка
В садик городской
Привела за ручку
Дождик озорной.

Стал он тут же
Прыгать,
Бегать по траве.
Заплясал по луже,
Словно на ковре.
Вызывая радость
Шумной детворы,
Всех облил прохожих
С ног до головы.

Радугу цветную
До небес раздул
И, притихнув, сразу
На скамье уснул.

ВОРОБЫШЕК

В Сургуте обжитом,
Снегами расшитом,
На тротуарах — песок.

Воробышек прыгал
И ножками дрыгал,
Но всё же согреться не мог.

Ему предложил я
Тулуп, рукавицы,
Киса два оленьих обул.

И он, обогревшись,
«Спасибо» чирикнул,
В морозное небо вспорхнул.

ВЕСНА

Словно задели
Весну за живое —
Мест не находит,
Не знает покоя.

В рощу уйдёт,
Наревётся утрами.
Капли украдкой
Смахнёт ветерками.

Чувства, совсем непонятные,
Будит
И побуждает
Думать о чуде.

Всё же устанет —
Уснёт на поляне —
Солнце заметит
И тут же нагрянет.

Первых цветов
Набросает в подол
И, как мальчишка,
Мчится за дол.

КУКУШКА

Мне
Кукушка
Куковала:
«Проживёшь ты лет немало.
До конца
Двадцатый век,
Будешь жить, как человек.
А что в следующем
Веку —
Предсказать
Я не могу.
Вот наступит новый век —
Приходи. Ку-Ку, привет».

БЕЛАЯ НОЧЬ

При той заветной встрече
Нам не горели свечи,
И лишними казались
Случайные огни:
В объятьях белой ночи
Мы не смыкали очи —
Мы были в целом мире,
Счастливые, одни.

БУСЫ

Качалки нефтяные
Кивали на песке.
Мы клюкву собирали
В болотистом леске.

Ты обронила бусы
Здесь раннею весной,

Теперь они краснеют
Над мягкою травой.

Напрасно мы пытались
Набрать корзину бус —
Багульником дурманил
Подмятый нами куст.

ЛЮДМИЛА ПРЕМУДРЫХ

9 МАЯ

С дедом солдатскую кашу мы ели.
Рядом с походною кухней присели.

Тут же бабуля с гвоздикой в руке,
Прятала слёзы в помятом платке.

«Что же ты плачешь? — спросил я, вздыхая,
«Плачу не я, это старость седая».

Нежно взглянула, поправив медали
Я продолжал: «Что ли каши не дали?»

Вы не волнуйтесь, мы с дедом сейчас
Каши солдатской попросим для вас».

БАРАНЬЯ «МУЗЫКА»

Для оркестра нёс Баран
Балалайку и баян,

А для творческой работы
Барабан купил и ноты.

Говорит ему Медведь:
«Чур, я басом буду петь!»

После первых репетиций —
Ни зверька в лесу, ни птицы.

ГРАМОТЕЙ

Навалилась лень на Мишку,
Обвинил он в этом книжку.
Думал он, нужней всего
Только силушка его.

«Это скучная работа,
От неё мне спать охота.
Кто придумал чтенье книг?» —
Раздавался Мишкин рык.

На бревно он влез — и вот
Книгу ту на части рвёт.
Пробегала мимо Мышь:
«Косолапый, что шумишь?

Чем ты хвастаешься, милый?
Ум порой важнее силы...»
А сама обрывки книжки
Забрала для дочки-Мышки.

Пусть и порвана страница —
Для учёбы пригодится.
Мишка в лапы хлопнул: «Кыш!»
И в траве исчезла Мышь.

Отчего-то сам не свой
Плёлся Мишенька домой.
Рассуждал: «Енот, Лисица
В первый класс пошли учиться,

Носят ранцы за спиной
И меня зовут с собой.
Получают в школе детки
За старание отметки.

Если я начну читать —
Очень много буду знать.
Да! Теперь понятно мне:
Сила спрятана в уме!»

Стать он грамотным решил
И… букварь себе купил.

ДО СВИДАНИЯ, ДЕТСКИЙ САД

Детский садик, до свиданья!
Вы отдали столько сил,
Воспитатели и няни,
Кто жалел нас и хвалил.

Кто кормил, прививки ставил,
Согревал теплом своим.
По закону добрых правил
Мы спасибо говорим!

ЁЖИКИ

За шиповником колючим,
За валежником трескучим,

В норке рядышком лежат
Трое маленьких ежат.

Подсмотрел вчера Енот,
Где семья ежей живёт:

— Расскажи мне, Ёж-сосед,
Если это не секрет,

Как ежихе удаётся
Никогда не уколоться?

Улыбнулся Ёж в ответ:
— У ежат иголок нет.

Но короткие щетинки
От рождения на спинке.

Только к осени она
Стать колючею должна.

Папы маленьких ежат
Возле норки сторожат,

Где б они могли укрыться
От совы и от лисицы.

И пока иголок нет,
На гуляние — запрет.

Мамы часто гладят их —
Милых ёжиков своих.

Подрастут — целует в нос.
Вот ответ на твой вопрос.

НОТА «ЛЯ»

В каждой песенке живёт
Семь весёлых звонких нот.

Нас лелеял с давних пор
Их певучий разговор.

Но однажды «Ля» пропала.
Вот была! И вдруг не стало.

Музыканты сбились с ног —
Кто её похитить мог?

Позже нотка объявила:
«Я немного пошутила!

Чтоб не пряталась я впредь,
Надо чаще песни петь!»

ОЛЕНЬ И ПЕНЬ

Как-то раннею весной
Шёл олень к себе домой.
Вдруг увидел: пень стоит,
И, похоже, крепко спит.

«Просыпайся, старый пень!» —
Бьёт копытами олень:
«К нам опять пришла весна,
Всем зверятам не до сна».

Пень проснулся, потянулся
И оленю улыбнулся.
Проскрипел протяжно: «Ох!
Что ж так рано я засох?!»

А ему олень в ответ:
«Не ворчи, как старый дед,
У тебя из шапки снежной
Стебелёк пробился нежный!»

ТУРИСТЫ

У притока Чёрной речки,
В самом узеньком местечке,

Появился вдруг затор.
Распознал про то Бобёр.

Здесь туристы — Фрол и Прошка —
Порыбачили немножко

И с объедками пакет
Ручейку швырнули вслед.

Поступил Бобёр занятно:
Положил пакет обратно.

Вот он — с рыбой в рюкзаке.
Нет затора в ручейке!

ФРОНТОВИЧКА

«Посвящается моей маме»

Лицо исчерчено годами,
Воспалены суставы рук.
Подслеповатыми глазами,
На фронтовых глядит подруг.

О чём молчат её слезинки?
И губ полоски без огня.
На пожелтевшем фотоснимке,
Она увидела себя…

То фото память всколыхнуло,
Тянуло мыслями назад.

Она, задумавшись вернулась,
В передвижной свой медсанбат.

В пилотку молодость одета,
Под гимнастёркой дышит грудь,
А мы, сестрички лазарета,
Боялись походя уснуть.

А скольких к жизни мы вернули?
Войной истерзанных солдат.
Своих родных, четыре пули,
Там, за иконкою лежат…

Кто был на фронте, там остался…
Невестой смерть в войну была.
Кто только с нею не венчался,
Я до Победы дожила.

Слезу платком укрыла тихо,
Перекрестилась не спеша.
— Дай бог, внучат минует лихо,
Теперь за них болит душа.

ЯЗЫЧОК

За зубами, между щёк
Жил болтливый Язычок.

Он колючестью своей,
Задевал других детей.

Но однажды без усилий
Зубки больно прикусили.

«Ты, вертлявый, без костей,
Получи своё, злодей».

Тут раздался громкий крик
И задумался Язык.

ОЛЕГ РИХТЕР

***

Когда настанет час ночной,
Представь, что мы с тобою рядом,
И я призыв услышу твой
За пеленою снегопада.

Я буду думать о весне,
О милой, что зовёт и манит,
О том, что скоро стает снег
И час свидания настанет.

И, так мечтая, я усну,
И будут сны, и мне приснится,
Что ночью я к тебе прильнул,
Целуя влажные ресницы.

И, нарушая ночи тишь
Глубоким вздохом сожаленья,
Ты в это время ощутишь
Моё к тебе прикосновенье…

***

Осень в багряном закате,
Ночи ещё не морозные…
Заря в голубое платье
Одела просторы звёздные…

Люблю этот цвет волшебный,
Вещающий бездны новость…
Вселенский поток целебный
Смягчает сердец суровость.

Того, кто путями мглистыми
Бездумно летит к пороку —
Пространство бездонно-чистое
Стремится вернуть к истоку…

***

Ты — словно воск в моих руках,
Мягка, податлива, покорна…
Да, я не облако в штанах!
Но нет во мне страстишек чёрных.

Во мне неотделим мой пыл
От тайных струн душевной силы,
Иначе — я бы поостыл,
И ты — не очень бы любила.

Я полюбил тебя давно,
Но повидал немало женщин…
И что в итоге? Всё равно —
Душевной силы не уменьшил.

Ты не сравнима ни с одной —
Их много чувственных и лживых,
В тебе заложен мир иной:
Всевозвышающее диво.

И так приятно сознавать,
Что есть любовь на самом деле.
Она — большая благодать,
Она — не для одной постели.

***

Пусть солнце пламенного юга
Не посылает нам укор.
Для тех, кто отыскал друг друга,
Горит совсем иной костер.

В его лучах горячих, юных —
Взлетают в небо две звезды.
Они летят дорогой лунной,
Вторгаясь в млечные сады.

Летят в блистающие дали,
Где никогда не гаснет свет,
Летят в тот мир, где для печали
Ни уголка, ни места нет.

***

В утро обычное, хмурое, серое,
В утро, седое от инея, —
В сердце вливалось незыблемой верою
Что-то прекрасное, синее…

Бредили дали, земля отдаленная —
За океаном безбрежного…
Сердце заранее было влюблённое
В славное, доброе, нежное…

Дух мой метался возвышенно-страстно
Следом за дерзкой мечтою…
Вера моя не осталась напрасной —
Был я обласкан судьбою.

Ночи и дни потеряли значение,
Время не знало усилия,

Сердце поплыло по воле течения —
Только бы впитывать синее...

Счастье огромное, счастье тревожное —
Чувствовать тихое таянье...
И невозможное стало возможным
В чистом и нежном дыхании...

***

Давай подальше от людей
Сбежим с тобою в глушь лесную.
В прохладе девственных теней
Тебя до смерти зацелую.

Блаженством будут нас поить
Лесные дивные напевы.
Мы будем там с тобою жить,
Как некогда Адам и Ева.

Там всюду, где б ни прилегли
В угаре чувственной минутки,
Из-под обласканной земли
Проглянут в небо незабудки.

А там, где б нам ни довелось
Любви томление изведать —
Копытом взроет землю лось,
Берлогу выроют медведи.

Войдя в тот необычный дом
Под необъятным небосводом,
Мы незаметно обретем
Частицу разума природы.

Когда же чащи загрустят
В тревожном ожиданье тлена —
Твой залежавшийся наряд
На плечи нехотя надену.

***

Нежна, покорна, не строптива,
С улыбкой мягкой на губах —
Она брела со мной на лыву
В больших болотных сапогах.

Мошка долбала не на шутку,
Комар стремился уморить.
И, право, эту шалопутку
Мог даже кремень полюбить.

Воткнувши в волосы цветочки,
На грудь мне голову склоня,
Она уютненько на кочке
Могла уснуть в разгаре дня.

Нежна, покорна, не строптива,
С улыбкой мягкой на губах…
Она хотела жить красиво
В больших болотных сапогах.

Она любила в неге страстной
Простор, безлюдие и тишь…
Такой отчаянно-прекрасной
Красиво жить не запретишь.

НА ТРОМАГАНЕ

Зима сибирская богата:
И на мороз, и снег щедра.
Возьму помощницу-лопату
И поработаю с утра.

Сломаю пышные наметы,
Пророю к берегу проход.
Пустая, может быть, работа,
И ночью снова заметёт.

Но всё равно — благое дело
В морозец снег поворошить.
Потом, как дань душе и телу,
Пожарче баньку истопить.

Взлетит топор — и стукнет звонко,
И эхо звук тот повторит...
Как хорошо, когда избёнка
Вблизи от берега стоит!

Дровишки есть. Водица рядом.
И банька, словно рай земной...
Ни суеты, ни яда смрада...
Озон... безлюдье... и покой...

ОТШЕЛЬНИК

Среди пней, среди кочек,
Средь гнилья и болот —
Жить никто не захочет,
А вот кто-то — живёт...

Не изба, а избёнка...
Не избёнка — сарай...

Разве только котёнку
Там мерещится рай.

Чья рука его гладит?
Чью он скрасил судьбу?
А не так, чего ради
Он попал бы в избу?

Кто-то век коротает
Отрешенно в глуши…
Может быть, обретает
Ясность темной души?

Может быть, это леность,
Обращенная в плен…
Или памяти ценность…
Иль боязнь перемен…

Всё равно — среди кочек,
Средь гнилья и болот —
Жить не всякий захочет,
А вот кто-то живет… —

Не изба, а избёнка…
Развалюха-сарай…
Разве только котёнку
Там мерещится рай.

ВЯЧЕСЛАВ САЗАНОВИЧ

МОЛЧИ...

Не говори... Молчишь? Молчи,
Раз говорить совсем не хочешь.
Молчи, как робкий свет свечи
Молчать умеет среди ночи.

Как отблеск солнца на росе
Рождённый ласками заката,
Молчи и ты. Молчи совсем.
Не надо фраз. И слов не надо.

Молчи, как может звездопад
Молчать звездой перед паденьем,
И как зимой уснувший сад
Молчит в глубоких сновиденьях.

Ни грамма звука, ни чуть-чуть.
Молчи, без холода и жара.
И я бесслышно помолчу
С тобою рядышком на пару.

Молчать я буду, как река
Молчит в туманной дымке-се́ти,
И как цветок в кругу венка
Молчать способен перед смертью.

А БЫЛО ВРЕМЯ ЗОЛОТОЕ...

Стоит преградой в переходе
В грядущее стальная дверь.
Я в исчезающей породе
Давно уже последний зверь.

Последний я, последний самый.
Никто не вздумает скорбеть,
Когда прилягу я усталый
На землю, чтобы умереть.

Не заскулит никто молебно,
Не ткнётся лапой тихо в бок.
Я из породы зверь последний,
Лишь доживающий свой срок.

Исчезнуть в день желаю ясный,
Своей судьбы наевшись впрок.
И от себя я в «Книге Красной»
Смогу очистить пару строк.

Со всей породой я в былое
Уйду, однажды, из сейчас.
А было, было золотое
Когда-то время и у нас...

***

Ты была неприступней горы Эверест,
Ты манила высокой блестящей вершиной.
Сколько раз я срывался, но все-таки лез,
Пробирался по тропам неровным и длинным.

И однажды момент благосклонный настал,
Я тебя покорил до сладчайшего пика!

Но желанный твой взгляд лишь морозом блистал,
Индевел в тишине белокрылой снежинкой.

Я тебя покорил в час туманного дня,
И теперь я с тобой, долгожданной и милой.
Но по-прежнему ты не моя, не моя,
Холоднее горы с одинокой вершиной.

***

Гибли творенья мечты рукопи́сной,
Плавились жарким дыханьем костра.
Жглись, исчезая, тяжелые мысли,
Те, что прекрасны казались вчера.

Брызгали искрами долгие строки,
Ёжась в дыму до секундных доле́й.
Часто я шел по неровным дорогам,
Радуясь солнцу ошибочных дней.

Прошлое скоро накроется пеплом,
Легким, как первый взъерошенный снег.
Стану я жить не душою, а телом —
Именно так должен жить человек.

С гибельной страстью горела бумага,
В алых морщинах пылали угли —
Всё, что любил, рассыпа́лось во мраке,
Всё, что сбылось, исчезало в дали.

ДЕВУШКА-ОСЕНЬ

С рыжим оттенком, кирпичными каплями,
Дождик сквозь ветки бежал не спеша.
Мимо берез, с разноцветными шапками,
Девушка-Осень уверенно шла.

Осень шагала и листьями ломкими
Бронзовый воздух от шага звенел,
Пятна от луж, словно пестрые родинки,
Кто-то пред нею просыпать посмел.

Тучи, не серые, а серебристые,
Травы, умятые свежей росой —
Девушка-Осень, походкою чистою,
Весело шла по простору босой.

Люди скрывались под мрачными куртками,
Осень в купальнике ярком была.
Встретила липу и пальцами чуткими
Липу раздела она догола.

Осень шагает, и ждет, не печалится,
В воздухе поступь сестрицы своей.
Скоро Зима, тоже дева-красавица,
К ней прилетит на крылах снегирей.

СТАРЕНЬКИЙ ДОМ

В дебрях лесных, перевитых плющом,
Словно в огромном надёжном футляре,
Возле ручья беззаботливо дом
Спал — покосившийся, маленький, старый.

Кем он построен — забыто совсем.
Домику в дебрях так дремлется сладко!
Воздух вдыхая межрёбием стен,
Пыль он засасывал слоем осадков.

Слоем осадков воздушная пыль
В дом серебром невесомым влетала,
И, как проверенный жизнью костыль,
Дальше держаться ему помогала.

Стёкла исчезли из о́кон и дверь
Тоже ушла из входного проёма.
Что ж горевать о потерях теперь,
Главное стены есть с крышей у дома.

Крона лесная небесный зенит
В листьях упрятала весь, без остатка.
Дом под листвою так сладостно спит!..
Словно младенец под пледом в кроватке.

ВРЕМЯ И ВОЗРАСТ

Возраст к времени обратился:
«Не губи меня, пожалей!
Если в чём-то я провинился
Пред тобою — прости скорей!
Зачехли боевые стяги,
Приструни часовую ось.
Ежедневно вести атаки
С целью выстарить хватит, брось!
До седин я устал сражаться,
В теле не́мощность да озноб.
Может, хватит уже бодаться
Мой морщи́ня при этом лоб?»

Ухмыльнувшись, сказало время:
«Успокоилось я бы, но
Мне спокойствия во вселенной
Ни мгновения не дано.
Если б знал бы, как бег свой часто
Развернуть мне хотелось вспять...
Да, пыталось я... Нет, напрасно...
Больше не́чего мне сказать».

Дифирамбы ушли, и возраст
Время вынужденно опять

Планомерно и скурпулезно
Тут же бросилось устарять:
То суставы кольнёт иголкой,
То давленьем по сердцу — хлоп!
Что там дальше? А дальше только
Смерть, прощание, слезы, гроб…

Но не только сурово время,
Время может ещё лечить,
И угробленное непременно
Вновь обязано оживить.

И рожденья зажгутся свечи,
Новым вехам открыв врата —
Значит, возраст, он тоже вечен,
Хоть и ста́рится иногда.

ПОСВЯЩЕНИЕ ОЧКАМ

За умный вид и острый взгляд
Спасибо вам, очки, с поклоном.
Глаза сквозь вас на мир глядят
Бесперерывно восхищённо.

Вблизи стал видеть, как вдали,
И в этом «плюс» есть, а не «минус».
Вы чёткость оптикой зажгли,
Как зажигает спичка примус.

На переносице сидя,
К ушам протягивая дужки,
Вы украшаете меня
Похлеще, чем весну веснушки!

Очки, со школы вас мечтал
Я ощущать перед глазами.

Летели годы… Час настал
Мне долгожданной встречи с вами.

…Стих этот сделал неспроста,
Хочу итогом поделиться:
Коль есть в душе твоей мечта,
Она должна осуществиться!

***

Луна, сияя, глаза морочит.
Я засыпаю. Спокойной ночи!
Ушли в былое дневные дрязги.
Ночь впереди есть. А в ней есть сказки.

И в этих сказках, подобных чуду,
Я непременно с тобою буду.
И будет сладко нам очень-очень!..
Я засыпаю. Спокойной ночи!

* * *

Бездна веков пронеслась по земле,
Сотни династий сменились на тронах.
Люди живут в непрерывной борьбе
За обрамленную славой корону.

Дарвином выведен вечный закон —
Память хранит только тех, кто сильнее,
А проигравшего ждет марафон
В тень безразличного к мыслям забвенья.

В дальней грядущности крайнего дня
Встречусь со смертью, судьбою испитый.
Знать бы хотелось, запомнят меня,
Или исчезну я всеми забытый.

НАИРА СИМОНЯН

***

А давай на пиру нашей жизни станцуем,
Опьянеем от чар её и обаянья,
Посмотри, как пушинки в танце ликуют! —
Вот и мы — улетим и вернёмся случайно.

Нас затянет вращение круговорота,
Мы не здесь и не там, мы всё время повсюду.
Все роскошно одеты — от былинки до Бога,
Как беспомощны мы с обнажённою сутью.

Мир покину, и вслед мне прощальным напевом
Гром оваций, безудержный гул барабанов.
Эй, свидетели жизни моей, — ну, где вы,
Те, кто знал о любви и предательств обманов?

***

Надвигается осень, ну, птичка, лети!
С перебитым крылом поднимешься в небо?
Твоя стая в лазури чертит стихи —
То обет возвращения? Или книга заветов?
Чтобы сушь оценить нужно в воду упасть,
В стуже лютой значенье тепла познаётся.
Беспощадная, скрытая боль — не напасть,
Расшифровка в бессмертных стихах подаётся.

ПАМЯТИ ВАЧАГАНА МАНУКЯНА

Эти землю и небо ты обними,
Чтобы Родина наша стала единой —
Эту мечту и там сохрани,
Вопреки голосам тьмы глубинной.
Будет срок, возвернутся опять
Храбрецы, что сегодня у Бога.
Они Родину сердцем сумели объять
И весну задержать у порога.

ЕРАБЛУР

Здесь люди вновь распяли Бога —
Пред спящею, не видящей толпой
В крови из прошлого тревогой
Пылает память над землёй слепой.
Архангел с горькими слезами
Не птиц… отправил стаи в небеса…
Зрят души омертвевшими сердцами
Как Бог на крест восходит Сам.

«Ераблур» (арм.: в переводе с арм. — «три холма», военный пантеон «Ераблур») — военное кладбище, расположенное на вершине холма на западной окраине Еревана (Армения)

***

Постепенно слова покидают меня
На губах — их кровавый прощальный привет.
Я увидела Бога пустой сонный взгляд.
Постепенно слова покидают меня.

Что печаль? — когда пусто вокруг, нет огня.
Вой собачий утихнет — вестей больше нет.
Постепенно слова покидают меня.
Я увидела Бога пустой сонный взгляд.

Перевод с армянского Татьяны Юргенсон

***

Как будто птицы стали безголосыми,
округа полусонная молчит.
Иное здесь таится за кулисами,
инаковая музыка звучит.

Необратимым сти́снута течением
душа моя, как полая вода.
Каким неодолимым попечением
ей суждено растаять без следа?

Бедою слова беззащитно сущему
в бессмертии уверенности нет…
Я не узнаю, голосу зовущему
взлетала или падала в ответ.

***

Когда среди заснеженной глуши
твоё простое имя называют,
на глубине раздвоенной души
цветы надежды новой оживают.

Когда тоска-тревога настаёт
по древним дням твоим и переменам —
подобно кочкам клюквенных болот,
она цветёт опасливым кармином.

И, об армянах долгий разговор
ведя со мною посреди Сибири,
не заглушит моё кедровый хор
излюбленное соло о Наири.

Пока берёзы соком по весне
меж небом и землёй неутолимы,
ты всегда останешься во мне —
душа и плоть вовек неразделимы.

В круговороте вечном бытия
мы все плоты земные воедино.
Я — маленькая косточка твоя,
и ты — моя живая сердцевина.

СТРАНА МОЯ

Покуда кроха ты, страна моя,
Тебя носить под сердцем не устану.
Соседние нагорья и моря
Еще скорбят по древнему Тиграну.

Покуда не слышится: «Гряди!»,
Ты мне отрада, я тебе — ограда.
Вскормлю былою славой из груди
белеющей вершины Арарата.

Покуда гром над миром, я брожу
Безмолвная, а после, как впервые,
В яслях тебя я заново рожу,
Чтобы волхвы склонились мировые.

***

Моё полувесеннее видение —
меня в ночи беззвёздной не зови,
когда планету сотрясёт падение
убитой равнодушием любви.
Спокойно, наважденье недолетнее,
безмолвной наслаждайся тишиной —
ты выпил губ движение последнее,
последний свет зашторил надо мной.
И ты, Всевышний, отдохни за ставнями,
любовным опаляющий огнём...
Но всё, что надо, на столе расставлено —
преломим хлеб и водкою запьём.
Сойди ко мне с небес, пока я пьяная —
грудь нараспашку, совесть наголо.
Венцом над головою покаянною
зажги в морозном воздухе гало́.

***

В раскалённом мерцании мыслей, сходящих на нет,
от тоски по тебе в мельтешении дней пропадаю
и опять, погружаясь в калейдоскопический бред,
я судьбу, как Елена Троянская, переменяю.

Обнажённое тело бесстыдно среди темноты
жаждет губ остужающих, не помышляя о мере,
а душа в глубине поминает былые мечты,
потаённое эхо поёт эпитафию вере.

Наши реки у самого берега — скоро впадут.
Наше время подтачивать скалы единым теченьем...
Жаль, идущие следом, наверное, не подадут
ни единого повода, чтобы вздохнуть с облегченьем.

Перевод с армянского Андрея Расторгуева

***

Когда в свой час моя душа пустыней станет
И превратится влага слёз моих в гранит,
Когда в глазах моих цветущий блеск увянет,
Не озарят улыбки радости ланит,
Когда в свой час моя душа не отзовётся
И онемеет мой язык, лишённый слов,
Когда последний чуткий нерв не ужаснётся
И станет скучен мир и холодно суров,
Тогда умру я, тихо, без предупрежденья,
А слуги Бога мою душу заберут.
Придёт шумливая весна и в облаченья
Оденет дерева, в ярчайший изумруд.
Щедра! Мне тоже принесёт она наряды.
Но слишком поздно. Не примерю платье я.
И над моею обнажённостью наяды
Она беззлобно рассмеётся, как дитя…

***

Вот парадокс: я, как эфир — прозрачна,
Но в то же время сущностью своей
Загадочна, сложна и многозначна.
Достигну ли заветных я дверей
Сокровищницы собственной Вселенной?
Кто я сама? И кто он, что во мне?
Послушный раб? Правитель дерзновенный?
А может, он подобен сатане?
В дремоте угасают мыслей дали,
Года легли морщинами на лбу,
Душа моя исполнена печали,
Дней круговерть мотается в судьбу.

Мелькают дни — цветные нити шёлка,
Я их пряду — растёт веретено
Самопознанья. Пусть безумно долго,
Но только так мне к Богу суждено.

Перевод с армянского Павла Черкашина

МАРГАРИТА СЛАДКОВА

ПО УМОЛЧАНИЮ

По умолчанию игра:
поля вмещений и вращений взлетают, падают,
едва учитывая завтра...

Закручивает смерчем мысль
для добирания и сброса камней и пепла.
Не упустить бы новый шанс и время...

Просроченное слово жжёт,
прикрыв лицо несуществующего неба —
опять сменились правила игры.

В «ДЕНЬ РАССМАТРИВАНИЯ ЛИЦ»

Шаблонно, эпатажно, рисовано, загадочно
мелькают в звуках, окутывающих планету.
Их не счесть. Но их и недостаточно.
Живых недостаточно. Их попросту нет.
Настойчиво грузится время прошедшее
прочно вбитыми печатью картинками
(не кажется — точно — с ума сошедшее!)
в пространство моё параллельными ссылками.
Зрачком раздражённым опять реагирую:
вспоминаю, стираю, ищу, сублимирую.

ВИДНО, ПОЗДНО

Круглолобых слепых кутят
накрыла звездчатая сеть —
не видно куда бежать-идти-ползти-плыть-лететь:

вжат в себя разносортный плод от низов до вершин
от упущенных действий и слов. От порока причин.

Ползут кишащей рекой, смакуют
узаконенный страх
побеждённые собой в монохромных
куар-номерах...

Видно, поздно строить ковчег.
Теперь — только к себе мост.
Опечатаны грядущие дни. Закупорен на зиму мозг.

Промокнув изнанкой лицо,
уронив невежества взгляд,
от стыда прозревая — кричу —
извлекается только мат.

ПО ФАКТУ

В безумных данных, душных дуновениях
бредём в протруженных сложных укреплениях,
воюем невидимо, случайно якобы,
жуем прописанное и чтим отъявленное.
Засмотрен до́нельзя (повтор заявленный)
несносно-нервно-целенаправленный
день опущения при прочных радостях
и удаления. По факту слабости.

ПОЧТИ УНЫНИЕ

Сквозь пух просвечивают
обесцвеченные застольные игры.
Почти ожили, почти поверили.
Но календарь заврался…
И жалобный скулёж ожидания
лета, краткого, как «й».

СЕВЕРНЫЕ ИЮНИ

Оказалось, они — звёзды.

Чувственным сезонным скоплением разлились взблёскивающими льдистыми подвижками в своей стихии и гортанно-призывно ввинчиваясь в избранное пространство, в свои столпы, своим постоянством меняют их и всех, кто им следует или не следует, наблюдает…

Оказалось, они — путь.

Но движения не действительности сопровождают, а зарождающегося: обозначают, оповещают. Питающий звук остаётся в каждой сущности несмываемым образом самого себя, себя запланированного, но по-своему исполненного, а не случайного, — куда-то попавшего и вынужденного участвовать в какой-то истории, действующих лиц и названия которой даже не знаешь.

Оказалось, они — время.

Некалендарное. Призрачное. Магнетическое. Почти поглощённое памятью большей части времени — седовласой: то морозной, то мятно-бессонной.

Оказалось, они — знаки.

Тягучие, плавные знаки вопроса, скользя по изменчивой глади, в отражённой выси выгнув шеи, переигрывая первобытный гул ликующим шумом и хлопаньем, переливаясь друг в друга — белым по белому пишут ответы.

ТРИ В ОДНОМ

I

Видоизменяют в нечто
с расплавленной формой,
с фрагментами информации,
с заведомо подложным набором
пазлов без исходной картины,
превращающим в абсурд разгаданные части.

II

А проступающие со скоростью
                всяческих прогрессий
дыры в бортах заполняются
                умноженным вымыслом,
стреноженной правдой.
Имя его, лишившись части знаков, озвучивает мир
зловеще до рези в смыслах,
и одиночество подвывает из каждой щели
однообразно, трезво, оценочно.
Местами лоснящиеся призывы-пустышки
слепят пристыженный глаз.

III

Три времени сошлись и слиплись блином
из скоплений плоти, курящейся в набухающие кучи
безбожного вранья, закулисных игр живыми,
податливыми, недоумёнными, увешанными
спиральными лентами в подтёртых и пробитых
ультразвуком символах,
выдавливающих на свет божий
страх за жизнь в целом,
за жизнь каждого близкого,

за жизнь свою,
кем-то упрощённую
до статистической единицы,
которой можно пренебречь…

МЕТАКАРТЫ

Ищу границы-линии своего допустимого…
Нахожу пунктирные —
                с большими пробелами намётки.
И не факт, что они именно там и тогда. Для каждого
континента, контакта, конфликта свои допущения.
Наблюдение их текучести,
                исчезновения и появления
новых завораживает иллюзий проникновения
каждого в каждое и вот ты на грани.
Как в гипносне кнопка «блокировать» ускользает,
А тобой жмёт себя «разрешить».

Самопроникновение незаметно и вне времени:
то ты вдруг разбросан на атомы, то туго вплетён
в абсолютно не своё событие, то вдруг удивлённо
рассматриваешь жетон в собственной руке,
сидя на скамейке штрафников, а на твоём поле
продолжается твоя игра в твоё отсутствие!
В каждый следующий момент всё начинается снова
с неизвестно откуда появившейся точки,
                как с условия
одномоментности отжившей и предполагаемой.
Ты фокус. И фокусник.

В ОСТАТКЕ

Назавтра прописью зима...
И сумасшедшая душевность ожесточением
                присохшей истины на дне
в остатке.
И вдоль незамерзающего русла отяжелевших
                волн застывший вдох.
И выдох.

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ЭПИЗОД

Наотмашь дождём колющим вперемешку
с порывами причинённого «добра».
Добавочные разочарования участвуют главными
действующими лицами.
Снова и снова лица́ икона конструирует
стойкую бесстрастность, наглухо зашторивая
шаткое подобие равновесия. Но, без надобности.
Ибо — отчуждённость.
Неудержимый бубен подправляет
подпорченную историю, пробивая себе ход наружу.
Ледяным треснутым магическим шаром
мечется в непрописанных границах
взбудораженная и онемевающая душа.
Прячась в собственный профиль,
стынет деланная гримаса недоуменного бессилия.
Человеческий глаз успевает
            захлопнуть припухшее веко,
не отпуская в этот мир отливающую
            жемчужным светом
живую каплю.

ТЕПЕРЬ

I

Ощущения очищенной луковицей источают горечь,
одновременно стирая и совершенствуя
проходящие стадии того целого,
                жёсткого, слепящего,
поспевшего ко времени события.
Теперь отражённого во всё и всех.

II

Учащённым стуком заглушает
                и уже не реагирует сердце
на тягучие, случайные, увяленные как урюк,
до самой кости, мысли.

III

Настежь.
Выбиты стёкла.
Шалая жара выжигает воздух внутреннего покоя.
Из снов подсохших заварен день.
Не отдаёт ни цветом, ни запахом —
                полынным настоем.
Говорят, горечь лечит.

СЕРГЕЙ СМЕТАНИН

***

Зима. В Сургуте в это время
День мимолетен, как мечта.
Я на работу еду в темень,
Обратно — та же темнота.

И там, где трасса распрямилась,
Великолепна и строга,
На придорожные снега
Ночное небо опустилось.

Созвездья фар летят весь вечер,
Обозначая поворот:
Двойные белые — навстречу.
Двойные красные — вперед.

ВЕСНА

Над Россией струится черемухи дух,
Всё плотней белокурые кисти.
Не стесняйтесь весёлых друзей и подруг,
Оглянитесь и ветви приблизьте.
В невесомом дожде лепестковой воды
Лишь заботу нечаянно смоешь —
И надежды в глазах остаются следы,
И любви, если ты того стоишь.

Белым цветом весна к нам легонько стучит —
Не беда, что черемуха малость горчит.

Пусть у запаха слишком короткая власть,
Уверяю — с ним льётся свобода.
Я весной презираю любую напасть,
Налетевшую с прошлого года.
Я весной вдохновенен и прост, как дитя,
В ожиданье заветного лета,
В сотый раз её нежную повесть прочтя
По дурманящим веткам букета.

Будто новую жизнь я читаю с листа,
Сам не знаю, откуда её чистота.

Так, пока в нас огонь новизны не потух,
Окунайтесь в листву и соцветья!
Над Россией струится единственный дух,
Признаваемый в это столетье.
От него во дворах — тишина и покой,
Между нами — согласье и споры.
От него я сегодня беспечный такой —
Не помогут ничьи уговоры.

Скоро явится зной, беспощаден и сух,
Но покуда — струится черемухи дух.

***

Войну стихами не остановить —
Я это слишком четко представляю.
Но, рифмою грозя и проклиная,
Того, кто равнодушен, — разбудить,
Того, кто ей доволен, — осудить
И замысла сорвать паучью нить
Способна ты, поэзия родная!

***

Поздний час. И раздольнее дышится.
Ветер тёплый ладони простёр.
Где-то рядом гармоника слышится.
Где-то чудится твой разговор.

Пахнут звёзды, как мятные пряники,
На цветастом подносе мечты.
Закатилась луна в конопляники,
Разбудила ночные цветы.

И гуляется мне одинокому
До поры, когда ранний восход
По обрыву над Обью высокому
Красным яблоком солнце ведет.

ОСЕНЬ

Пятиэтажный дом с балконами,
Скамейка, дерево, подъезд…
Дожди прозрачными колоннами
Поплыли с праздничных небес.

Играет ветер чью-то музыку
Столбам, веревке бельевой,
И павший лист летит и кружится
Насквозь пронизан синевой.

На край двора слетели голуби,
Заполонили весь газон.
И в облака возносит голову,
Как телевышка, старый клен.

***

— Речка, речка, отчего ты не прозрачна? —
Удивленно реку спрашивал ручей.
И ответила волна, тихонько плача:
— Я давно таких не слышала речей!

Отчего твой взгляд на мир не замутился?
Оттого, что ты берёг его, берёг.
Оттого, что помнишь место, где родился —
А река забыла, где ее исток.

СЛОВА

Не верю ни сну, ни смерти,
Ни заводи, где листва.
Я больше всего на свете
Люблю, как звучат слова.

Не важно, какого толка,
Богат или прост язык —
От птичьего перещёлка
Я их отличать привык.

И, что в переводе будет —
Значенья порою нет.
Слова — это значит люди,
А люди — тепло и свет.

Хочу, чтобы все, как дети
Имели на них права.
Я больше всего на свете
Люблю, как звучат слова.

***

А я люблю людей обыкновенных:
Бесхитростных, открытых и простых,
Без грубоватых доблестей военных,
Без пятен на душе «пороховых».

Не оттого ли сам я счастлив ныне,
Что дьявол не добрался до меня:
Жена моя — обычная богиня,
И ангельская у меня родня…

Люблю людей с хорошим настроеньем,
Не только ради принятых ста грамм.
Долой тоску по крепким ощущеньям
И тягу к оскорбительным словам!

Я предпочтенье отдаю героям,
Чья доброта привычна, как рассвет, —
Мы с ними непременно мир построим,
Пусть через двести високосных лет.

Мечтательных, открытых, откровенных,
Достойных жизни полной и большой,
Люблю, люблю людей обыкновенных,
За счастье их болею всей душой.

СВИДАНИЕ

Осень, как судьба неотразимая,
Русь мою завесила дождем.
Подари мне день с тобой, любимая,
Для меня он станет лучшим днём.

Раскричались — мы на них любуемся —
Ласточки в чумазых облаках.

Мы с тобою всё не нацелуемся,
Всё не нагуляемся никак.

Ветер завывает, как обиженный,
Вырывая зонтики из рук.
А потом он кается, пристыженный,
За невольно вызванный испуг.

Грузные, кружком, намокли здания,
Обсуждать погоду им не лень.
А у нас последнее свидание
Перед тем, как будет новый день.

Ничего, что дождь не прекращается,
Ничего, что слезы — по щекам.
Осень стать любовью обещается,
Тихо поднимаясь к облакам.

НИКОН СОЧИХИН

ПРЕДНОВОГОДНИЙ СНЕЖОК

Какая нарядная улица.
Волшебный какой вечерок.
И кружится. Кружится. Кружится
Предновогодний снежок.

Будто бы сказка чудесная
Здесь совершается, вдруг,
Будто бы сила небесная
Нас осеняет, мой друг.

Хочется делать прекрасное.
Хочется стать красивей.
Хочется видеть всечасно
Добрые лица людей.

СОНЕТ

Нет, я не жил — я дни влачил уныло.
Во мне душа, казалось, умерла.
Пришла любовь и дали озарила,
И я пошёл, куда любовь звала.

Я шёл и пел. И, вдруг сгустилась мгла.
Прекрасная со мною пошутила —
Она меня на миг лишь осветила,
И, рассмеявшись, тотчас же ушла.

Стою и тщетно память напрягаю:
Зачем я здесь? Куда идти? Не знаю.
И стыну весь, а сам горю в огне.

Душа, как луч, хранит любви сиянье.
Спасибо, жизнь, — средь вечного страданья,
Ты, светлый миг всё ж уделила мне.

НАЕЗДНИЦА

Какая ладная лошадка
По людным улицам бежит.
Её наездницы посадка
Любого враз заворожит.

Среди всесветных ссор и сшибок,
Среди разлада и разлук
Не много счастливых улыбок
Встречать приходится, мой друг.

Но, первый майский день воскресный.
Но, свежесть утренней листвы.
Но, вид наездницы прелестной —
И, вот, не так уж мрачны вы.

Пусть всё под этим небом шатко.
Пусть всё почти что на краю.
Беги. Беги. Беги, лошадка,
Неси наездницу свою.

ПЕСНЯ О ГЛУХАРЕ

Картечь прошла его насквозь
И огонёк потух.
Пришли. Повесили на гвоздь
Такую красоту.

А тот, с ружьём, он знал своё,
Он был герой. Он цвёл.
Он был доволен, что её
На мясо перевёл.

Уж каждый в мыслях ел его.
Уж чугунок вскипал.
Глухарь висел и ничего
Уже не понимал.

Не знал он, в чём его вина?
Что с сердцем? Что с крылом?
И в клюве клюквинка одна
Горела янтарём.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Пусть снова вьюга злится,
И леденеет даль,
Но клюнула синица
О голубой хрусталь.

И смотрит день с улыбкой,
Как тётушка-сосна
Качает солнца зыбку,
А в зыбке той — весна.

Ещё не скоро лето,
Не слышно — не зови.
Ещё за морем где-то
Зимуют соловьи.

И всё ж светлеют лица,
И зеленеет даль,
И клюнула синица
О голубой хрусталь.

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Ещё зима в правах и силе.
Ещё она грозит пургой.
Но, мы-то видим: над тайгой
Всё больше краски голубой,
Потом оранжевой и синей.

Открыты форточки балков,
Теплынь… Весна не за горами.
И мастер, погутарив с нами,
Рисует график отпусков.

НОЧНАЯ ВАХТА

К утру сгоняли «вира-майна»,
Две с половиной, как-никак,
Кто буровик — тот понимает,
Что это, в общем, не пустяк.

И, вот, покуда наш «бурила»
Слегка нащупывал забой,
Вся вахта дружно закурила,
Воссев на лесенке крутой.

Молчали мы, и разговоры
Совсем не нужны были там,
И тонкий дым от «беломорин»
Давал успокоенье нам.

Была проделана работа,
И вахта подошла к концу,
И у соседа отчего-то
Плыла улыбка по лицу.

Вставал рассвет легко и мудро,
В «приёме» булькала вода.
И тихо на ладонях утра
Теплилась хрупкая звезда.

КАТАНИЕ НА ЛОДКЕ

Катался я на лодке,
В руках держал весло.
И лодку мою ходко
Течением несло.

Мне с берега кричали,
Я, словно не слыхал.
Нигде я не причалил.
Нигде я не пристал.

Прошли, эх, пролетели
Весёлые года.
Надвинулись метели.
Нависли холода.

Казалось, счастье было,
Но лодку и весло
Волной случайной смыло
И стрежнем унесло.

ГРОЗА

Земля по влаге изнывала,
И туча влагу принесла.
Лишь малость небо грохотало,
Лишь малость туча пролила.

Но, как земля преобразилась,
Как изменилось всё вокруг!

Как будто чудо совершилось
По воле чьих-то добрых рук.

И в небе радуга повисла
На удивленье всех людей,
Как расписное коромысло
Из детства — матери моей.

ЗАПОЗДАЛЫЙ ПОКЛОН

В той деревне, где рос я в детдоме,
Ничего не осталося, кроме…
Кроме пары десятка дворов,
В них старух, да ещё стариков.

Сельсовет из деревни убрали.
Корпуса на дрова разобрали.
Вот и школа стоит без окон, —
Я привёз запоздалый поклон.

Ни мычанья вокруг и ни лая.
Усть-Чижапка, деревня родная!
Где наш смех улетал в небеса,
Не слышны ребятни голоса.

Постою среди досок и брёвен.
Знаю, в этом никто не виновен.
Стало меньше в России сирот,
Слава Богу, который уж год
Наша родина мирно живёт.

Только жалко, — красивая местность —
Зарастает травою окрестность,
И до спазмы сжимается грудь.
Поглядел. Поклонился. И — в путь.

***

Где ты, моя первая
Робкая любовь,
Что босою бегала
И пасла коров.

Что весной носила
Цыпки на ногах.
И была красивой,
И ко мне строга.

Помню я лужайку,
А за ней — цветы.
— Зайка-вображайка! —
Мне сказала ты.

Помню и косички
(Мой предмет потех)
И глаза-лисички,
И журчащий смех.

И ту лужу-речку,
Что у самых хат,
Где с утра до вечера
Гам стоял ребят.

Где теперь, ты? Где, ты?
Отзовись! Взволнуй!
Всё горит нелепый
Детский поцелуй.

ЕВГЕНИЙ СТАВРОВСКИЙ

ВЕТЕРОЧЕК МОЙ

Вольный ветер мой, небо синее
Под ногами мне расстели,
В даль небесную унеси меня,
Оторви меня от земли!

Исцели мой дух от молчания
Скинь с души моей все замки,
Отжени меня от отчаянья,
Отбери меня у тоски!

Ветерочек мой! Ветер северный!
Кто возьмёт тебя на испуг?
Буйной юностью ты проверенный,
Закадычный мой старый друг!

Унеси меня в даль далёкую,
Прочь от бренного забери!
Спрячь судьбу мою кривобокую
Под лазурные алтари!

Дай свободу мне долгожданную
От камней моих за спиной!
Напои меня волей пьяною,
Выпей воли вместе со мной!

Вольный ветер мой, на рассвете ты
Ото сна меня пробуди,
Помоги мне сжечь за собой мосты
И оставить боль позади!

Я отдам тебе чистым золотом —
О тебе стихи я сложу!
В сердце, тысячи раз расколотом,
Я их пестую-сторожу…

На вихры твои птицы белые
Мой напев простой заплетут —
Как же рвусь душой опьянело я
Погулять с тобой там и тут!

Прилети на зов, ветерочек мой,
И, как прежде, сродником будь!
Над бедой моей в поднебесье взмой,
Подари мне крылья — и в путь!

ЛУЧИК

В алой маске незнакомца,
Как лиса, хитёр и рыж,
Заблудился лучик солнца
В лабиринте серых крыш.

О бетон изрезав ступни,
Растекаясь, как желе,
Он с поличным, как преступник,
Мною пойман на стекле.

Я лучом ладошку грею —
Мне щекотно и смешно —
Я удрать не дам трофею
Моему через окно!

Лучик солнца, лучик рыжий,
Долгожданный редкий гость,
Навострил на небо лыжи,
Разогнувшись, словно гвоздь.

Он за тканью сизой тучи
Попрощается со мной…
Улетай, мой тёплый лучик!
Буду ждать тебя весной…

ВЕСНА ПОЁТ

Во мне весна поёт всё пуще,
Неугомонная подчас —
Не о былом и не о сущем,
Сокрытом от колючих глаз.

Поёт весна о том, что вскоре
Окрасит будущность мою
Цветными нотами, в мажоре! —
Как сам я, бездарь, не спою.

Я слышу, чувствую! — как будто
В душе, на самой глубине,
В цветные туфельки обута,
Весна вальсирует во мне.

Весенний голос чист и звонок —
Я в унисон ему стихи
Пишу, наивный, как ребёнок,
На небе веточкой ольхи.

Весна поёт во мне, танцуя —
Легка! — на свой манер и лад!
И пьян я, как от поцелуя
Девчонки тридцать лет назад…

Я ОДИН

Посреди
Кем-то вышитой жёлтым канвы
Ветер трогает пламя…
Я один
Там, где запах горящей листвы
Будоражит мне память.

Холодок
В старом парке листву золотит,
Оголяя берёзы,
Сквозь дымок
Плачет дождик от вечных обид
На людские прогнозы.

У ольхи
Как в потрёпанный старый блокнот
Одного ленинградца
Мне стихи
С моросящих слетают высот
И на память ложатся.

Ветерок
Ивняка теребит бахрому,
Предвещая разлуки.
Я продрог…
Тлеют листья во влажном дыму,
Согревая мне руки…

К ИСХОДУ АВГУСТ

К исходу август… Впереди —
Короткой осени прохлада,
Пустая летняя эстрада
И моросящие дожди.

Листва зардеет хохломой
И небо сплющится к зениту,
Подобно серому граниту
Скрывая город полутьмой.

Порвутся тысячи зонтов
Под северком у остановок
И станет зелень у торговок
Дешевле вложенных трудов.

В киоске у обувщика
К дождям прибавится работы,
И от субботы до субботы
Не стихнет песня молотка.

Вольётся запах сентября
В парфюм бензинового смога,
И с ним неясная тревога
Вползёт в аллеи втихаря.

Ещё немного подождать —
И под ногами первый иней
Вдоль тротуарных швов и линий
Поставит зимнюю печать...

ТЫ — МОЙ СВЕТ

Ты — мой свет,
Отражение Бога...
Смерти нет,
Если нам по пути!
И чиста,
И душой босонога,
Сквозь лета
Ты мне Солнцем горячим свети.

Назову
Твоё доброе имя,
Наяву
И на дне Бытия —
Где согрет
Я лучами твоими…
Ты — мой свет,
Половинка живая моя!

Согреши —
И сольются до срока
Две души,
Как задумал поэт…
У черты,
У чертогов порока —
Я и ты…
Ты — мой вечный немеркнущий свет!

ДОЖДИК

Роняют небесные плаксы
На ветром побитый костёр
Слезинок хрустальные кляксы
И бисер подлунных озёр.

…Лишь дождик коснулся несмело
Губами щетины травы,
Так тотчас земля потемнела,
Как лик безутешной вдовы;

В угоду капризам погоды
Окреп ветерок-лиховей
И, жаля небесные воды,
Костёр заметался резвей.

Верша неземную работу,
В жемчужину бисер подрос —
Подрос, и унылую ноту,
Стуча, по округе понёс!...

КОРАБЛИ НЕБЕСНЫЕ

Плывут корабли небесные
Вдали от морской волны —
В земном измерении тесно им,
Их гавани сожжены.

От грешных цепей оторваны,
От тяжких оков земли —
На все на четыре стороны
Плывущие корабли!

Надув паруса лоскутные,
Пошитые из кулис,
Несут их ветра попутные,
Упасть не давая вниз.

Куда-то плывут, безвестные,
Над сонмищем грёз людских
Мои корабли небесные —
Обрывки стихов моих...

ПОЛ-ЛЕТА

Половина лета — за плечами...
И среди привычной суеты
Мы любви с тобой не повстречали,
От дождей укрывшись под зонты.

Отыскать глаза, родные очень,
Не смогли среди очередей —

Так поврозь и бродим дни и ночи
Под ветрами в слякоти дождей.

Там, где я — шагов твоих не слышно,
Там, где ты — молчат мои стихи...
И набился дождь, как третий лишний,
К нашей первой встрече в женихи.

Впереди — короткие пол-лета...
Но, быть может, где-то под дождём,
Потеряв зонты случайно где-то,
Мы друг друга всё-таки найдём...

ПЁТР СУХАНОВ

ПУСТЬ ВСЁ ДОБРОЕ БУДЕТ ВЕЧНЫМ

Пусть всё доброе
Будет вечным.
Жизнь — прекрасной.
Не долгой — грусть.
Всё насущное
Человечней
Будет пусть!
Пусть кричат петухи на рассвете,
Заливаются соловьи.
И счастливыми будут дети.
А обиды и боль тихи.

РАЗНОЛЕТЬЯ

Разнолетья мои, разнолетья!..
Разнеслись, словно листья, мечты...
Развалились
на междометья
годы,
        радости,
                лица,
                кресты...
Я метался по белому свету
в полурваных надеждах
навскид,
и судьба голосила по следу:
«Не таи
        в неудачах

обид!..»
И в любой переделке,
как плетью,
било
время
меня — из любви!..
Разнолетья мои, разнолетья —
и овраги,
и горы
мои...

ВСЁ ТАЙГА ДА ТАЙГА

Всё тайга да тайга —
Ни конца ей,
Ни края!..
Как посмотришь вокруг —
Замирает душа!..
И качается небо
На башенном кране,
Словно шарик воздушный
В руках малыша!
Неоглядная даль!
Полоса голубая!..
Беспросветная глушь!..
Кладовые
Края!..
Ах, как много в России
Огромных окраин,
Но повсюду — одна
Дорогая земля!

ПОКОЯ НЕ БЫЛО И НЕТ

«Покой нам только снится...»
А. Блок

Покоя не было и нет!..
Видны границы:
Тьма,
Излучающая свет...
Жизнь,
Искажающая лица...

Есть грани:
Время,
дождь
и снег.
Миры
И меры.
Боль, вызывающая смех,
Крик, успокаивающий нервы...

Но в суете удач и бед
Всё, как и прежде:
Покоя не было и нет —
Но есть
Надежды!..

СИЛА ЛЮБВИ

Я ветер люблю и дождь...
Люблю, когда их стихии
вгоняют мне в душу дрожь,
а в мысли — судьбу России!

Срывая грозою грязь,
смывая дождями мерзость —

и ветер, и дождь, резвясь,
распахивают безмерность!

Безумствуют век и кровь...
Стихии времён — как зелье!
О, Родина!
О, Любовь!
Мы вместе вращаем Землю!

МОЛЬБА

Оборотись, мой век, назад!..
Уже смешно катиться дальше...
Уже так скучен маскарад,
где даже маски пахнут фальшью!..
Но тем, кто жив, — ещё страшней:
а вдруг опять
среди потомков
так мало выживет людей,
так много вырастет подонков?!

ОЖИДАНИЕ

Я люблю смотреть за повороты,
Где остались годы
И мечты —
Будто бы предчувствуя, что кто-то
Выйдет на огонь
Из темноты...

Я смотрю на дальнюю дорогу,
На поля
И тихие кресты,
И добрею сердцем понемногу,
И живу без лишней суеты.

Так бы вечно —
Верить безупречно,
Поджидая с радостью друзей!..
Ночь пуста.
Лишь звёзды бесконечно
Падают над Родиной моей!..

О СЛОВАХ

Слова — как листья осенью сквозной:
одни — чисты, легки и перелётны...
Другие — в лужах,
третьи — под ногой
безрадостны, безжизненны,
безродны...
Но есть такие вечные слова,
которых не осилить и Сизифу...
Они — как гром, как звёзды,
как листва,
что на деревьях держится всю зиму!..
И лишь потом
под солнцем и дождём,
переменившись в образе и цвете,
природа
приласкает, что умрём...
А вот слова останутся на свете!

ПЕСНЯ СЫНА ЮГРЫ

— Эй, Югра!.. Я твой верный сын.
Через тысячу лет и в тайгу
по родимым краям —
меж чужбин —
словно белка, за счастьем бегу!..
На пути моём
острый камыш,

перевалы, овраги и топь...
Мой отец — богатырь Иртыш,
моя мать — красавица Обь.
Вечный брат мой кровный — олень.
Каждый звук, каждый куст, каждый пень
мне близки — в них душа моя!..
Эй, Югра!..
Твоё небо — мой кров.
Я — твой сын. Твоя кровная тень
в бесконечных кругах веков!..

ГИПОТЕЗА

За путаницей дат и лет,
когда я стану, может, лучше,
пойму, что излучают свет
не столько звёзды, сколько души...

Но в шуме мыслей и суéт
мы сами гасим этот свет.

***

Места у нас — курорт!
Прекрасней
Не найдёшь...
Шестые сутки
Норд
По кругу
Гонит дождь.
Залит аэропорт.
Земля насквозь в воде.
Шестые сутки
Норд
Куражится
В беде!

Бежит
Зверьё из нор
(А мы рвались сюда!).
Шестые сутки
Норд
Срывает провода.
Гори, костер, гори!
У нас
Один исход:
Как хочешь, хоть
Умри —
Но дай нефтепровод!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Переиначься на мгновенье!
И — навсегда уже — пойми,
Что с первым снегом,
Как с рожденьем,
Приходит мир между людьми.
Что в каждом доме
Спозаранок
Живут заботой о тепле.
И всякий житель
Как подранок,
Прибитый временем к земле.
И в тишине,
Как нервы — чуткой,
Созвучной с миром
И святой,
Мы твёрдо знаем:
Жизнь — не шутка,
Не зря же мучимся порой...
Но в этот час,

Как в час мятежный,
Под самый первый тихий снег
Я полон весь печали нежной
За всё, чем счастлив человек.

ИРИНА ТОДОРОВА

***

Звезда воцарилась и чудо вещает,
С небес льётся ангелов пенье!
Волхвы пали ниц, пастухи прославляют
Святого Христа воплощенье!

Распахнуты души, отверсты зеницы
И глаз очарован виденьем,
Повсюду ликуют и воздух искрится
И небо объято свеченьем!

***

Пробежаться по морозцу
Воздержаться стороной,
От напыщенных кварталов,
Оббежав весь шар земной.

Снег искрит и серебрится
Под бегущею стопой,
Ввысь душа моя стремится
В сердце благостный покой!

И летят по небу птицы
В белой дымке снеговой,
И расписаны страницы
Чьей- то благостной рукой.

Парки, скверы, радость в лицах!
Древних стен здесь дух живит,
И крещенскою водицей
Всех Господь благословит.

НОВОЛЕТЬЕ

Снег струит по всей земле
Прядями, густой и белый,
Ускоряя свой разбег
По лыжне оледенелой.

Золотится лунный лик,
Обнажая форму пятен,
Их таинственный язык
И доныне не понятен.

Всё смешалось в снежной мгле,
Обезличены предметы,
Наступает на земле
Светлый праздник новолетья!

Все мы стали словно дети,
Веселимся, верим в чудо!
Снег струит по всей планете,
И безумствует рассудок!

***

Покой и свет и тишина…
Всепоглощающая нега
Я растворяюсь в летних снах,
Как в ипостаси оберега.

И что мне буря, что мне зной,
И будней зрелая усталость,
Когда покорною главой
Я к солнцу благостно склоняюсь!

***

Условности трехмерного пространства,
Сжигает красный диск во мне,
И бытия, и постоянства
Я вне…

Я вне…
Когда сгорают нити,
Дела и мысли и слова,
И безрассудная в зените,
Твоя пылает голова.

***

А мне бы в небушко
Взлететь да соколом,
И обручиться с той
С мечтой высокою.

Взметнулась резвая,
Да на пределе сил
За даль туманную,
Да диск тот чёрен был.

Доколь мне, Господи,
Скорбеть да маяться?
И не поётся мне,
И не летается.

СКАЗКА

Кусочек лунного стекла
Так приютило море,
Что стал банален весь пейзаж…
А вверх — по лезвию луча,
Скользила Лира, не спеша…
Всего одной минутой позже
Явился грустный Гном —
Посеребренному прибою —
Он вторил в унисон…

***

Лондонский смог. Как в клетке.
Седенький иглет дождь,
На земляном скелете,
Круговорот калош.

***

Шёл мелкий дождь,
Но между тем,
Следя за медленным разбегом,
Устало ветер покрывал,
Всё белым снегом, белым снегом…

Нежданной гостьи покрова,
Глубокой осени претили,
И медленно кружит листва
В метели сумрачной кадрили.

***

Уже снега кивнули нам,
Быть обещаясь к Покровам...

Всё мерно так преобразилось,
Вослед листам календаря,
И землю медленно пронзила
Дождей тоскующих игла.

Внезапно парк осиротел,
Деревья, лавочки и скверик,
И бесконечно лист считал
К зиме ведущие ступени...

НОВЫЙ ГОД В ЗЕРКАЛАХ

В синем шаре голубом
Отражается пространство,
Словно в зеркале кривом
Искажается убранство.

Не один на ёлке он,
Голубые карусели
Всё раскачивают дом
До десятой параллели.

Ель одна, за ней ещё,..
Там застолье и соседи,
Лихо в дружеской беседе,
Набивают естество.

Каждый гость другому брат,
Обнимается громада,
От души хозяин рад
Напоить всех до упаду.

Вот часы 12 бьют,
Поскорей! Успейте свечи
Все зажечь, уже навстречу
Двадцать первую несут!

Здесь и там звучат слова
Поздравленья с Новым годом,
И весёлым хороводом
Всех уносит до утра!

РОССИЯ

Россия, милая сторонка,
Твоя незыблема печать,
Ушла гулять за небоскрёбы
И заневестилась опять.

Там громко музыка играла
И отзывалася в горах,
И фиолетовое солнце
Держало яблочко в зубах...

ОДА

Как краток день! Как ночь мала!
Чтобы Тебя, о Боже славить!
Свечей говела до утра,
Моя озлобленная память!

Как Ты, стремился всё успеть,
Когда всего за тридцать было,
Благословляя умереть,
Чтоб возродить сей род унылый!

Твои осмыслив письмена,
Что славословили пророки,
О, Авва Отче! Эти строки
Во лбу горят, как два крыла!

РОЖДЕСТВО

Душу мерно услаждает
Благозвучный перезвон,
В сердце тихий свет мерцает,
Я свободой упоён!

И стоит на поле клирном
Многочисленная Рать,
Воскуряя пламень дивный,
Изливая благодать

И в миру, на поиск чуда,
Не дерзает голова,
Переполненным сосудом,
Изнутри полна она.

Те, кто веруют в преданье,
Все не спят, весь сон долой!
Миру Бог себя вещает,
Распластавшись над землей!

В небеса направлен вектор,
Взоры всех устремлены,
К неопознанным объектам,
Не причислены они.

Отражается в зеницах,
Шестикрылая звезда,
Янтарём пылают лица,
И блаженствует Земля!

АЛЕКСЕЙ ТОМШИН

ВЕТЕР-ДИРИЖЕР

Шумит от ветра летняя листва.
Поют деревья, качаясь в такт беспечно.
У песни той не понимаем мы слова,
Но слушать ее можем бесконечно.

А ветер, как заправский дирижер,
Большим ансамблем, как маэстро правит.
Поёт самозабвенно листьев хор
И от волнения немного шепелявит.

И ритм той песне ветер задаёт,
Чуть еле слышно звучит она, бывает.
Но дирижёр безумный темп берёт,
Деревья гнёт, а листья обрывает.

Он, ветер, словно пьяный хулиган,
Накушавшись хмельной не в меру браги,
В миг превращается в жестокий ураган,
Озоновой хлебнув изрядно влаги.

А после, как нашкодивший пацан,
Забыть стараясь время прегрешенья,
Спешит скорей укутаться в туман,
Моля у листьев искренне прощенья.

***

Прижался к нежной глади щёк
И к тонкой шее прикоснулся.
Истомы захватил поток,
Я в воды страсти окунулся.

Манящий аромат волос —
Момент был трепетно волнуем.
Я молча задавал вопрос,
Ты отвечала поцелуем.

Нам годы были не бедой,
Мы оба ждали этой встречи.
И восхищался я тобой:
Какая стать, и грудь, и плечи!

Манящий аромат волос —
Момент был трепетно волнуем.
Я молча задавал вопрос,
Ты отвечала поцелуем.

Минуты встречи пронеслись,
Часы свиданья в даль умчались.
Мгновенья к небу вознеслись,
Но в памяти моей остались.

Манящий аромат волос —
Момент был трепетно волнуем.
Я молча задавал вопрос,
Ты отвечала поцелуем.

ВЕЧЕРНЯЯ ВСТРЕЧА

Вечерний ветер радует прохладой.
На горизонте тлеет угольком заря.
И всё, что сделал, будет мне наградой.
А значит этот день был прожит мной не зря.

И кровь пульсирует в висках толчками.
В коленях дрожь, суставов слышу скрип,
Но всё, что было в этот вечер с нами
Затмил аккордом восхищения милой всхлип!

Я ощущаю рук прикосновения.
И нежность кожи, влажность алых губ.
Минуты близости и радости мгновенья.
Я нежен был с тобою, был не груб.

А встреча наша суждена судьбою.
Мне этим стоном время жизни продлено.
Часы, минуты, что провёл с тобою
Мне, видно, с выше для меня дано.

ДОГОРАЕТ ПЛАМЕНЕМ ЗАКАТ...

Догорает пламенем закат.
Закрывает на ночь шторы вечер,
И, чуть слышной музыкой звуча
За столами зажигает свечи.

Люстра, как огромный абажур,
Освещает место нашей встречи.
В плавности танцующих фигур
Силуэт знакомый я примечу.

Ты стройна, и грация твоя
Восхищает плавностью движений.

Вверх взмывает нежная рука,
В ней платок — источник возбуждений.

Днём не всё увидишь. И не в мочь
Всё объять, не обойдя вниманьем.
Только вечер, дальше только ночь
Нас тревожит томным обаяньем.

***

Как жалко, что теряются друзья.
Так неожиданно они от нас уходят
Ну, ладно те, кого взяла земля.
А, как быть с теми, кто сейчас в народе.

Идёт толпа — друзей не вижу в ней.
Все лица смотрят вскользь витринной стенки.
А те, кто были преданней, верней,
Тебя хотят поставить на коленки.

Но я не стану, я не враг, я друг.
Я просто протяну свои ладони
И покажу, что нет надёжней рук
И камня нет в душе, как пред иконой.

МАМИНА «ЗАНАЧКА»

Ну кто не помнит первый свой «шедевр»?
Чуть-чуть неровный и кривой немножко.
А мама его спрячет в шифоньер.
Листок развёрнутый с твоей ладошкой.

Он будет под бельём лежать, как клад.
«Заначка» мамы — это всем знакомо,
Конвертик рядом, волосков в нём прядь
И бирка из ближайшего роддома.

Потом из школы первый табель твой —
Пятерка так и лезет на пятерку.
Он ляжет рядом с «детскою рукой»
Его запрячут ласково в обёртку.

Придёт пора пополнится тот клад,
Подросший парень с искоркой во взгляде,
Одной, лихой матрос, другой — солдат
Пришлет на память фото при параде.

Всё, что хранили мамы столько лет
Досталось нам по праву, по наследству.
Ты открываешь с бирочкой конверт
И видишь, словно выпорхнуло детство.

МЕНЯ ДАВНО ВОЛНУЕШЬ ТОЛЬКО ТЫ...

Меня давно волнуешь только ты,
Твой голос и манеры восхищают.
С тобой связал надежды и мечты
И мысли, что ты рядом, окрыляют.

Весну и осень жизни проводил.
Багаж, что нажил, давит мне на плечи.
Тебе я благодарен, что любил,
Но вот, что я хочу сказать при встрече:

«Ты лучшая, что в жизни я встречал.
Судьбе спасибо! Но зимой в дорогу
С собою, милая, прости, тебя не взял,
По снегу трудно нам идти не в ногу».

Одно меня тревожит, что не прав,
Не должен твоему мешать я счастью.
Но пред тобою чист. Все осознав
Я говорю — спасибо за участье.

***

Читаю женские стихи и огорчаюсь,
Нам мужикам пускать слезу грешно.
А что же сам я в этой жизни представляю,
Что для меня уже предрешено.

Не надо мне ходить к цыганке ушлой,
Своим грехам я сам веду учёт.
Я в детстве был ребёнок непослушный.
В хвосте не плёлся и не лез вперёд.

Но доброту и жалость не утратил
И жизнь достойную, считаю я, прожил.
Багаж, что накопил — я не истратил.
Не проиграл-профукал, не пропил.

За что поэтов-женщин почитаю,
За то, что выбрали вы верную стезю,
Когда стезю я ваши с слух читаю,
Скупую камень обронил слезу.

РИСУЕТ НЕБО ОБЛАКОВ УЗОРЫ

Рисует небо, облаков узоры
Сквозь них блестит бесстыжая луна.
Давай задёрнем поплотнее шторы,
Чтоб лунный свет не падал из окна.

Не надо света даже лунной ночи,
Пусть будет в комнате и тихо, и темно,
А если ты озябнешь очень-очень,
Тебя согреет рук моих тепло.

Не говори, не надо объяснений.
С тобой поймём друг друга мы без слов.

Прошу доверься мне без опасений,
Друзей улыбок, шепота врагов.

Пусть эта ночь останется наградой,
Тебе и мне на долгие года.
А думать о плохом поверь не надо,
Ты о хорошем вспоминай всегда.

Рисует небо облаков узоры,
Сквозь них блестит бесстыжая луна.
Давай задернем поплотнее шторы,
Чтоб лунный свет не падал из окна.

ТИХО ПОСТУЧИТ В ОКНО...

Тихо постучит в окно
Вишня, ветками качаясь.
А любовь у нас давно
Третьей лишней оказалась.

Гаснет розовый закат,
Тлеет небо кучно, звездно.
Кто был прав, кто виноват,
Разбираться слишком поздно.

Не вернется к нам двоим
Тот далекий лунный вечер.
Ты любима, я любим —
Не забыть об этой встрече.

Гаснет розовый закат,
Тлеет небо кучно, звездно.
Кто был прав, кто виноват,
Разбираться слишком поздно.

НАТАЛЬЯ УСОВА

СКАЗКА О МАЛЕНЬКОЙ СТРУНКЕ

Музыкальных дел мастер Киннорини ехал по просёлочной дороге на своей ветхой телеге. Позади осталось много сёл и деревень, путь предстоял не близкий. Надо было успеть к заказчикам. Ведь в маленьких и больших мешках на телеге лежали долгожданные для кого-то инструменты: изящные скрипки, лаковые флейты, звучные гармони, разноголосые гитары. А в отдельном мешочке томились заботливо уложенные клавиши, деки, струны — всё, что так бывает необходимо в мудреном деле музыкальных дел мастера.

Телега то и дело взбиралась с одного холма на другой, тряслась по кочкам и ухабам. Мастер дремал, изредка понукая уставшую лошадь. Тем временем, в одном из мешков непоседливая тоненькая струнка Октишка ёрзала и шептала: «Ну, когда же мы куда-нибудь приедем? Сколько можно терпеть эту темноту и тесноту? Зачем нас собрали и трясут в этой ужасной телеге? А для чего я, вообще, нужна?» Но ей никто не отвечал. Никто не хотел разговаривать с этой глупенькой нетерпеливой стрункой. «Придёт время, и сама узнаешь!» — только и сказала самая старая скрипка. Уж кто-кто, а она повидала в жизни многое. Ей, наверное, без малого было лет двести. Лак на её благородном деревянном теле почти весь сошёл, а потёртый гриф хранил следы прикосновений многих и многих талантливых и не очень талантливых рук. Но скрипка всё же сохраняла достоинство и, конечно, знала себе цену.

«Вот так всегда! — не унималась Октишка, — «Сама узнаешь!» — передразнила она чопорную скрипку. Струнка выпрямилась, а потом опять свернулась колечком, проделала в мешке

дырочку. И… выпала из телеги прямо в дорожную пыль. «Ой!» — только и успела она пискнуть. Лежать бы ей в колее, да заметила её сметливая сорока. Повертела из стороны в сторону головой, прыгнула с ветки и схватила Октишку. Полетела к своему гнезду — находку прилаживать. Уж больно ей понравилась эта блестящая «веточка». Долго возилась сорока: и так прижмёт струнку и эдак засунет, нет, не хочет стальная струнка к прутикам укладываться: пружинит, колется, того и гляди из клюва выпадет. Оставила белобока своё занятие, взяла Октишку да бросила посреди сельского двора.

«Да, сороке я не пригодилась» — грустно подумала маленькая струнка. Сельский двор принадлежал деревенскому плотнику. Вокруг стояли доски, брёвна, большие кучи стружки виднелись повсюду. Плотник деловито строгал столешницу для нового стола, насвистывая незатейливую мелодию себе под нос. На минуту он отвлёкся на пролетевшую мимо птицу. В глубине двора что-то блеснуло. «Никак монетка!?» — плотник выпрямился и поспешил во двор.

«Нет, не монетка» — немного разочарованно вздохнул он. «Но, похоже, это — новое полотно для моего лобзика!» — плотник забыл дома очки, а в силу возраста и своей работы он с недавних пор стал плохо различать близкие предметы. «Отличное полотно!» — всё повторял он. Наконец, он прикрутил струнку к лобзику. Но, как он ни старался, толку было от Октишки никакого. Она скользила по дереву и только глухо скрипела. «Ерунда какая-то!» — расстроенный плотник забросил струнку через забор. — «Негодная, видно, кто-то подшутить надо мной хотел!»

Октишка упала в густую траву и заплакала: «Ну, почему, я никому не нужна! Неужели, я не на что не гожусь?» Её вздохи прервал звук приближающихся шагов. Это — охотник! Да, да, настоящий охотник: шапка с пером, широкий кожаный ремень, лук со стрелами. Охотник наклонился и с удивлением посмотрел на стальную струнку. Он никогда не видел ничего подобного. «Да это же, железная тетива для моего лука!» — обрадовался он.

Повертев в руках Октишку, он прицепил её к концам кленового лука. «Ох, и красота!» — охотник погладил пальцами по струне. «Теперь, все утки будут моими!» Октишка расправилась, ей понравилась эта новая её роль. Охотник положил на неё лёгкую стрелу, прицелился… Но, что это? Вместо того, чтобы спружинить, струнка зазвенела и сорвалась. «Нет, я просто слишком замечтался!» — и охотник удручённо снял с лука струну. «Глупая затея!» Привязал он струнку к дереву ветру на забаву и пошёл своей дорогой. Совсем отчаялась струнка-Октишка: «Бесполезная я, бестолковая! Зачем меня сделали такой? Пропадать мне теперь на дереве! Ржаветь и мокнуть под дождём! Так мне и надо!»

А музыкальных дел мастер уже приехал в город. Весь товар был продан, осталось только завезти струны для юного музыканта Антонио. Мальчик с нетерпением ждал, когда телега Киннорини окажется возле его дома. Вот и мастер! Киннорини покопался в мешке, а потом и вовсе вытряхнул его содержимое на крыльцо. Последней, самой тоненькой струнки не было! Глаза Антонио наполнили слёзы –«Как же так!? Что же делать?». Киннорини развёл руками. Он и сам не мог понять, как могла исчезнуть струна из завязанного мешка, потом почесал затылок и предложил мальчику поехать с ним в обратный путь, в его мастерскую. А там — то он отыщет пропажу. Антонио отпросился у родителей, взял узелок с хлебом, свою гитару и сел в телегу. Трудно сказать долго ли они ехали, только у одной из деревень в лесу юный музыкант вдруг услышал сквозь топот копыт и дребезжание телеги тонкий всхлипывающий голосок. «То ли птица, то ли зверь какой?» — любопытный мальчишка спрыгнул и двинулся в чащу. Какого же было его удивление и радость — прямо перед ним на ветке звенела и плакала его струнка. Та самая!

«Иди скорей сюда! Как же ты мне нужна!» — Антонио бережно положил струну на гриф гитары, подкрутил колки и начал играть. Октишка перестала плакать и причитать. Она запела! Запела своим неповторимым звонким голоском. Рядом с ней зазвучали ей сёстры-струны. Они тоже обрадовались её возвраще-

нию. Чудная музыка разлилась по лесу и наполнила его своим дыханием. Затихла шумная сорока. Зачарованный музыкой замер охотник. А мальчик всё играл и играл, не зная усталости. Он вышел на дорогу и направился к деревне, теперь и плотник издали мог слышать серебряный голос гитары. «Чудо! Это же чудо какое-то!» — плотник отложил работу. Он даже и подумать не мог, что слышит голос той самой маленькой струнки. Люди вышли из своих домов, с восхищением провожая взглядом юного гитариста. Поистине, велика сила искусства!

ВИТА ФЕДИНА

СВЕТ СПАСИТЕЛЬНЫЙ

Пусть мы не до́лги на Земле,
И страх довлеет над могилой,
Но, есть святая Божья сила,
Что поселяет рай в душе.

Молебны, звон колоколов.
Склоним пред Господом колена,
Доверив требы сокровенно,
Минор в душе переборов.

И примет Бог, и Бог поймёт —
По вере будут откровенья.
И пусть на краткое мгновенье
В нас Свет спасительный войдёт!

ОТПУСКАЮ

Остановись, подожди, постой!
Я у тебя времени не займу…
Как же так, вышло? В миг, — и — с другой?
Или — не в миг? Тогда, ложь — всему?

Ложь за столом, где глаза — в глаза?
Ложь за улыбкой и в щёку — чмок!
Ложь, словно крест твой, на нём — слеза,
Отпускаю её с тобой.

***

Сегодня вела диалог с бабьим летом —
Просила помедлить с прохладным приветом;
И паузу взял лейтмотив листопада:
Ответа ждёт, видно, в безветрии сада.

Вдруг, луч приоткрыл ветви нежным рябинам,
Взметнул искромётно в берёзы отливом
Из злата блестящего, страстно-манящего.
Не слушай дождей, в счастье будь сиротливым!

ВОЗДУШНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Октябрь встретил Покрова лучисто,
Листву с берёз он подарил аллеям,
Где ветерок влюбляется игристо
В явь ароматов, ветрено хмелея.

Нарядами богато парк усеял,
Украсив грудь рябиновым монисто,
Чтобы пернатым было веселее
Порхать и петь в соитиях ветвистых.

Берёзы смотрят на богатство это,
В объятьях ветра восхищаются рубинам,
Шлют в лёгкой невесомости приветной
Воздушный поцелуй земным кузинам.

ШАГИ ОКТЯБРЯ

Янтарной, пышнобархатной листвой
Октябрь укрыл аллеи и дворы;
Опавшей ароматною каймой
Сманил в шагошуршальные ковры.

Дождей тугие струны льют мотив,
Заиндевелость снов предвосхитив,
Укладывая в лодочки-листы
Минорный шаг скользящей немоты.

Скорей успеть шаги запечатлеть
В хрустящих рвеньях листьев октября!
Воспоминаньям дать в душе созреть,
Чтоб согревали в стужу декабря.

РОЖДЕСТВО

Рождество плывет над миром —
Праздник света и любви,
Рождество плывет над миром —
Гимн бессмертию души!

Помогает праздник светлый
Веру в сердце уберечь,
Помогает праздник светлый
Всё недоброе пресечь.

Колокольно-окрылённо
В храмах Рождество поёт,
С клиросов Руси церковной
Гласы небу отдаёт!

Верим — сбудутся надежды,
Воплотятся в жизнь мечты!
Все стремленья наши к миру,
Рождество, благослови!

МОЙ ГОРОД

Мой город славный, молодой
Живёт в краю богатом!
В нём неизменно жизнь течёт
Отрадно и крылато!

Есть Юг и Запад, и Восток,
Но, выбрали мы Север!
Кедровый край — надежд росток —
В нас искренне поверил!

Здесь радость творчества у всех,
Здесь — прорастать идеям!
Свершать желанья без помех!
И — зеленеть аллеям!

Мой город, ты, такой — один
На всей земле Сибирской —
Кедровый край холодных зим
И летних дней лучистых!

Сургут, мой город молодой,
Где льётся звонов злато,
Ночами белыми с собой
В мечты зовёшь крылато!

Есть Юг и Запад, и Восток,
Но выбрали мы Север!
Кедровый край — надежд росток —
В нас искренне поверил!

СМЫСЛОПРИСТАНЬ

Мы плывём по морям, где не властны стихии,
Где — ни бурь, ни штормов, ни дождей, ни ветров,
Но, мы тонем, хотя, и находимся в штиле —
Ни идеи, ни мысли достичь берегов!

Мы молчим, мы уселись спиною друг к другу,
Мы — в наушниках к миру в кричащей тиши,
Где нытьё лжепророков в раскатах эфира
Нам важнее простого письма от руки!

Как нам берег найти — остов светлой надежды?
Смыслопристань найти как в сердцах и умах,
Чтобы мы, оцифрованные невежды,
Сами стали творцами в словах и делах?

Нет ответа, он болен ознобом холодным.
Нет ответа, безволен он, непостижим.
Видно, жизнь коротаем в чужом нервоблоке,
И, пока, цели светлый край недостижим.

ДОВЕРЯЙТЕ МУЗЫКЕ, КАК ДРУГУ

Доверяйте музыке, как другу,
Вас она, как мать, поймёт, простит,
Утолит печаль, не впустит муку
В сердце, где репризой стонет крик.

Доверяйте музыке, как другу,
С ней невольно сможете войти
В душу, где протягивает руку
Судьбоносной мудрости мотив.

Доверяйте музыке, как другу,
В ней одной услышать можно вмиг

Голос милый, что не слышен уж отныне,
Как же пристально он с вами говорит…

Доверяйте музыке, как другу,
Чтоб любимым делом овладеть —
Выбор главного пути поможет сделать
И потом о нём не пожалеть.

Доверяйте, музыке, как другу.
Жизнь свою, судьбу вершите с ней —
Не предаст, не отвернётся, не осудит —
Нет её среди живых верней.

ВСЁ, ЧЕМ В СЕЙ МИГ…

Когда над словом в муке застывая,
Одежды рифм к идее примеряю,
То часто с удивленьем замечаю,
Что замысел, запаянный в строку,
Неосмотрительно влечёт в иные дали!

И тут уж надо бдить, быть начеку,
Мотив первоначальный не теряя!
Ошибочно он жаждет немоту,
Поэтому прочтеньем исправляю
То, чем в сей миг пою, живу, дышу.

КОНЦЕРТ ВО ВРУБЕЛЕВСКОМ ЗАЛЕ

Полотна рифмуются музыкой,
Палитрою в тон-инструментов,
И гласы поют о величии
Мажоро-минорных моментов!

В искусстве, как в зеркале, жизненно
Звучат и мольба, и мятежность,
Высокая музыка искренно
Сливается в краски надежды.

НЕЛЬЗЯ ВСЁ ДОГОВАРИВАТЬ В СТИХАХ

Нельзя всё договаривать в стихах.
Стихи рождаются, чтоб их читать и слушать,
И, вслушиваясь в ритм в шагах-словах,
Впускать свои переживанья в душу.

Нельзя вторгаться в область, где секрет
Раскроется от чуткого прочтенья,
Где смысл не высвечен, как как фонарём, о, нет!
Он требует работы осмысленья.

А, если всё понятно отражать
В математически просчитанных твореньях —
Так это лишь реальность умножать!
Зачем? Когда ж додумать хоть мгновенье?

Нельзя всё договаривать в стихах,
Сюжет из недомолвок — необычен,
В нём пауза кричит вне рифмы так,
Что привлекает остро, динамично!

Нельзя всё договаривать в стихах.
Вплавляя в рифму назиданье из сентенций,
Не ожидать в читательских очах
Вопроса по прочтении каденций!

Но, автору ведь важен тот вопрос,
Что в завершенье засветился б светом нервным,
Чтобы в душе чтеца свой взгляд пророс,
Где чтец — соавтор, смысл — продлён, не прерван!

Путь восприятия не счесть и не учесть!
Не объясняй, поэт-смысловаятель,
«Что?», да «по чём?» — в душе взовьётся весть,
Весть-откровенье: стал соавтором читатель!

ЛЮДМИЛА ФОМИНА-ЯБЛУНОВСКАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвращаюсь в холод.
Над рекой туман.
К сердцу край приколот
И на веки дан.

Кем-то у дороги
Выжжена трава.
Ждут чужие боги.
Вряд ли я права.

И не надо слёз, да
Голые кусты.
На деревьях гнёзда
Свиты, но пусты.

НА ПЕПЕЛИЩЕ

Где тот берег, к которому можно пристать?
Где та радость, которую можно отдать?
За надеждой я робкой походкой пойду
И под пеплом я веры осколок найду.

Я согрею и выращу то, что нашла,
Ведь зачем-то на свет я с любовью пришла.
Свет померкнет, а утром опять рассветёт.
За печалью страданью забвенье придёт.

Ты поверь и сумеешь забыть поскорей.
Всё пройдёт потихоньку — прости, не жалей.
Ты расти и жалей сыновей, дочерей.
Или, просто, мечту молча в сердце согрей.

Кто устал, заблудился, не может терпеть,
Всех дыханьем любви ты попробуй согреть.
От любви в утешении сердце замрёт
И тебе, как спасенье, прощенье придёт.

КНИГА СУДЕБ

Огарки свеч ещё не догорели.
Не всё успели выстрадать — ушли.
Собою осветить лишь путь сумели.
Идущих вместе не искали, но нашли.

Украдена, разорвана, разбита...
Достаточно терпеть, что не дано.
Уж книга судеб взята и раскрыта.
И всё судьбой начертано давно.

ВЗЫВАЮ

Могу дышать, любить и говорить.
Ну разве в жизни нашей это мало?
Могу улыбку каждому дарить,
Кто бросил взгляд уныло и устало.

Смогла воскреснуть, боль переживя,
И промолчать про всё, что приключилось.
Надежду на спасение ловя,
Я в жизни заново стоять училась.

Да, я живу, пусть сложно, но живу,
И зная жизни цену в час страданья,

С души своей я кожу всю сорву,
Здоровым сильным людям в назиданье.

Желания и чувства обнажив,
Глухой плясал, затем слепая пела…
И для того калека тоже жив,
Чтоб у людей душа не зачерствела.

Я по счета́м своим сама плачу,
Пример подав ленивым и усталым.
Не слишком много для себя хочу,
Привыкла я довольствоваться малым.

Хочу надеждой души всем раскрыть
И к чувствам лучшим трепетно взываю.
Придёт и к вам желание любить,
Стремленье жить на помощь призываю.

РУСЬ

И не только храмами
Золотая Русь…
Нравами упрямыми
Вековая грусть.

Золотится солнышком
На траве роса.
Мы познали всё с лишком —
По судьбе коса.

На полях не вспаханных
Сорная трава.
Дорогая Родина
Совестью права.

ВЕТЕР В СПИНУ

Разгорался свет, свет.
В мире правды нет, нет.
За спиною Русь, Русь.
Ну, смелей, не трусь, Русь.

Ветром подгоняй край.
Не потерян рай, рай.
Едет под откос кос
Всё, что плохо нёс, нёс.

СВОЙСТВО ВРЕМЕНИ

Во тьму веков уходят годы,
Играя искрами минут.
Нам всем понятно, что невзгоды
Больней сейчас, сегодня, тут.

Как успокоить сердца рану,
Прогнать тоску сомненья прочь?
А если я рыдать не стану,
Как пережить мне эту ночь?

Как верить в мудрость тех обманов,
Что сердце нам порой щадят,
И в важность совершенья планов,
Где будем роль играть ягнят.

Но всё ж, гоню свои сомненья
И верю в мудрость бытия.
Ты дай, Господь, чуть-чуть терпенья,
Чтоб всё смогла сегодня я.

А завтра или через годы
Уж всё забудется легко,

Как позабыли все народы,
Что было раньше, далеко.

Оставив след иль штрих сомненья,
Страданья память унесёт.
И время, с Божьего веленья,
Всё это бережно сотрёт.

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Как важно возвращаться в детство,
И в те места, где раньше жили.
Как будто для леченья средство
Мне в руки бережно вложили.

Летят вперёд вагонов спины.
Мелькают в окнах сосны, ели.
Природы милые картины
Мне сердце памятью согрели.

Скользнёт в руках рябины яхонт,
Из детства памятью вернётся.
Коры берёзы белый бархат
Щеки доверчиво коснётся.

Гудят в стволах живые звуки
В тиши лесной звенящей, пряной.
Шуршат листвой берёзы руки.
Искрится воздух над поляной.

Как важно возвращаться в детство!
Как в детстве, чаще сердцем слушать.
Какое для решенья средство!
Нам надо чаще сердцем думать.

И всех проблем хитросплетенье
Само собою расплетётся,
И робкое стихотворенье
Бумаги трепетно коснётся.

НАЧАЛО

Владимиру Трефилову,
предсказавшему событие
11сентября в своей картине

В событьях тех, что в ночь произошли,
Виновны не поэты, не пророки.
Мы просто все туда толпою шли,
Цепляя на себя людей пороки.

В том месте, просто, лишь созрел нарыв,
И вырвалось наружу злое племя.
А в сердце, в подсознании надрыв
Поможет осознать другое время.

Не всё пройдёт, как прежде, стороной.
Беда та всех и каждого коснётся.
Услышишь, и воспримешь головой,
И заплатить по всем счетам придётся.

А что потом с тобой произойдёт,
Я думаю, ты сам пока не знаешь.
В структуре изменение пройдёт,
И сам себя во многом не узнаешь.

Но всё пройдёт, так плавно, без рывка,
Что испугаться даже не успеешь.
Сейчас живёшь в тиши — живи пока,
Но как сегодня жить уж не сумеешь.

В твоей душе, окрепнет новый мир.
Он, новый, равновесие имеет,
Где Сатана не сможет править пир.
Окрепнут крылья, и зерно созреет.

Пусть многим в мире том не повезёт,
Ростки взойдут ещё при этой тризне.
Всё, что задумано — произойдёт.
Ты дашь начало новой светлой жизни.

ПРОЗРЕНИЕ

Речка звуков в пространство
Здесь незримо течёт.
Как найти мне то царство,
Что к истоку ведёт.

Как услышать те звуки
Тёмной ночью и днём.
К нам протянуты руки,
Сердце светит огнём.

К сердцу чистые руки,
Не к ушам приложу.
Как пойму эти звуки,
Я тебе расскажу.

В горе, в радости, в муке
Кто захочет, — поймёт.
И в услышанном звуке
К нам прозренье придёт.

ЮРИС ХИСМАТУЛЛИН

***

Я думал,
Жилища богов
На небе бескрайне-синем:
И видно вокруг далеко.
И не мешают нимбы.

Но боги живут на крышах —
Наставники,
Лекари,
Судьи.
Им бы забраться выше,
Да измельчали люди.

***

С утра ничто не предвещало бури.
Она примчалась на пороге ночи.
И сад стоит, растерзанный и хмурый,
Безжалостно избитый в листья-клочья.

Крылатый мальчик в двух шагах от постамента
Лежал.
Мерцали звёзды голубые.
Прохожий, оглянувшись, незаметно
Перекрестился:
«Ангела убило».

***

Привет.
Какое нервное дыханье.
Как в пальцах зазнобилась мелко дрожь.
Мы намолчались в пору расставаний.
Ну сделай шаг ко мне, чего ж ты ждешь?

И руку опусти со спинки кресла.
И улыбнись, и веки подними.
Слеза блестит.
Как слезы неуместны —
Пусть брызжет радость, торжествует мир!

Зачем я сам,
Уже с колен,
Уже безвольный,
В твои уткнулся бедра и молчу?
И ровный звон, как с дальней колокольни.
И нет ни мыслей, ни желаний и ни чувств.

Так простою, мне кажется, и вечность,
Твое тепло и трепет ощутив.
И, если руки мне опустятся на плечи,
Дышать забуду я,
Целуя их...

***

— Тише, ветер,
Не тронь занавесок
И
Не шурши,
Не шуми,
Не балуйся.
Я и сам бы напел ей песенку.

Но давай помолчим,
Пожалуйста.

Тише, ветер,
Не трогай волосы.
Я и сам бы ее
Ромашками
С васильками осыпал полностью,
Но давай помолчим,
Пожалуйста.

Тише ветер.
Уже не дуется?
На потом оставлены шалости?
Спит она.
Ну а мы
Любуемся.
И спасибо тебе.
— Пожалуйста…

***

Разбуди меня утром до солнышка,
Когда пар набежит от реки,
И под розовым неба околышем
Наберут синий цвет васильки.

Петухи, всё на свете проспавшие,
С опозданьем наврут про зарю.
И к колодцу старинному нашему
На поклон я схожу журавлю.

***

Как же мечтаем о ярких и громких победах.
Копья ломаем и бьем в боевой барабан.
Надо хотя бы однажды довериться ветру.
Надо хотя бы однажды отдаться волнам.

Как же сильны и неистовы в праведном гневе.
Как же ранимы, наивны, когда влюблены.
Надо однажды довериться мудрости неба.
Надо однажды коснуться молчанья луны.

Мир этот старше, чем мы, на тысячелетья.
Это не миру, а нам не живётся без мук.
Мы перед миром — его неразумные дети,
Напрочь забывшие о почитанье к нему.

Надо отдаться, довериться или коснуться.
Надо.
Уставшим уснуть
И счастливым проснуться.

***

Я дров наколю,
Натаскаю воды из колодца.
И выскоблю-вымою кадки,
Скамью и полок.
И в печке огонь зацветёт,
Как подсолнух под солнцем.
Из черной трубы
Закурится весёлый дымок.

Приправленный травкой душистой
Берёзовый веник
И хлебный, ядреный,

Потеющий с холода квас.
Не баню топлю,
А готовлю обряд очищенья.
Не баню топлю,
Отмечаю «березовый спас».

Как сладко —
Ступить за порог в рукотворное пекло!
Как сладко —
Мороз босиком пробежит по спине!
Обласканным паром крутым
Возродиться из пепла!
Размякшие мощи
Бросать в отрезвляющий снег!

И душу на каменку выплеснуть,
Чтоб зашипела,
Смешалась с настоем берёзовым на кипятке,
И пить,
И вдыхать обновленную в чистое тело,

Её за неделю потратил,
Живя во грехе.

***

Не будем спешить.
Ещё пару витков.
Хочу присмотреться —
Чужая планета.
Как много веков
Не бывал здесь никто.
И знанья скупые —
Из Ветхих Заветов.

Правители наши
Давно интерес
К цветущей когда-то
Земле потеряли,
С тех пор, как изгнал
Божьих ангелов бес.
И мы здесь надолго
Задержимся вряд ли.

Здесь юное Солнце —
Гореть, не сгорать.
Для жизни и счастья
Всего сколько надо.
Здесь боги когда-то
Задумали рай.
А люди построили
Все круги ада.

***

Я дверь.
И я здесь главная на даче.
Вся жизнь моя — сплошные встречи-проводы.
Я замыкаюсь,
Запустив удачу.
И настежь я,
Когда большие хлопоты.

Я не люблю засовы и замки.
И я скриплю,
Дрожу от возмущения
Когда меня пинают сапоги
И ручку отрывают без зазрения.

Что за нужда такая у гостей:
Прийти, когда отсутствуют хозяева.

Пришли бы днем —
Откроюсь без затей.
Так нет:
Ломают,
Рвут меня незваные.

Я не люблю, что шастают коты.
Они терпеть не могут дверь закрытую.
И я визжу на них до хрипоты.
Они ж скребут меня с ухмылкой сытою.

Но
Я распахнусь в восторге:
Во владенья,
Совсем как ангелочек нарисованный,
На маминых руках вплывёт младенец,
Кусая мягко пальчик полусогнутый!

***

Еще вчера стоял на эшафоте.
Там выполнял нелегкую работу:
Я головы рубил по воскресеньям
Тому, кому нет веры и прощенья.

Меня боялись, втайне уважали,
Взмах топора с восторгом провожали.
И всяк мечтал сорвать колпак мой красный
И заглянуть под маску.

Но умер грозный некогда правитель.
И нами правит новый повелитель.
Свершилось — первым же указом
Он отменил как пережиток казни.

И люди веселы и беззаботны.
И только я скучаю без работы:
Похоже, ждет Вселенную упадок-
Ну как без казней поддержать порядок!

НИКОЛАЙ ШАМСУТДИНОВ

***

Я не ведал про наш род, берущий начало
в Индии: и сурова, и в меру нежна,
матушка моя (в силу причин?) умолчала,
что, по древнему роду, рожденьем — княжна,
избежавшая рока… И вот, в назиданье
сей «беспамятности», память теплит — втройне
незабвенное для посвящаемых: «Знанье
(по Платону) есть припоминанье…», вовне
осени echauffe… Посему — прозорлива,
ибо для большинства — не от мира сего,
сама мысль о генезисе — жизнелюбива,
открывающая человеку — его
самого себя: и выходящим из бара,
и высвистывающим стихи, всё одно…
Только сам по себе, жанр сердечного жара
адресуем Создателем матушке… Но,
поглощён и утаиваем подсознаньем,
отзывается, прямолинеен, ему —
ужас жизни, разжалованной прозябаньем
до самоистязания, сударь, чему,
быстротечен и, в сущности, бесчеловечен,
мир (чаруем приблудною музою, лишь —
без взаимности) не открывает, увечен
отрицания вечности в каждом. Фетиш
безысходности, тем и пикантней верлибр,
иссушающий суть дарования. При
одиночестве — в роли наставника, выбор
делает анапест, сколько в корень ни зри…

***

Уязвляемы взглядами присных, в тени
обстоятельств, склоняемые к мимикрии,
не спешите с идеями в массы — они
разуверились, массы, в «идее мессии»,

между тем как в язвительнейшей из систем,
обладает ли внутренний голос, мужая,
правом голоса? Душеприказчица (?), чем
переимчивей в масках реальность, чужая,
тем её истеченье интенсивней… Анфас
к настающему, не обещает уюта,
ибо вечности тоже отпущено, да-с!
своё время. Тем паче, одержимей цикута

ждёт Сократа: жизнь (к ней мы вернёмся) верна
постоянству, мой друг, в переменах. Издревле
измождённая маска реальности — на
трансцендентном лице ирреальности… Тем ли

воздухом эволюции дышит герой
трансформации? Взнуздан прогорклой тщетою,
кровный узник действительности, прободной,
ровно язва, — фамильной богат нищетою,

чьи черты предначертаны роком… Вполне —
из вакхических фурий, впадающих в детство,
чем скабрёзнику самоирония — не
средство от самоедства? По сути, наследство

подзабытого прошлого, ждущего «фас!»
за спиной обречённого. При расах, как «классах»,
что им до эйфории критических масс?
Сатана — в их апокалипсических пассах…

***

Из шести городов изгоняли Гомера…
После смерти его шесть городов спорили
за право называться его родиной.
Геродот

Тьмы убогих, что пренебрегают дуэтом
с совестливостью, коль лишены её, — в мере
интервенции, заданной им интернетом, —
зависающим в зависти, стадным Сальери
свежей выпечки, что не «грешат» пуританским
воспитаньем, ведь гений, толкаемый к Лете,
ими так и предъявлен — не вегетарианским
нравам, что отказали нам в приоритете,

в первенстве духа: да-с! при дешёвых прогнозах,
скопом, сдержанности в исступленье не зная,
массовое «ничто» — в мутных метаморфозах,
серость преображаема в «нечто», дерзая
(с выгулом простодырых амбиций…) на смелость
притязать на успех. В патоке сервилизма,
заскорузлая в комплексах, вечная! серость
искушаема логикою сальеризма…

В то же время, быв и соискателем мирта
и в прогнозах кликушествуя вне сомнений,
серость тлеет — в формате повального флирта
с музой, что в упованье иных отношений…
И при серости, адресно бесчеловечной,
индивидуум, как загнанный, порабощаем
ариею мерцательной, то бишь сердечной,
аритмии и в кару свою — обращаем:

жизнь в затворничестве творчества —
сущая схима,

от неё, скопом, не упасаются бегством…
Но при ней, что заштатным шантаном хулима,
глубже автор, своим же тестируем текстом,
не в умозаключеньях — в трудах, истязая
ночным бденьем рассудок, ведь — трудник от века,
ибо не одному, воодушевленье питая,
ум слепит — слепотою великого грека…

***

Одержимый собою — в умоисступленье,
не дающем сомкнуть воспалённые вежды,
коль, в густонаселённом самозаточенье,
обездвижены, универсальны, надежды
на счастливый исход. Не соперник Горгоне
в многомерности зла, как и в варварских играх,
с мором в телепатическом диапазоне,
преисподнею дышит — замурованный в микро-
мире… Либо он, мир, замурован в нём, с вето
на иллюзии? Суть стоицизм, препаратор
коррозийных коллизий, для анахорета
одиночество — анахронизм. Ретранслятор
вышних сфер, пеленгуемых сердцем, по касте —
так себе, частность, вирус самоистязанья,
преломляемое в размышленьях ненастье
неврастеников натаскивает на стенанья
в адрес фатума… Не биология боли
занимает умы: в безголосом смартфоне,
в голосе! покрепчав, — эволюция воли,
по ту сторону мора, в ночном марафоне
духа, не поднадзорного самозаточенью
индивида в себе… Неусыпна природа
бденья и, наставляя оброчных терпенью,
ждёт от единоборства с тобою — приплода,
как исхода, резонного при несваренье
омерзения от обыдёнщины, что не

по душе толмачу пандемий — в искупленье
появленья на свет, в чьей бессмыслице тонет
человек, по природе своей быв бесцельным
в притязаньях на поприще пророчицы-пряхи,
в свою очередь, жив, в ожиданье, — прицельным
обновленьем своим, индивидуум, через прах и…

***

Арендуема штаммами штампов,
                да что там ни прячет
за шарадами жизнь,
                Парками предрешённый (?) утиль,
с ученичеством в иночестве,
                овладеть собой, значит,
взять судьбу во владение. Чисто лирический штиль
в бренной данности, ибо открещиваются от кисло
рассуждающих о постороннем, как потустороннем.
Иль нет?
При нежизнеспособности, вечные поиски смысла
жизни и обессмысливают эту жизнь. Конфидент

матрицируемой виртуальности, он и поныне
в съёмной вечности, что — в запустенье,
приличий не чтя,
но — в сени густолиственной,
чуткой к Катуллу латыни,
милостью ГОСПОДА, трудник, а не отставник бытия,
бытием же и уподобляемый книге прочтённой,
с чуткой женщиною, одомашнившей б даже и ад,
воспитаньем Горацием так глубоко заточённой
в утончённости майской камелии, прячущей взгляд

от погрязших в двуличии, что перепончато-чутки —
к честности и открытости праведников.
В простоте (?),

оступаясь в проступки — по малому счёту, уступки
подлости, уступают, подонки, себя пустоте
в душах, искореняемых нелюдями, ведь всё реже
Божьи Искры в них…
И, не повального ли мора в них знак,
и мотивы всё те же, и нравы, признаться, всё те же,
и, простак, индивидуум всё тот же круглый дурак…

***

Пожизненный, в маске, Вергилий, —
угодьями тлена,
беззвёздною ночью, где, в мороке,
каждый — фантом,
строптивец, келейно ломаемый через колено, —
храним, среди нежити, чернорабочим пером…
С претензиями парвеню — по масштабу вселенной,
при склонности к мелочным склокам,
что горше всего,
суть цивилизации, будучи галлюциногенной,
кромешнее в глюках и благословляет его.

Быт — бьёт, и — без промаха.
Тем саркастичней улыбка
в свой собственный адрес,
порой от себя далеко-о-о:
по Ларошфуко, наш эмпирик, «большая ошибка —
думать, что другие глупее тебя…». Далеко
не выходцы из фэнтези, но — высекая изжогу
из присных, дав слово депрессии,
длящей запой (?!),
всё чаще блефуют, сводя монолог к диалогу,
и вне экивоков, но только, признаться, с собой,

пока, с высоты птичьей оптики зря лихолетья
и болью зашкаливая в защемлённых чертах,

следит время за репетицией, трудник, бессмертья,
что заключена в каждодневных трудах, —
                на ножах,
shere, с праздностью, в до-олгом
                зиянье зевоты из зева,
пока — беспробудные будни, чей избыток гнетёт,
гнетут диагноста реальности боли и гнева,
будя интенсивность (экстенсивность)
ассоциативных тенёт:

при тяжбе с судьбой, взяв терпенье на вооруженье,
мордуем, сам — кровоподтёк, мародёрами от
«изящной» словесности, не обретёшь утешенья
ни в эпосе, ни в энтропии, что эпика ждёт,
покуда, забившись, в разладе с собой, —
                в отрешённость
от времени, выброс чей, не иссякающий, точь
в точь — выброс стихии,
                что опровергает резонность
твоей безвозмездности, трудник,
                в беззвёздную ночь...

ОГЛАВЛЕНИЕ

В добрый путь! . . . 3
Взгляд изнутри . . . 5
И в будущее!.. . . . 6
Михаил Антохин . . . 8
«Ах, поспела, совсем поспела...» . . . 8
«Нет...» . . . 9
«Не утихает дождь на улице...» . . . 9
«Разгулялась вьюга...» . . . 10
«Куплю пальто из дерматина...» . . . 10
«Ещё я с вами не прощаюсь...» . . . 11
«Всё труднее даётся шаг...» . . . 12
«Отчего скворец поёт...» . . . 12
«А ветер с визгом вырвался...» . . . 13
Нина Асикянц-Галочкина . . . 14
Урал-Господин . . . 14
С Днем рождения, Сургут! . . . 15
О, память! . . . 15
Былое житьё . . . 16
Мрачная жизнь . . . 17
Настроение . . . 17
У колыбельки . . . 18
Не тужи! . . . 18
Если бы не старость! . . . 19
Деревенский романс . . . 19
Только ты позови . . . 20
Анжелика Бивол . . . 21
Падают сказки . . . 21
А ты умеешь слушать тишину? . . . 21
И будет тихо . . . 22
Время листает . . . 22
Сонная аллея . . . 23
Из кубиков льда . . . 23
За оконным стеклом . . . 23

Вестники весны 24
Вновь рука тонкой ручкой выводит 25
Время белых ночей 25
Ах, весна! 26
Проснулся лес 26
Страницы 27
Откуда-то свыше 27
Валентин Воробьёв 29
Грусть 29
О себе 30
Осень 31
Ода Сургуту 31
А время не лечит... 32
«В костер обид кладём дрова...» 33
«Склеить разбитую чашку?..» 34
«Когда закончится война...» 35
Леонид Гайкевич 36
Покорители нефти 36
Звонок 37
Память 37
Живым и павшим 38
Человек 39
Наш дом - Югра 39
С добрым утром 40
Чёрное золото 40
Ода бурению 41
Спаси от одиночества меня 42
Тепло твоих рук 43
Алексей Горский 44
Уходят в небо ветераны 44
Философское 44
Не трогайте 45
Я удаляюсь 45
Пока живём 45
Две половинки 46

Я не прощаюсь, я вернусь 46
Новогоднее 47
Цветы из окон дома 47
Так дай нам Бог 48
Скажи дед 48
Химикат 48
Михаил Долгополов 50
Три на четыре 50
Ещё не вечер 50
Деревенька 51
Звёздная повесть 52
Мама 53
Двадцать два 53
Егор Елистратов 55
Зима в Югре 55
Восторгаться или плакать? 56
Древо 57
Танец 57
Летучий голландец 58
Старый дом 59
«Стирает время мир один-другой...» 60
Лестница в небо 60
Лицемер 61
Творчество 62
Людмила Елистратова 63
Размышления поэта 63
Стансы памяти 63
Ландыши 64
На старом причале 65
Свой путь 66
Плохие новости 67
Приметы времени 68
Миражи 69
Георгий Ешимов 71
Открытие 71

Девушка и трубка . . . 71
«Мы зависим от ласковых слов...» . . . 72
Русская изба . . . 73
Геологи . . . 73
Родина . . . 74
Зов . . . 75
Крещение в Сургуте . . . 76
Поле . . . 76
Поезд . . . 77
Галина Ильина . . . 78
Моя Белая Страна . . . 78
Прилёт снегирей . . . 78
Закат лилово-золотой . . . 79
Под парусáми . . . 80
Как редко мы бываем дипломатами . . . 80
Пахнет осенью! . . . 81
Нам пути расписаны . . . 82
Ах, что за лето! . . . 83
Лечение огоньковской строкой . . . 84
Нина Календарёва . . . 85
«Лети исписанный листок...» . . . 85
Лето с дождиком . . . 86
Букет и хрусталь . . . 86
Старые газеты . . . 87
Зимушка-метель . . . 87
Русский снег . . . 88
Так вырастают города . . . 91
Александр Козловский . . . 92
Накаркали . . . 92
Василий Коненков . . . 97
22 июня . . . 97
Песнь о Сургуте . . . 97
«Осень плачет холодным дождём...» . . . 98
Монолог брошенной женщины . . . 99
Моей первой жене... . . . 100

«Над плывущими вдаль облаками...» 100
Победителям... 101
О любви 102
«Рандеву» с ветром 103
Марина Кондакова 104
Небесная принцесса 104
«Ветер, словно бы жёсткой метёлкой...» 105
Заботливая белка 105
Ошибка дятла 106
Привет из детства 107
Мой Саншайн 107
Ты уехал... 108
«Пусто во дворе соседском...» 108
«Обогатился интерьер ...» 109
«Всё так же тихо по утрам...» 110
Любовь Коробкина 111
«Мой град Сургут...» 111
Разноцветье осени 111
Звучала музыка орга́на 112
Детства нашего Новый год 112
Новогодний ангел 113
Любимый «Каприс» 113
Разлился золотом закат 113
Ночная спутница 114
Ветреный повеса 114
Город в тумане 115
Мелодии природы 115
Размышление 116
Признание в любви 116
О творческих муках 117
Провожая бабье лето 117
Хорошо, что мама есть 118
Александра Лазарева 119
Твоя ладонь 119
Старший брат 120

Есть в наших сёлах... 120
Бабушкин свет 121
Между «после» и «до» 121
В мысли мои входи... 122
Я, как будто забыла... 122
Чёрное платье 122
Молитва мамы 123
Лето без тебя... 124
Поклонение 124
Телеграмма 125
Надежда Лишманова 126
«Пропал поэт, вдруг стало пусто...» 126
Провал 126
Не моя волна 127
Память-дура 127
Глоток 128
Прости берёзка 129
Время поговорить 130
Лучше одной 130
Печаль моя 131
Звуки мелодий 132
Закрытыми глазами 132
Александр Любякин 134
Лес 134
Дождь стучится в окно 137
Пробуждение 137
Зима 138
«Шальная осень, рыжая девчонка...» 138
Как хочется вернуться в детство 139
«Весна заблудилась в Сибирской тайге...» 139
«Снова осень, и дождик в окно...» 140
Сергей Мельников 141
Встреча 141
Олег Никулин 146
Россия 146

Признание 146
Иван-чай 147
После дождя 148
Вот так 148
Сказочный сюжет 149
Ёжик 149
Дождик 150
Воробышек 150
Весна 151
Кукушка 152
Белая ночь 152
Бусы 152
Людмила Премудрых 154
9 мая 154
Баранья «музыка» 154
Грамотей 155
До свидания, детский сад 156
Ёжики 156
Нота «Ля» 157
Олень и пень 158
Туристы 159
Фронтовичка 159
Язычок 160
Олег Рихтер 162
«Когда настанет час ночной...» 162
«Осень в багряном закате...» 162
«Ты — словно воск в моих руках...» 163
«Пусть солнце пламенного юга...» 164
«В утро обычное, хмурое, серое...» 164
«Давай подальше от людей...» 165
«Нежна, покорна, не строптива...» 166
На Тромагане 167
Отшельник 167
Вячеслав Сазанович 169
Молчи... 169

А было время золотое... 170
«Ты была неприступней горы Эверест...» 170
«Гибли творенья мечты рукопи́сной...» 171
Девушка-Осень 171
Старенький дом 172
Время и возраст 173
Посвящение очкам 174
«Луна, сияя, глаза морочит...» 175
«Бездна веков пронеслась по земле...» 175
Наира Симонян 176
«А давай на пиру нашей жизни станцуем...» 176
«Надвигается осень, ну, птичка, лети!..» 176
Памяти Вачагана Манукяна 177
Ераблур 177
«Постепенно слова покидают меня...» 177
«Как будто птицы стали безголосыми...» 178
«Когда среди заснеженной глуши...» 178
Страна моя 179
«Моё полувесеннее видение ...» 180
«В раскалённом мерцании мыслей, сходящих на нет...» 180
«Когда в свой час моя душа пустыней станет...» 181
«Вот парадокс: я, как эфир — прозрачна...» 181
Маргарита Сладкова 183
По умолчанию 183
В «день рассматривания лиц» 183
Видно, поздно 184
По факту 184
Почти уныние 185
Северные июни 185
Три в одном 186
Метакарты 187
В остатке 188
Неиспользованный эпизод 188
Теперь 189

Сергей Сметанин 190
«Зима. В Сургуте в это время...» 190
Весна 190
«Войну стихами не остановить ...» 191
«Поздний час. И раздольнее дышится...» 192
Осень 192
«— Речка, речка, отчего ты не прозрачна? ...» 193
Слова 193
«А я люблю людей обыкновенных...» 194
Свидание 194
Никон Сочихин 196
Предновогодний снежок 196
Сонет 196
Наездница 197
Песня о глухаре 197
Весенняя песенка 198
Приметы весны 199
Ночная вахта 199
Катание на лодке 200
Гроза 200
Запоздалый поклон 201
«Где ты, моя первая...» 202
Евгений Ставровский 203
Ветерочек мой 203
Лучик 204
Весна поёт 205
Я один 206
К исходу август 206
Ты — мой свет 207
Дождик 208
Корабли небесные 209
Пол-лета 209
Пётр Суханов 211
Пусть всё доброе будет вечным 211
Разнолетья 211

Всё тайга да тайга 212
Покоя не было и нет 213
Сила любви 213
Мольба 214
Ожидание 214
О словах 215
Песня сына Югры 215
Гипотеза 216
«Места у нас — курорт!..» 216
Первый снег 217
Ирина Тодорова 219
«Звезда воцарилась и чудо вещает...» 219
«Пробежаться по морозцу...» 219
Новолетье 220
«Покой и свет и тишина...» 220
«Условности трехмерного пространства...» 221
«А мне бы в небушко...» 221
Сказка 222
«Лондонский смог. Как в клетке...» 222
«Шёл мелкий дождь...» 222
«Уже снега кивнули нам...» 223
Новый год в зеркалах 223
Россия 224
Ода 224
Рождество 225
Алексей Томшин 226
Ветер-дирижер 226
«Прижался к нежной глади щёк...» 227
Вечерняя встреча 228
Догорает пламенем закат... 228
«Как жалко, что теряются друзья...» 229
Мамина «заначка» 229
Меня давно волнуешь только ты... 230
«Читаю женские стихи и огорчаюсь...» 231
Рисует небо облаков узоры 231

Тихо постучит в окно... 232
Наталья Усова 233
Сказка о маленькой струнке 233
Вита Федина 237
Свет Спасительный 237
Отпускаю 237
«Сегодня вела диалог с бабьим летом ...» 238
Воздушный поцелуй 238
Шаги октября 238
Рождество 239
Мой город 240
Смыслопристань 241
Доверяйте музыке, как другу 241
Всё, чем в сей миг... 242
Концерт во Врубелевском зале 242
Нельзя всё договаривать в стихах 243
Людмила Фомина-Яблуновская 245
Возвращение 245
На пепелище 245
Книга Судеб 246
Взываю 246
Русь 247
Ветер в спину 248
Свойство времени 248
Память детства 249
Начало 250
Прозрение 251
Юрис Хисматуллин 252
«Я думал...» 252
«С утра ничто не предвещало бури...» 252
«Привет...» 253
«— Тише, ветер...» 253
«Разбуди меня утром до солнышка...» 254
«Как же мечтаем о ярких и громких победах...» 255
«Я дров наколю...» 255

«Не будем спешить...» 256
«Я дверь...» 257
«Еще вчера стоял на эшафоте...» 258
Николай Шамсутдинов 260
«Я не ведал про наш род, берущий начало...» 260
«Уязвляемы взглядами присных, в тени...» 261
«Тьмы убогих, что пренебрегают дуэтом...» 262
«Одержимый собою — в умоисступленье...» 263
«Арендуема штаммами штампов...» 264
«Пожизненный, в маске, Вергилий, ...» 265

Литературное объединение «Северный огонёк»

Сквозь время

Дизайнер обложки Вячеслав Сазанович

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero